

Виктор Гринько

ЭТОТ МИГ НЕПОВТОРИМЫЙ....

ЭТОТ МИГ НЕПОВТОРИМЫЙ....

*«Нет смысла преувеличивать ни вчерашние обиды
ни прошлые заслуги, ибо они существуют только
в вашем воображении, товарищи курсанты».*

**Капитан 3-го ранга Грибков Л.А.
командир 35-ой роты - перед строем.**

*«Простите братцы, если что соврал,
что в памяти сохранил, то и рассказал».*

Витька Дрон – 35-ая рота, ЭМС-70...

Пролог

Осенний ветер метет по серому тротуару опавшие листья, всякую дрянь. Непорядок. За спиной шумит еще не опавшей листвой осенний парк. Осень она и в Париже осень. Однако это не Париж. Это лучше чем Париж. Париж, что? Париж для парижан и туристов. И расположен на Сене. Туда дорога разве, что только дунайцам. Были среди нас и такие.

Наверно, у девушки с веслом, а может у дискобола, жгут листья - несет дымком. В вашем городе, господа, есть девушка с веслом и дискобол? Вот в нашем, лютой ненавистью любимом, в парке, были и девушка с веслом и дискобол. Начальник цикла физической подготовки, незабвенный памяти Ашпис Илья Израилевич, помнится, рассказывал, что дискобол изображен неправильно и даже показывал, как метать диск, но учились мы неважко. И запомнили мы не многое из того, чему нас учили. Для жизни, правда, хватило... Интересно на месте ли они сейчас? В смысле девушка с веслом и дискобол. Надо будет сходить, были там изумительные скамейочки - ни один патруль не найдет. Можно целоваться с девушками и даже вино пить. Кто поразухабистей, так не только... Девушки, похоже, теперь все больше для воспоминаний. А вот стаканчик вина, как прежде на углу Ушакова и Суворовской, было бы здорово. И еще бы почти забытые ощущения молодости и полета, хотя бы на ненадолго и тогда можно считать, что день удался. Да, что значит, удался день, считай цели экспедиции достигнуты. И не в целом, а целиком и полностью, Правда, ощущение полета приходит все реже и реже. Так, иногда да и то если только во сне. Правда на вокзале, сразу после поезда еще до первой рюмки, что то такое присутствовало.

Теперь этого добра в каждом ларьке. В смысле пойла. Помнится, мы предпочитали «Биле мицне». Нет, употребляли и другие напитки. Да вот ,что касается соотношения цены и качества, предпочтения отдавались все таки «Биле мицне».

Конкурентоспособный, однако, продукт. Любопытно, не испустил ли дух в условиях рыночной экономики? В сопредельных государствах аналог приказал долго жить. Замещен водкой. Шмурдяк сейчас только в самиздатовском варианте. Знающие люди утверждают, что Биомицин по сравнению с Солнцедаром был нектаром, и выпускается, якобы, и сейчас, но под другой торговой маркой. Утратили, понимаешь, брэнд. Вот для производства Солнцедара использовался виноматериал из Алжира, с которым виновозы приходили в Ильичевск. Коля Выдриган и сейчас опишет тебе, дорогой читатель, качественные показатели и отдельные отрицательные свойства этого зелья. Технический участок ЧАМП всего то был 200 метрах от причала, а через проходную портовскую наши парни пронесли бы и мать родную. Помним.

Неясное беспокойство прохладным ветерком проносится по воспоминаниям. Где-то здесь, совсем рядом, а может быть совсем уже не здесь и совсем не рядом, а совсем в другом месте, теперь уже далекая и почти напрочь позабытая юность. Даже не юность, а скорее детство, с настоящим морским палашом, как-то невзначай вытолкнувшее нас транзитом через эту самую, короткую юность, во взрослую жизнь. Грустно.

Ну да, а вот кафешки напротив синагоги никак на месте нет. А начинать следовало бы, наверно, именно отсюда. Почему? А здесь завершалось наше морское образование. Володя Птица-Staff Captain с плавказино в Гонконге, говорит, что «Ветерок» называлась кафешка. Ну да, была такая мода называть все на один лад - «Ветерець». Сюда в «Ветерок» мы и бегали во время государственных экзаменов оморячиваться. Придавало больше уверенности в очень неопределенном светлом будущем... Убаюкивало сознание. Занятное, надо сказать, мероприятие. Видали мы коньяки. И бренди и много других напитков без счета. Но тогдашний коньяк был вкусный, правда, в отличие от компота, был пока для нас не очень привычный. Можно было бы и вовсе без него. Ну да как некоторым штатским, да

и перед офицерами продемонстрировать свое превосходство. Фига в кармане. В нашем сознании давно поселилась не очень мудрая мысль, что главная мера в оценке курсанта - это его безбашенная лихость. Примерно так на один лад все мы тогда и думали. Ведь это были те самые послевоенные поколения, которые по-прежнему мечтали стать героями. Такими как были и предшественники наши. В стенах училища витал дух довоенных и первых послевоенных выпусксов. И командиры наши переубедить нас не пытались. Может оно и правильно. Вот мы кто как смог и повторили их путь. Правильно ли все это? Как знать.... Сомнения в появятся много позднее. С первыми сединами. В тогдашние наши головы пути им нет. Потому, что мы централка. А в порядке подготовки к государственным экзаменам - сначала в «Ветерок», а потом рассказывать друг другу о былых походах в Океан. Иногда и о собственных подвигах. Понятное дело. Девчонки, зашедшие на мороженое, смотрят на нас с тихим восхищением. Как знать, может и было на кого смотреть? Ведь мы были централка. Алкоголем мы еще не злоупотребляли, мица, как у американских бомберов, времен когда бомбили Швайнфурт, на рукаве умопомрачительные пять курсовок и флагжок красный - девчонки любят. Мечта. Город принадлежит нам. Той осенью мы не сомневались ни в чем. В том, что город принадлежит нам по праву победителей – тоже. Сегодня вряд ли кто в этом уверен. Жизнь сомневаться научит. А сомневаемся мы все чаще. Нет, определенно, накануне выпуска город принадлежит курсантам. Нам и нашим счастливым соперникам - пацанам выпускного курса конкурирующей мореходки. Прямо скажем- этим парням отказать в бесшабашности тоже трудно.

Это завтра из списка героев, а некоторых и из памяти, безжалостно вычеркнут. А по праву нам принадлежащее место в воображении местных девчонок займут уже другие. Это у них на рукаве будет пять нашивок, фуражка как у американских бомберов и по девчонке по каждую руку. Пройдут мимо – не

оглянутся. И тогда, уже для них будут аплодировать пассажиры парализованного транспорта в последний день октября, когда роты пятого курса последний раз строем поведут из первого учебного корпуса в экипаж. В нашем городе последний звонок в «централке» это событие, вам я скажу. А троллейбусов- то, что-то не видно. Больше не ходят, что ли. Вот бы еще раз с девчонками и по городу! Увы, где те девчонки? Чьи вы бабушки, наши бывшие невесты? Не наших внуков. Ну да, ведь на наше место пришли другие, может более достойные! Дай им бог!

Смелым иногда сказочно везет. Лихим и смелым ветер всегда в спину - это нам объяснили успели. Учить нас пытались хорошо, но вот что ветра попутные преимущественно на курсах ведущих к опасностям, постигать придется самим. От того и небоевые потери высокие. Так ведь это в учебную программу и не входило. И так учили совсем неплохо.

Да и то сказать, воспитатели наши, были сами парни отчаянные, да и по возрасту ушли от нас совсем не так далеко. Им бы коня да шашку. Сами недавно были курсантами. Некоторые даже и совсем недавно. Жизнь быстротечна, увы. А ведь оказались ровесниками мамонтам. Сегодня, кто выжил, старше любого из них. Судя по званиям, большинство из них, вообще были молодыми людьми. И бегали, некоторые, будь здоров. От капитан-лейтенанта Котова попробуй сбежать. Это же надо так бегать за самовольщиками. Как за званием внеочередным. Ох, не побежал бы, даже если уволили без выходного пособия. Жив ли? И чего ему на пенсии вспоминается? Ребятам этим и сорока не было, совсем салаги. И куда только днепровская вода унесла эти чудные годы.

О том, что офицеры совсем не так далеко от нас ушли по возрасту, стало понятным с годами. Где Вы капитан третьего ранга Грибков Алексей Афанасьевич, фронтовик и наш командир роты? Нет командира. Вечная Вам память, нашему командиру и воспитателю. Живы ли Вы, капитан третьего ранга Трибуль? Многое мы сумели с тех пор понять, а вот куда поде-

вались утекшие как песок сквозь пальцы годы, не понять нам. Не понять. Не учили этому.

Не надо ничего преувеличивать говорил капитан третьего ранга Грибков, это нервирует. А говорил он так, когда мы мяукая дразнили его из-за угла всяким неприличным образом. Говорил он так себе, чтобы успокоиться. Я слышал. Командир на фронте был контужен, а мы, поверженные дурному влиянию друг друга, таким образом, выражали свое неприятие строгой воинской дисциплины. Нехорошо. Простите нас Леонид Афанасьевич, мы, может, и не очень поумнели, но вину свою перед Вами осознали. Все. И те, кого еще можно в строй поставить и те, кто в деревянных бушлатах.

Вот оно здание с обсерваторией под шатровым куполом с локаторами и радиоантеннами. Первый учебный корпус. Не все исчезло бесследно. А вот в «Ветерок» сейчас, было бы в самый раз. И грамм сто «Белого аиста» доперестроичного розлива, тоже в самый раз.

Такоеказалось огромное здание. И то сказать – опорный объект в архитектуре города. Не Эйфелева башня, но все же. Зданий таких немного. А размерами вроде как меньше стало. Точно знающие люди говорили - мореходка стала маленькая-я-маленькая. Не верилось.

Первокурсники, после хозработ, чтобы неходить на уроки, до обеда отстаивались на чердаке под куполом. Там и курить научились. Курсант обязан учиться, соблюдать дисциплину, любить Родину, еще чего-то там, говорили обязан. Про честь и славу чего-то говорили. А вот, что курсант должен пахать как училищная лошадка, об этом нигде не говорилось. Подразумевалось. И это было, наверно, первое разочарование в училище. Физический труд для воспитания, конечно, полезен, только вот с учебой совмещается не очень. Единственная пощада для курсанта - это когда в солдаты. Единственное место, где можно чувствовать себя в безопасности - под шатровым куполом никогда не достроенной обсерватории. Здесь после трудов пра-

ведных, прежде чем сесть за парту или стать в строй, можно час другой передохнуть.

Не побывав на пыльном чердаке, век бы не понял, что привлекает на Эйфелеву башню зевак знаменитого города. Наверно от неприятностей прячутся. Комендант корпуса, отставной моряк, дядька был добрый, разрешал. Но только, не курить! Прости нас дядька- моряк. Курили.

С молчаливого согласия коменданта, справившись с заданием, можно было сбегать в кино. Однако не всегда было на билет, а потом можно было попасться, чего бог миловал, и схлопотать за самоволку штук пять нарядов. А дело это я вам доложу, простое, только кто пробовал, тот знает, отстоять наряды непросто, потому, что нарядами можно обрасти, как елка игрушкам, и потом хрен Вам – не отпуск.

С другой стороны, нужно же кому-то приводить в порядок училище. Может именно поэтому, технический персонал училища крайне невелик. И коменданты учебных корпусов и лаборанты в нашем мухосранске - сродни адмиралу республики Того. Чем толще, тем свирепее.

Все ремонтные работы расписаны на период летних и зимних каникулярных отпусков. Нужна рабочая сила? Так на то мы и есть, веселые ребята. Свободы сначала лишается тот, кто ее больше любит, потом все остальные. Так проще начальству. Вы нарушитель дисциплины? И тогда аккорд. За неделю выполнить двухнедельное задание - это зимой, летом за две недели - месячную норму и только потом к мамке. Нешто офицеры мамок никогда не имели, что ли. Некоторые имели, некоторым расстреляли. У нашего командира расстреляли отца. Да мало ли чего было. У нас с родословной, тоже не здорово.

Работа для проштрафившихся - от завтрака до полуночи, с перерывами на пожрать или как приучали товарищи военные - для приема пищи, короткий сон в разрезанной сигаре демонстрационной торпеды, кажется САЭТ-50, или прямо на столе, постелив парусину с артустановки. Утром завтрак по расписа-

нию и опять покраска кабинетов военно-морской подготовки. Свобода творчества - переменный контингент в отпусках. Перед государственными экзаменами Коля Выдриган предлагал незамысловатый аккорд- на время госэкзаменов все вооружение перенести в актовый зал, а после - вернуть. Председателю государственной комиссии точно понравится. И всем будет хорошо. А участникам аккорда за это по три шара. Справедливо. А понравится председателю, товарищи офицеры могут рассчитывать на досрочное присвоение очередных. Служба то военная.

На каникулах офицеры добрые, понапрасну не травят. А вот заместитель начальника училища по АХЧ, отставной подполковник или попросту АХЧ, памятуя о строгостях армейской службы, требует, чтобы курсантский суточный наряд приветствовал его вставанием и командой «Смирно!». За невнимательность к его персоне, мог отчитать. Чтобы кто-то был наказан, за давностью лет не помнится. Едва ли, такое было. Во всяком случае, до того самого злополучного случая, наложившего роковой отпечаток на судьбу одного из наших героев, вопрос так вообще никогда не стоял. Поругивали да и все. Но все равно было страшно! На первом же построении на плацу по случаю оглашения приказа о зачислении в училище первым делом нам объяснили, что за воротами училища ждет нас нетка родная и не мама , а суровый военком.

Вообще-то, начальник АХЧ мужик, похоже, был незлой, удовлетворился бы и тем, что при его появлении дневальный просто поднимал бы свое туловище со стула и брал под козырек. И, это товарищи, наверно, было правильно. Непорядок, понимаешь, не уважать старших, тем более офицера, даже если он в отставке и заведует хозчастью училища. И потом для старшего офицера - прямой долг, даже если это не прописано в штатном расписании, радеть воспитанию подрастающего поколения. Но курсанты не то, чтобы особо уж ленивый или невоспитанный народ, но сутки для курсанта всегда длинные,

а дежурные сутки, когда наряд двусменный, длиннее вдвое. Розых нет, ни перед нарядом, ни после. А когда их, нарядов этих, насовали штук пять, и нужно стоять сутки через сутки? Выучи экзерсизы по английскому и эти самые интегралы, без которых говорят в море никак. Еще одно горе - судовая радиосвязь. Ремесло это - прием на слух морянки, суэты не терпит, а требует каждодневных занятий. Пять пропущенных подряд занятий для некоторых не особо одаренных личностей - прямая дорога на другой факультет, а то в солдаты или матросы - это уж как повезет.

При таких печальных мыслях, когда в подкорке - поспать, пожрать, палаш на поясе нравится только первые пол - часа. И уж совсем не до атрибутов воинской вежливости. Кстати, господа, спать лежа на одной табуретке, никогда не пробовали? В этом деле без палаща никак. Было дело, спали, пока однажды не обнаружилось, что в ножнах дежурного палаща остался только эфес, а клинка - то нет. Видать, дневальный, устраиваясь спать, употребил клинок без ножен. Дурила. После этого случая палаши выдавали только знаменному взводу на парады и при других особо знаменательных событиях. Володя Птица, выпускавшийся пятью годами позже, утверждает, их курс ходил на службу с палашами. Доверили. Видать ответственней нашего были.

С палашами мы выглядели по сравнению с нашими вечными соперниками-рыбаками выигрышней. Наверно, это было главное преимущество «централки». Еще звание нам присваивали - младший лейтенант, а нашим соперникам - старшина второй статьи. Да бог с ним, с палашом, да и со званиями тоже. А, насчет спать, знающие люди, утверждают, что где-то в подвале для этой цели больше подходит бойлерная, зимой на палаше не поспишь.

Так вот, об АХЧ и курсантских неприятностях Согласно уставу, дневальный подает команду «Смирно» всякому вышестоящему начальнику. Команда «Смирно» означает, что стар-

ший дежурной службы должен пulej лететь навстречу вновь прибывшему начальнику и доложить обстановку. Причем обстановка, слава богу, всегда одна - «Происшествий не случилось!» За отсутствием начальников, дневальному полагалось взять под козырек и представиться. Например - «Дневальный по 2-му учебному корпусу курсант Петреску», это если в Одессе, или «Дневальный Силамаэ» - если в Таллинне. Всего-то делов. Вся премудрость заключалась в том, чтобы не заставить вышестоящего начальника сломя голову бежать с докладом к нижестоящему. Непорядок. Обиди-и-тся!!! И уж никак нельзя военно-морскому офицеру бежать с докладом к штатскому, если только это не начальник училища. Начальник училища - статья особая, особенно если это профессиональный моряк. В этом случае он - адмирал. «Чиф» - кумир курсантов и офицеры все выказывают ему всяческий респект и уважение. Когда начальником училища был Бородулин, знал его весь город. Все конфликты в городе с участием бурсаков разруливались «Чифом». Его автомобиль нередко отсвечивал у милицейских участков и «Фрегата». «Фрегат» в наше время был центром культурной жизни города. Там иногда курсантов норовили проверить на прочность холодным оружием. Если у «Фрегата» стоит УАЗик, это нашего «Чифа» вызвали для урегулирования очередного конфликта.

При этом водная милиция порта «Чифа» старалась попусту не беспокоить. Смежники. Могли забияку передать на воспитание даже старшине роты. Было дело. Логос, помнишь? Ты где Алик? Геннадий Николаевич, же, обходился с нами внеуставными мерами воздействия. На манер старшины, только кулак крепче. Нередко выручал «Чиф» и курсантов конкурирующей мореходки, причем не обязательно с последующим докладом командованию. Удивительный был человек. Кто бы рассказал его биографию. Наш «Чиф» был моряк, и сгубила его миледи. Это знает всякий салага. Но эта тема для более узкого круга и не сегодняшнего дня.

Кроме «Чифа» у нас есть еще «Спецы». В связи, с чем на нашей Мясо Молочной Ферме с субординацией могли возникать забавные нюансы. Мясо Молочной Фермой учебные заведения МинМорФлота прозвали курсанты военно-морских училищ в послевоенные времена, когда к военным были почет и уважение. Так вот - о нюансах. Вот, например, у начальника специальности (факультета) в ведении на пяти курсах 4 – 5 рот курсантов, которыми командуют офицеры ВМФ в званиях капитан-лейтенант, а то и капитана третьего ранга. Был даже подполковник, чуть не погубивший меня Калиниченко. Так вот, начальник специальности может быть аттестован по линии министерства обороны и иметь офицерское звание ВМФ, а может, и нет. При любых обстоятельствах, он одет в форму моряка торгового флота. И на тебе..... офицеру ВМФ, по должности, приходится тянуться и докладывать штатскому .Это при кортике! А иначе нельзя - дисциплина. Случается это не каждый день, люди здравомыслящие таких ситуаций стараются, по возможности, избегать. Но не все! Начальник АХЧ был человек неординарный, военная косточка - никак не мог взять в толк, почему им манкируют. Никто им манкировать и не собирался. Просто ходил он форме моряка торгового флота. Никто им не манкировал вовсе. Просто все и всегда хотели-то - пожрать, поспать, получить визу и диплом. И всего-то. Кроме как в субботу вечером и в воскресенье. В эти благословенные господом дни все хотели в город, в увольнение. Иногда любой ценой. Там девочки. Вечный инстинкт продления рода человеческого. У тюрок неженатую молодежь так и называют -«деликанны». Бешеная кровь. Но о девочках потом. Известное дело, через них все неприятности, мама говорила и капитан первого ранга Рудометов тоже. Из-за них отдавали в солдаты, кому совсем не повезет – в матросы - срок то службы на год дольше!

Но вернемся к служебной иерархии. Отдав лучшие годы жизни службе отчизне, офицер знал, что для большинства на-

родонаселения звание подполковника, примерно также, недостижимо, как и созвездие Южного Креста, представление о котором, однако, АХЧ имел смутное. И в самом деле, по праву, требовал к себе уважение достойное своего высокого звания. Первокурсники в правомерности предъявляемых требований не сомневались и дневальные во втором учебном корпусе, где размещалось хозяйство АХЧ, при его появлении бойко подавали команду «Смирно», а также брали под козырек. Иногда представлялись и даже, а особенно перепуганный дневальный даже докладывал обстановку.

АХЧ респект принимал вполне благосклонно и вообще-то доклада не требовал. И вот стоит однажды на вахте придурак, первокурсник с радиотехнической специальности к тому же, молдаван склонный на вахте ворон считать. Он еще много будет иметь неприятностей в связи со своими психофизическими качествами. Свалившийся непонятно откуда АХЧ, отчитав орла за неуважение, приказал доложить по команде о наказании правами старшины роты. Делать нечего, придется докладывать, день незадался с утра. Переживает дневальный - АХЧ по безмозглости понять того не может, что дело имеет не с армейскими сапогами. Здесь-то куют офицерские кадры и специалистов для Флота. Понятное дело, АХЧ пехота пехотой, а здесь-то ботинки.

Но мудрость сия курсанта греет слабо хоть и теплится где-то в закоулках умишка ротного философа, авось обойдется!

Наступает время обеда, а обед по распорядку и для всех. Дело святое. Обедают даже проштрафившиеся. Курсанта можно лишить отпуска, можно лишать увольнений в город, пусть незаконно, но можно - ограничивать во сне, а вот обеда лишать курсанта не решался еще никто. Если только это не восьмая рота. В восьмой роте, известное дело, электромеханики – беспредельщики. А курсанту обедать положено и при этом вовремя. Нет, оставить могут и в расход, но это в особых случаях. Например, когда курсанты работают на строительстве жилого

дома для офицеров училища или выполняют какую иную задачу. Например, училищный духовой оркестр привлечен на похороны, какой-никакой особы областного масштаба. Капуллер – училищный капельмейстер и композитор, за своих, несмотря на крайне преклонный возраст, горло перегрызет любому.

Но то музыканты. У этих таланты и с морзянкой проблем нет. А тут все не так фиолетово. Подменившись, герой с грустными мыслями в голове понуро бредет в столовую, в этот самый 1-ый корпус, где размещена вся канцелярия, а попросту – штаб училища. А надо бы – быстрым шагом, хотя ему, сердешному, лучше было бы и вовсе никуда неходить. Если встретится старшина роты, придется докладывать о провинности. Старшина может своей властью объявить четыре наряда вне очереди, снять с наряда и, сегодня же опять отправить на службу, в этот же учебный корпус, а может – дневальным по роте, что едва ли слаще. Вся разница в том, что дневальному по роте ночью не страшно, а во втором корпусе – холодно, и АХЧ требует в темное время суток ежечасно проверять пломбы на дверях складов. Старшекурсники, правда, позже расскажут, что можно благополучно переночевать где-то промеж труб в бойлерной, но это не для салаг с первого курса. Сейчас хорошо бы благополучно отобедать, не попасться на глаза начальству, и быстро в экипаж, где и место дневальному отдыхающей смены. Семь бед – один ответ. Будет четыре часа свободного времени и, если никто не помешает, можно отогреться в кровати, или каким еще полезным заняться делом. Надо бы на послеобеденные занятия морзянкой, успехи-то не ах! Но лучше спать... и можно еще в кровати почитать. Удовольствие редкое. Мешальщиков, только, много. Слава те господи, дежурным по роте сегодня не «комиссар» и можно надеяться, что к приборке в роте не припашут. Любил, родной, пользуясь старшинскими нашивками, а комиссару полагались такие же, как и старшине роты, поизгаляться над пацанами.

-Курсант Гринько, блин, за то, то и это и еще не знаю за что

- два наряда вне очереди!

Как вам сэр, ответить из сегодняшнего далека?!? Есть, товарищ комсорг? Повеселился, до поры до времени, пока система сама «комиссара», как и начальника АХЧ, не привела в чувство. Была какая-то темная история – лишился родной титула комсорга роты, а заодно и старшинских нашивок. Но, еще до этого, любимому аккуратно объяснили, что он, придурок, и такой же, как и все, и все его преимущество в том, что он постарше основного набора, а посему физически крепче. Будет он, потому, ходить в наряды не дневальным, а дежурным по роте, то есть старшим наряда. Преимущества налицо. После отбоя доложившись дежурному офицеру, можно на законных основаниях спать до 6-ти утра и в приборках можно не участвовать. А еще можно спать после завтрака, только – аккуратно. И после обеда, дневальный от такого дежурного по роте помощи убрать со столов не дождется. Ну да ладно, жизнь она такая. Длинная, для того, кому повезет, а воздать – воздаст каждому. По трудам его и заслугам или еще как... Как знать, ведь это в конце пути.

Хотелось бы знать, как далеко преимущества, полученные в годы учебы в связи с партипринадлежностью, распространились за пределы стен училища. Не подобрали ли компетентные органы «комиссара» к негласному сотрудничеству. А, что, для комсомольских активистов обычная биография. Какой-нибудь опыт вербовок имеется.

Однако цыплят считают по восемь а, чем слаще мечты, тем непостижимей их вкус. Пообедавшего молодца, мечтающего о законном отдыхе, на выходе через КПП №1, останавливает помощник дежурного офицера. Помдеж, – это курсант выпускного курса, почти небожитель, его указания обязательны для исполнения всеми членами суточного наряда... Вообще-то в училище таких, чьи указания для первокурсника обязательны к исполнению, не счесть. Офицеры всячески поддерживают субординацию среди курсантов. Важно не попадаться на гла-

за... жизнь и этому научит, ...правда не сразу.

Нарушитель не тот, кто нарушает, а тот, кто попадается

- Кто такой, почему вне строя? Дневальный второго учебного корпуса?

Свободной смены!?! Замечательно!

Да будет вам известно, что курсант выпускного курса, если даже он заканчивает училище без военно-морской подготовки и аттестованию по линии военного ведомства не подлежит, в любом случае он все равно почти, что офицер. Ведь, по общепринятым мнению, если не дурак, он уже через полгода или чуть позже - штурман или механик, али еще кто, в зависимости от обучаемой специальности. Так вот этот демиург, когда он помощник дежурного офицера – для первокурсника, особенно если он член суточного наряда - просто небожитель.

-Так вот салага, подменишь на обед дневального по КПП №1!

- Есть подменить на обед дневального по первому учебному корпусу!

Запоминай впредь, салага, и детям своим внушишь, если спать захотят после смены, ходить через КПП №1 - привилегия для пятикурсников, офицеров и преподавателей! Получи урок – следуй рекомендованными курсами, учись ориентироваться как во времени так и в пространстве. Непонятно? Ничего, поймешь, всему свое время.

Отдав распоряжения и разъяснив правду жизни, помдеж следом за дежурным офицером отправляется встречать начальника училища, который ожидается прибытием на КПП №2, что у синагоги. Ну да, кто же не помнит, у нас была собственная синагога. Несколько неожиданное соседство для закрытого учебного заведения казарменного типа. И неожиданное совсем не потому, что большинство из нас православные. В курсантской среде принадлежность к религиозной конфессии едва ли имеет значение. Религиозные пристрастия и духовные потребности, особенно на младших курсах, сильно сужаются посто-

янной потребностью в жратве. Поэтому когда училище трижды в день, в полном составе, общим числом в полторы - две тысячи голодных желудков с гамом проносится мимо крыльца синагоги в курсантскую столовую, а после приема пищи на общеучилищные построения, необходима поистине библейская терпимость и терпение чтобы это вынести. Представители синагоги периодически просили руководство училища больше уделять внимание воспитанию и манерам курсантов. Обещали, уделяли, обращали, воспитывали.

Но все мы - христиане, мусульмане и иудеи, в едином строю, одинаково голодные, злые, и о вечном не задумывающиеся, вели себя одинаково. Однаково шумно. Прости нас Господь! С нас за все не раз спросилось и надо думать, еще до того как предстанем перед судом твоим, не раз спросится за грехи наши.

Как только «большие парни» ушли по своим важным делам, салага, не оправившийся от постигших его несчастий, стал изучать инструкцию дневального по 1-му учебному корпусу! Видите ли, отвлекает. Будет же и он когда-то на третьем курсе! И это была ошибка, ибо курсанту читать следует тогда и то, что велят, а не то, что попадет под руку, к тому же на посту. Не видать иначе трех нашивок на рукаве даже во сне. Ему следовало сидеть за выгородкой, вставать при появлении офицеров и брать под козырек. Вообще-то кроме офицеров нужно было еще приветствовать «спецов». Конечно же, начальника специальности Моторного тоже надо приветствовать. Много про него рассказывали легенд, Север он бескрайний, наверно, поэтому подтверждений позднее легендам этим найти не представилось возможным. Север он вообще такой оказался – не сентиментальный.

Едва салага углубился в чтение, и только-только почти вообразил себя третьекурсником, как на КПП входит печальной памяти начальник АХЧ. Дневальный с перепугу, а может и сдуру, что одно и тоже, вскакивает, к вящему удовлетворе-

нию АХЧ, берет под козырек и во все широкое горло степного кочевника орет «Смирно!». Довольный АХЧ отвечает на приветствие, усердный курсант может представиться «большому дяде». Вообще-то, подав команду голосом, дневальный дублирует ее сигналом колокола громкого боя. Имеется такая звуковая сигнализация в училище. О чем думал курсант, подав команду «смирно» теперь уже и не вспомнить, но сигнала колоколом громкого боя не давал. Похоже, не успел дочитать инструкцию, кто читал, тот знает, там такой пункт имеется, сначала команда голосом, а потом колоколом громкого боя вызвать дежурного офицера, либо иную начальственную особу. Дневальному положено только представиться и отвечать на вопросы.

А вот дал бы сигнал колоколом громкого боя, не спасли бы героя от расправы никакие святые угодники - покровители моряков. Это гарантировано обещало бы пять нарядов со всеми вытекающими. Судьба хранила дурака. Она хранила его потом всю жизнь. Судьба она такая. У каждого крест свой. Перенести нужно все отпущенное, стать лучше. А когда приблизишься к совершенству, господь приберет. Бог приближает к себе сначала лучших, потом нас грешных.

Между тем, дежурный офицер, услышав вопль первокурсника и решив, что начальник училища прибывает через парадный КПП, не дожидаясь колокола громкого боя - жди его от этого потомка пастухов, - ломая ноги по трапам, на бегу, не менее громким, чем у степняка голосом, подает команду «Учи-ище, смирно!».

Для описания дальнейших событий нужен талант.

На шилом бритом лице офицера соседствовало недоумение с сочувствием к салажонку за последствия его необдуманного поступка, ненависть ко всяким штатским, даже если это бывшие офицеры и отчаяние. Поругана военно-морская честь. Пережить такой позор. Капитан-лейтенант Раевский из послевоенных нахимовцев и действительную цену знал многому,

достоинству морского офицера тоже. У Раевского побитое оспой, а может пороховым зельем лицо. Курсанты все хотят быть как Раевский, потому, что это Ураган!

И кому это только он собрался докладывать?!? Да это же все равно, что бисер метать! Разбираться некогда.

-Ну, Адмиралы! Мать....Кто позволил кладовщикам ходить через парадный вход? И, вообще, товарищ завхоз, постройте своих работников и велите, чтобы Вам команды подавали на складе!

Раевский, известный в курсантской среде как «Адмирал - ржавый гвоздь», не вступая в разбирательства с приуроками, летит по трапам на плац в направлении КПП №2, где автомобиль начальника училища уже выруливает на плац, а помдеж - подал команду «Училище, смирно!».

Несмотря на высший антагонизм между офицерами и курсантами, предполагалось, что офицеры испытывают к курсантам искреннее сочувствие, а курсанты любят своих командиров.

Что-то такое, на самом деле возможно присутствовало. Но уж очень неуловимо. Что-то не запомнилось. Внешне проявления слабости не допускались. Боже упаси! Ни с той, ни с другой стороны. Только ирония, неприязнь и ненависть.

-Адмиралы, мать вашу...ржавого гвоздя не вбили на благо родного флота. Чтобы пряжки на ремнях блестели как Котовы яйца!

Колорит, однако. Капитан-лейтенант Котов не реагировал! Кто этого не помнит, тот учился не в нашей мореходке. И, вообще, покажите мне человека, который это мог забыть!

Надо отдать должное Раевскому, история с первокурсником никаких неблагоприятных последствий не имела. Тема не обсуждалась вовсе. Салага был отпущен с миром. А вот резонанс имел место быть широкий - коменданты, лаборанты и прочие сотрудники АХЧ, среди них и их начальник, перестали требовать от курсантов тянуться во фронт, подавать команды

разные, а впоследствии, практически перестали высакивать с предложениями об экзекуции особенно не понравившихся им курсантов. Но вставать и брать под козырек было все-таки безопасней.

Однако для потомка бессарабских князей история сия имела далеко идущие последствия. Запомнят его. Да и он постается. Но, при всем при этом, как не удивительно, выживет. Феномен называется. Кажется, и сейчас доносится с плаца зычный голос начальника ОРСО капитана третьего ранга Матвиенко

-Курсант Филло, ко мне!.....Бегом!!!

-Товарищ капитан третьего ранга, курсант Бессараб по Вашему приказанию прибыл!

Курсант Филло, Вас еще не отчислили?

Бедолага, понимая, что угроза угодить в солдаты в двух шагах, очень хочет надеяться, что капитан третьего ранга за-блуждается в отношении его персоны. Ведь он не Филло!!!

Курсант Филло совсем из другой роты! Ведь это несправедливо и каждый должен нести собственный крест. Филло откуда-то из Крыма, а он- Бессараб, известное дело,- из Комрата. Филло даже с лица смуглей. Впрочем, последнее утверждение спорное.

- Товарищ капитан третьего ранга, я не Филло, моя фамилия Бессараб!

Надежды курсанта напрасны, капитан третьего ранга на всю жизнь запомнит разгильдяев, чьи штаны публично уничтожал перед строем училища за неуставную ширину штанин.

А детали, типа фамилии, его мало интересуют.

- Почему вне строя?

- Следую из библиотеки в учебный корпус №2.

- Бессараб, это, что фамилия такая или национальность?

Я знал молдаван, болгар- замечательно дисциплинированные курсанты.

Пока беседа продолжается, теплится надежда ,что удастся

отбазариться.

-Так точно, товарищ капитан третьего ранга, молдаваны и болгары дисциплинированные курсанты.

-Так в чем дело, товарищ курсант? Почему Вы такой разгильдяй?

Надо отвечать за всю нелепость своего существования.

Я, товарищ капитан третьего ранга, видите ли беда,.....
Бессараб это - моя фамилия, а так я гагауз.

Такими, нас и запомнят. Понравится не всем. На лице ОРСО выражение недоумения вперемешку с удовлетворением , шутка кажется, удалась. Исчерпав тему дежурной заготовкой, он изображает на лице крайнюю скучу.

Неинтересен ему курсант со своей фамилией и родословной, и капитан третьего ранга милостиво разрешает следовать прежним курсом.

Беседа эта, с дословной точностью, повторяется каждые две недели.

-Курсант Филло, ко мне!.....Бегом!!!

-Курсант Бессараб по Вашему приказанию.....

Последний раз беседа имела место 28 ноября 1970 года ,после сдачи нашим героям последнего государственного экзамена, кстати по военно-морской подготовке. Начальник ОРСО ужаснувшись внешним видом курсанта и тем, что о капитане третьего ранга Матвиенко подумает государственная комиссия, поручил командиру роты за неуставную длину прически объявить выпускнику пять нарядов вне очереди и обеспечить, чтобы диплом был получен после исполнения взыскания. Однако, не случилось. Вот Лешку Зимина из Архангельской мореходки, таки заставили сначала отстоять пять нарядов, а диплом вручили потом в ОРСО.

Напрасно капитан третьего ранга переживал за свою репутацию. Комиссия оценила плоды его трудов по достоинству. Но это потом, и будет еще ох как нескоро. И об этом и будет все повествование.

А пока начальник ОРСО воспитывает кадры для родного флота.

Главные принципы этой работы - это превенция - общая и частная, методы -селекция и вивисекция. Отбирай и по живому отсекай.

Частная превенция достигается поркой, Главная порка - это строевые занятия или хоздработы. Ротой или повзводно. Все зависит от серьезности проступка. Для достижения общей превенции, полезна публичная экзекуция. Например, перед строем училища разодрать неустановленные форменные брюки.

-Курсант Филло, станьте ногой на штанину. Станьте, станьте, не жалейте, не помните. А теперь тяните за вторую. Тяните, тяните!!!

Стоит курсант перед вошедшим в раб капитаном третьего ранга заработавшим язву желудка , выслуживая свое высокое звание и мечтающего занять следующую ступеньку на карьерной лестнице. И никакой возможности из сегодняшнего далека подсказать, напрасно стараешься товарищ капитан третьего ранга. Не пустят Вас на небеса, товарищ! Нет для Вас вакансий!

Не получат заслуги Ваши по подготовке специалистов для флота надлежащей оценки. А может наоборот оценены как раз по достоинству? Ныне всякий нормальный пацан без особых усилий ходит в майорских погонах.

Сегодня рвут штаны курсанту Филло? Смотри курсант Иванов, и у тебя же есть такие штаны, и через две недели через твой рвать штанину. И еще в придачу пять нарядов вне очереди.

А ты, Филло, не хочешь в солдаты - штанов не жалей. Придет время заработаем не на такие. Это Матюхе всю жистьходить в казенных. На миру и смерть не так страшна. А обезумевший ОРСО, случается, рвет курсантские штаны, самолично, прямо на курсанте. За клапан рукой. Ну, прямо жандарм, какой. И рвется ведь сукно, зараза. Как газета. Может сукно гнилое?

А между тем, Вы, капитан третьего ранга, нарушаете гражданские права курсантов, совершая и над ними насилие, в том числе заставляя уничтожать собственное имущество. Вам вадастся. Вам, наверно, было невдомек? Вы думали, мы курсанты навсегда? Вы думали, мы Вам аплодировать будем? А может Вас, во времена оные, и вовсе думать не учили?

Юрка Сенин стал членом коллегии Верховного суда Вашей Державы. Вас это не радует? Потягаться не желаете? Во порадовал! Ваши бывшие подопечные, ныне капитаны первого ранга Вася Бятец и Паша Петрушко тоже шлют приветы. Вообще то нас много и на том свете теперь уже наши тоже есть. А это Вас это не радует? И от меня Вам привет.

Селекция в этой классификации мер воспитательного воздействия сводится к выбору жертвы. При этом признаки для отбора могут быть самые разные и трудно предсказуемые. Это может быть рост, цвет глаз, длина прически и любая прихоть стоящего в пирамиде власти на ступеньку выше. Принцип этот распространяется на всех участников системы - на курсантов, офицеров, преподавателей и вообще всех, между кем существуют отношения подчиненности и соподчиненности. Отбирать и отсекать. Кого куда, а курсантов в солдаты - повестку в зубы Матвиенко вручит с глубоким чувством удовлетворения прямо на общеучилищном построении. На языке помощников смерти в белых халатах, это называется вивисекция. А вивисекция это уже и частная и общая превенция вместе. Больно одному, страшно всем. Откуда знаем? Учителя рассказывали. В Академии.

Темпы роста торгового флота, увы, отстают от плановых показателей. Об этом знают далеко не все, а капитан третьего ранга Матвиенко знает. Он все знает. Он как тот, чье имя иудеи вслух не произносят. Он знает, на ВМФ эти парни идти отказываются в самой категорической форме, да и там они, тоже, не очень и нужны. Вообще-то как оказалось позже, они, вообще, никому не нужны. Разве, что рыбопромысловому флоту, и то

когда специалистов не хватает. Там прогибаться под систему, пока флот рос как на дрожжах, необходимости не было. Но у рыбаков своя мореходка и без военно-морской подготовки. И решает их мореходка задачу подготовки кадров для своего ведомства автономно от «централки». У них своя свадьба, у нас своя. У нас город общий и девчонки. Нашим счастливым сооперникам хорошо, мы им завидуем черной завистью. У них нет капитана третьего ранга Матвиенко.

Церемониться начальнику ОРСО с нами ни к чему. У него главная задача - селекция и вивисекция. Все просто – пашите землю, выращивайте помидоры, стране нужно продовольствие. Может именно поэтому у рыбаков в мореходке попроще?

Ах, Вы не из села. Милости просим, для Вас найдется место в ПТУ, но только после службы в славных Вооруженных силах.

А не ведомо капитану третьего ранга, какие катаклизмы ожидают страну, которой он когда-то присягал и не знает он, что когда придет время стать на защиту Родины, защитить ее будет некому. И интересы капитана третьего ранга Матвиенко защищать никто не будет. И останется наш капитан, со своими медалями за долгую и безупречную, горько вспоминая про былые почет и уважение, с нищенской пенсиеей.

Не ломайт господа юную поросль через колено, сук ломаете, сук на котором сидите. Ибо сказал Господь

- Аз воздам.!

И ведь воздал, господа! Может быть, не все поняли? Или кто не догадывается, за что воздалось?

Училище, слушай приказ! Такого-сякого курсанта Лукашевского из училища отчислить. Лукашевский, извольте получить повестку. Лукашевскому ничто.

У Лукашевского отчим - начальник учебного центра ВМФ по подготовке радистов. Пройдет Лукашевский курс в учебке, там же отслужит и через два года вернется в мореходку, только второй раз такого адреналина не выдержит и уйдет из училища

по собственному желанию. А хороший был парень.

Никак не должен был курсант просочиться сквозь мелкое сито системы. Как и большинство сокурсников, не для моря он был рожден, курсант. Не англичанин ведь! Ему бы растить виноград, пасти овец, а вон куда занесло. Избежал все попытки отправить в солдаты. Обошел он весь мир и ступени по избранной в мореходке специальности прошел все. И много чего другого было, однако!

А Вы живы, капитан третьего ранга Матвиенко? Вам помнятся воспитательные мероприятия на плацу первого учебного корпуса с Вами в роли главного инквизитора. Многочисленные выжившие жертвы Вашего воспитания, ныне - капитаны дальнего плавания, механики, старшие офицеры самых разных ведомств, а таперича и государств, к Вам, с приветствием.

Личный состав желает Вас видеть и требует встречи, Сэр! Живые и мертвые! Мы подарим Вам мегафон! Оцените, сэр! А Вы построите нас в каре и перед тем как окончательно и на всегда расстаться с прошлым, еще один раз над всем и всеми весело поржем. На этот раз вместе. Не турбуйтесь! Все срошки исковой давности истекли, да и русские своих на войне не бросают, гагаузы - тоже. Если, конечно, это наш выпуск. Про других рассказать найдется кому.

Мы от обид не плакали, не плачьте и Вы. Убедитесь в правоте принципов, которых придерживались в те далекие годы. Интересно, Вы не изменили своим принципам? Почему только на Кавказе, Ваши хлопцы, что-то все стрелять норовят не в ту сторону. Ну, да ладно, надо думать в нашей мореходке они не учились, во всяком случае, на нашем курсе. На крайняк, хочется так думать. Уж очень многое переменилось.

Вон даже Одесское военное передислоцировали, куда то поближе на родину незабвенной памяти Степана.

Внезапно осенило – курсантов то не видно, а у входа на КПП №1-милиционер. Интересно, чего бы ему делать у училища. Странно все это. Троллейбусы не ходят, курсантов не

видно.

И тротуар никто не подметает. Самое время. Под ногами шуршат листья. А ведь в октябре, дежурному взводу подметать от рассвета до заката с перерывом на прием пищи. Приведшие маму в ужас утверждения соседской дуры о том, что курсанты убирают общественные туалеты, были, мягко говоря, были несколько преувеличены. Но не совсем безосновательны. Общественные туалеты убирать не доводилось, а вот подметать тротуары у училища - нередко. Приходилось это делать и в других учебных заведениях. В Кронштадте, однако, попытка привлечь к столь полезному в воспитательном отношении для офицера занятию закончилась отчислению с офицерских сборов. Так, что туалетов общественных убирать не довелось ни курсантам, ни старшим лейтенантам и даст господь теперь уже не доведется. В плен бы не попасть. Так угодно было судьбе и звездам. А Вам товарищ капитан третьего ранга? После увольнения в запас? На должности боцмана у выпускника нашей мореходки. Капитан за Вами не убирал? А Вы за ним? Судьба это, товарищ капитан третьего ранга, и частичная контрибуция за поруганную курсантскую честь.

- Товарищ сержант, в училище пройти можно?

- Будь ласка, шановний пан.

Ну да конечно, а что же, господа, Вы думали. Державна мова. Нынче все на державной мови. Сержант не товарищ Вам, а пан.

Кажется, нынче нет державной мови только у цыган, да гаузы предпочитают привычный русский. Пока.

Высокие дубовые двери открываются непривычно легко. Вообще-то как они открывались 35 лет назад уже и не вспомнить. Все кажется, по-прежнему, только вестибюль какой-то маленький. И пылью все прибито. Эстет сказал бы патина времени. Так то эстет. Может все дело в зрении. Увы, очки не надеть. Авторитет. Конечно зрение не то, нет четкости, искривление дна глазного яблока и многое еще чего-то такого нагово-

рил председатель аттестационной комиссии.

Так..... справа, где у знамени училища стоял автоматчик, поста нет. Вместо знамени училища державный прапор.

Слева - выгородка дежурной части.

Троє курсантів, вік - крайнє юний, і бітуг на вид
лет сорока п'яти в засаленій куртці, типа летной, неопределенного цвета. Сидят, однако, не вздрогнули, вскакивать не собираются. Демократия. Батьківщину защищать не нужно, а демократов, вроде нее от кого... . По плацу никто не гоняет - обижаться на демократов не за что.

Похоже, им наплевать, что подумают о капитане третьего ранга Матвиенко. А может, дух капитана третьего ранга Матвиенко давно уже в этих стенах и не ночевал?

Охламоны, идет старший офицер. Что значит в гражданском платье? Иностранец.

Бугай сидит с бессмысленным взглядом.

- Позвольте представиться, выпускник 1970 года, полковник Гринько, прибыл по случаю празднования юбилея училища.

- А я - адмирал флота.....

Мол, нужен ты ему как ширинка на трусах. Эмоции на лице битюга не просматриваются. Съездить бы по морде. Нельзя, заграница, да и вообще возраст не тот. Однако, не дежурный ли это по училищу? Бывает же такое! Откуда такие ублудки берутся? Неужели один из наших придурков. Не узнаю

- Мореходка, видать, процветает, если адмиралы отираются в дежурной части, а с державным флотом похоже непорядок. И то говорят - в строю два эсминца да подводная лодка без аккумуляторных батарей.

Встрепенувшиеся курсанты - полное внимание. Разговор их явно забавляет и этот неопрятного вида ишак явно не их компании. Похоже, таки, дежурный по училищу. Это же надо. Адмирал кривой козы.

Младший, не выдерживает- чувствуется домашнее воспи-

тание

- Товарищ полковник, вы знаете куда пройти?.

В голосе курсанта озабоченность. И за авторитет можно не переживать. Я хоть и за кордоном, но в стенах родного училища и принят, если и без особого респекта, за авторитет можно не беспокоиться. Как тут не вспомнить историю с начальником АХЧ. Такая вот остановка по требованию. За что боролись?

И мальчишки как копии с наших курсантских фотографий. А ты, битюг, если на государственном флоте и есть штатная единица адмирала флота, так служи, пока дослужишься. Сука. А то и галлюны по блату убирать не устроишься. Не капитан третьего ранга.

Не стану я с тобой рядиться. Состарился я.

- А за последние 35 лет в училище многое изменилось?

- Товарищ полковник, об этом надо спросить у наших родителей, а мы учимся неважко, и как оно было 35 лет назад уже и вовсе не помним. А гости, вот, собираются по факультетам и в актовом зале.

Похоже, в бурсе преобладает великий и могучий. А, ведь, мог быть и английский, что ни говори, заявленная сфера интересов НАТО.

Глава 1

Янычары

Роту в училищной колонне ведут на ужин. Прохладно, да оно и понятно - осень. Бушлатов еще не выдали, а хлопчатобумажная роба и тельняшка на рыбьем меху греют слабо. Новый набор. Вновь обращенные. Утром еще были в колхозе, а вот к вечеру уже обмундированы и в общеучилищной колонне нас ведут на ужин. В первый учебный корпус теперь нас будут водить на утренний подъем флага и завтрак, обед, спуск флага и ужин. Еще - по торжественным разным случаям на мероприятия и на хозработы. В свободное время, по расписанию, можно в библиотеку, а по субботам, кого не лишат увольнения на берег, именно так разъяснил командир говорить правильно, - в кино и на танцы. Первый учебный корпус - для старших курсов. Остальные обучаются во втором. И, вообще, нам так много разрешается, что кажется, мы попали. С этого года, прихватывая предыдущий набор, в училище возобновляется военно-морская подготовка по программе министерства обороны. Как это расценивать никто не знает. А означает это, что успешно окончившие курс обучения будут аттестованы на звание младшего лейтенанта. Как относиться к этому, мы еще не определились. Все мы поступали в мореходное училище министерства морского флота и хотели стать моряками загреплавания. Кто-то хотел стать капитаном дальнего плавания и поступал на судоводительскую специальность, а вот мы - на радиотехническую. Поговаривают, что после войны в мореходках имелись военные факультеты, выпускники которых в полном составе трубили до самой пенсии на военно-морском флоте. Нам терпеливо разъясняют, что это совсем другое и не про нас.

В городе есть еще одна мореходка - рыбной промышленности, предмет нашей тайной зависти. ВМП у них нет, и в армию не призывают.

Если заставить говорить правду, то многие из нас по наивности полагали, что торговый флот воинской повинности не подлежит, иначе многих здесь просто не было бы. По тому же непростительному душевному качеству, все мы полагали, что торговый флот – обязательно флот загранплаванья. Нас поправят. В том смысле, что до выпуска дойдет из нас половина, остальные - кто не отбывал почетный долг - в Вооруженные силы – на срочную. А, сейчас, в ротной колонне идут будущие милиционеры, прокуроры, судьи, кого только нет, конечно же, моряки. И вообще сегодня мы все моряки, и многие останутся моряками навсегда, безотносительно кого, куда кривая выведет. Ибо моряк - это состояние души. Это как национальность - отнять нельзя. Впрочем, что такое национальность, мы пока понимаем смутно, ни к чему это нам. Нам на это пока вообще наплевать. О национальности нам будут рассказывать позже, с началом перестройки на хитромудром языке политиков в парламентах, а потом на языке «калаша» - в горах и лесах, кого - где застанет перестрелка.

Разговоров про загранплавание много и не все разговоры эти мне нравятся. Можно подпасть под ограничения. Есть у меня дефектик. Догадывался я и до мореходки о не очень своем славянском да к тому же непролетарском происхождении. Может, и не вспоминал бы, да при обмундировывании не понравился мне начальник АХЧ с заведующим складом заодно. Ну да, робу мне выдали как с иголочки. Только и того, что хэбэ. И мица, наверное, лучшая из того, что имелось на складе.

Завскладом, заглянув в вещевую ведомость, повторил мою фамилию вслух, молча переглянулся с начальником АХЧ и, расспрашивая про родственников, заменил все, что до этого я сам выбрал себе из мешков, разбросанных по полкам. Ничего путного о родственниках сообщить я не смог, однако старый еврей как-то вдруг погрустнел. Что-то фамилия моя напомнила? Как бы проблема не всталася в полный рост. И у мужика, как оказалось, кличка странная – Удав. Не понять и почему это у

меня не возникало желания его так обозвать. Совсем даже и не потому, что страшно. У меня страхи совсем другие.

Итак, мы, кажется, попали..... Есть у нас командир роты - это капитан-лейтенант Трибуль, старшины и все остальные атрибуты воинской славы. Есть у нас и ОРСО во главе с начальником. Возглавляет сей воспитательный институт капитан-лейтенант Лепешко. Кому-то из нас это может и нравится, но признаваться в этом - дурной тон. У Лепешко зычный голос на всю округу. Видеть легкие сильные и голова не болит от производимого шума. Но вообще, на персонально мой взгляд, терпеть его можно. Это потому, что я на его глаза не попадался. Получит Лепешко капитана третьего ранга фуражку с дубовыми листьями и из памяти моей пропадет куда-то. Произойдет это вскорости, где-то на втором курсе. Оставался бы он до выпуска, может и у меня сложилось бы по другому, хотя особенно четкая причинно-следственная связь моей судьбы с биографией офицера Лепешко вроде и не усматривается. При нем нам кисло, но терпеть можно.

С другой стороны, если призадуматься и учесть взаимоотношения между минморфлотом и военным ведомством, посмотреть на старшекурсников, большинство из которых уже оттянули срочную, то может все не так плохо и складывается. Но об этом говорить не принято. Тем более что ВМП была отменена в мореходке всего - то лет семь назад, и ветераны утверждают - все при ней было ништяк.

В рыбтюльке, оно может и лучше, но у нас своя гордость, да и с задним ходом у нас, как в авиации - туго.

После ужина по настоящему проснулось чувство голода. Обедать - не случилось. Как-то очень внезапно вывезли из колхоза - без обеда. На ужин шрапнель, 10 граммов сливочного масла, три чайных ложки сахара и чай. После ужина построение. Второй курс - на самоподготовку во второй учебный, салаги, повзводно - в библиотеку за учебниками.

Вообще-то колхоз-это первое испытание на выживаемость.

Тридцать ящиков помидор - норма, которая должна была наставить на правильный путь любого - назад в школу. Специально, для таких случаев, при зачислении в училище предусматривался резерв курсантов сверх штатной численности нового набора. Этот резерв висит над головами основного состава как дамоклов меч. Не справляющийся со сбором помидор, либо проштрафившийся иным образом, подлежит немедленному изгнанию из училища с позором. Ходили слухи, что система была предусмотрена специально, чтобы блатники не ездили на сельхозработы и вообще приступали к учебе после карантина.

Эти грязные инсинуации отрицаю в самой категорической форме, притом, что из резерва действительно приходили исключительно местные не особенно блистаящие в учебе дети хороших родителей. Но для радиотов происхождение и материальное положение предков решающего значения не имеют, радиотам нужно владеть морянкой, а это хорошим воспитанием не прививается. Радиотам становятся в результате длительной учебы и тренировок.

Но вот если только Ваш отрок прошел курс обучения в школе ДОСААФ и превзошел в судовой радиосвязи, то тогда Вам может быть и сумеют помочь.

Не отчислили, однако. Личный рекорд по сбору помидор составил 17 ящиков, что стало темой обсуждения для комсомольского собрания. Конкурировал со мной только Лукашевский, балбес из соседнего взвода, который также непонятно зачем решил податься в моряки. Инициировала собрание классная дама - старая комсомолка. Видать, так надо было. Сначала рассказала про Павку Корчагина, а потом перешла к основному вопросу. Я был потрясен. Классная дама слегка коснулась темы гражданской войны, краснодонского подполья, потом говорила о комсомольцах на целине, а потом перешла к помидорам. И все это в связи с моими трудовыми успехами. Удивительно, но идея отправить меня домой к маме за нерадивость, у народа поддержки не нашла.

Кому-то пришло в голову спросить, как сдал вступительные экзамены. Ответ вызвал одобрительный гул, что и решило мою судьбу на долгие годы. Комсомольцы решили за меня поручиться. Я старался. С тех пор от помидор - аллергия. Собирать их я не научился. Не отчислили, однако, наверно и в связи со сложностями в описании в рапорте и прощальном приказе формулы вины. От работы-то я не отказывался. Я даже старался. Очень.

Что примечательно, вопрос о моем отчислении решался в последующие десятилетия неоднократно и на самых разных уровнях, и по самым разным основаниям, начиная от ментовки - за нарушение антиалкогольного законодательства, и заканчивая министерством рыбного хозяйства, когда за нарушение двухсотмильной зоны, когда вместе с остальным экипажем, оказался под арестом в Аргентине. Приказ об отчислении висел на доске объявлений дважды. Вышка про себя понимает много, наверно, потому и решились пренебречь формулой вины. Опоздал, дескать, и - до свидания. Товарищ ректор, наказание предполагает наличие вины наказуемого, что в свою очередь определяется психическим отношением наказуемого к событию, за которое выносится вердикт. А ведь я дрогнул, товарищ ректор Долматов и памятуя о полученном в мореходке офицерском звании, - уже собирался переводиться в кадры ВМФ. Обошлось. Позже пытались меня выставить и из других, не менее грозных учебных заведений. Надо же такому случиться, - так ниоткуда и не выперли. Может судьба. Но об этом всем я пока даже не догадываюсь, я в составе роты двигаюсь в экипаж. Уж лучше бы строевым шагом, меньше было бы проблем. От грустных мыслей о доме и обыденности существования отвлекает удар по подошве. Это старается будущий член верховного суда Юрка Сенин.

- Ногу прибери, Дрон!

Шумливый малый. Вредный, а дома, наверно, хорошие мама, папа. Чего ему только надо в этой мореходке? Правиль-

ный! Ему вроде как невдомек, впереди меня Янычар, который вообще через каждые двадцать шагов сбивается с ноги. Юра еще не знает, не долго ему быть начальником радиостанции, призовут его под знамена. Старшему лейтенанту Сенину не понравится это. Но это не надолго. В генералах судейских оно комфортнее. Привет тебе, Юра!

- Слушай пастух! Ногу прибери.

Это я Янычару. Вообще-то никакой он не янычар, а нормальный парень. Есть у в нашей учебной группе Юрка Ногин, тамбовский волк, которому товарищ - из тамбовской области он и сам. Так Ногин и раздает нам всем клички. В Тамбове, оказывается, есть все. Есть у них в деревне и Дрон и Янычар. Витька анекдотчик хороший, а мы вроде и не возражаем. Некоторым, особенно озабоченным, это вроде и в радость, что к ним-то обращаются по фамилии или имени. Похоже - придает больше значимости в собственных глазах. А нам вот присвоили партийные псевдонимы. Мне наплевать. Так может даже оно и лучше.

- Слушай янычар, ногу прибери.

Вроде бы и нормально, но Янычару не нравится.

- Какой я тебе янычар! В ухо не хочешь?

Дело принимает неприятный оборот. И не потому, что Янычару не понравилось мое обращение. Среди радиистов драк не случалось. Этим отличаются наши сокурсники с электромеханической специальности. Бессараба, однако, в колхозе прозвали янычаром, после того как он на обед роте в минуту десять петухов обезглавил.

Дело приобретает все более неприятный оборот и совсем не из-за кровожадности моего собрата по несчастью. Дело хуже, на разговоры в строю обратил внимание старшина роты. Ведь накажет, гад. В колхозах связи с невыполнением нормы уже неодобрительно поглядывал в мою сторону. Там обошлось, здесь, похоже не обойдется. Надо же, вот незадача.

- Курсант Гринько, прекратить разговоры в строю. Третий

раз предупреждаю, будете наказаны.

- Товарищ старшина, Вы первый раз делаете мне замечание.

- Курсант Гринько, за пререкания - два наряда вне очереди.

Чего делать, в строю разговаривать не положено, поэтому на вечерней поверке выведя из строя, объявили мне взыскание повторно. Ну, конечно, а иначе как? Мне же нужно ответить, есть два наряда на работу вне очереди. А ябедничать дело последнее. Да и не помогает все это. Чем скорее поймешь это, тем благополучнее станешь.

В парке гремит в исполнении еще не эмигрировавшего Муллермана:

*Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом,
Лучшие работы, лучшие работы, господа, вам я не назову...*

Генералом быть хорошо – девки любят. Роты под шуточный марш Гамалии переходят на строевой шаг и вскоре втягиваются во двор экипажа. Интересно, кто каждый вечер в парке в одно и тоже время катит бодрую музыку. Может, девчонка, какая? Если пятая рота затягивает «Прощание славянки» - мегафон на танцплощадке замолкает мигом.

Вечерняя поверка не сулит ничего хорошего, суточный наряд в авторитете, а значит это, что приборка после отбоя на штрафниках. И будет мне среди них штатное место на ближайшие полгода. Я не скую, ко мне за это даже лучше относятся.

В училище для первого курса объявлен карантин. Это означает каждодневные двухчасовые строевые занятия после обеда, строевые занятия каждую минуту, которую старшины сочтут для этого подходящей. Хорошо бы строевые занятия двадцать четыре час в сутки. Используются для строевых занятий и переходы между экипажем и учебными корпусами. Вообще-то мореходки, как, оказалось, мало отличаются одна от другой. Казарма, два якоря на входе - вот тебе и мореходка. Однако у нашего училища имеются отличительные особенно-

сти. Когда по стране в мореходках открывались военные факультеты, в нашей такого факультета не было. Военно-морская подготовка была, вроде бы была и гауптвахта, а вот военного факультета не было. Так утверждали курсанты послевоенных выпусков. Шатов Владимир Федорович из «Совкомфлота», выпускавшийся в 60 году рассказывал ужасы.

А суть отличия от других мореходок в том, что все училища обычно размещаются в едином комплексе. А у нас от экипажа до учебных корпусов больше километра. В этом вроде бы и весь фокус.

А посему ежедневных одних общеучилищных построений не счастье. После подъема утренней зарядки нет, а обязательное общеучилищное построение, переход в первый учебный корпус на утренний подъем флага, осмотр формы одежды, завтрак, построение первого и второго курсов для перехода на занятия во второй учебный корпус. Теперь построений не будет аж до обеда. Будет учеба, а потом опять построение, переход в первый учебный на обед, после обеда общеучилищное построение для развода на хозработы, внеплановые мероприятия и дополнительные занятий. И если только нет строевых занятий, хозяйственных работ и других мероприятий то переход в общеучилищной колонне в экипаж – свободное время - до построения для перехода на ужин. Все эти переходы утомительны, но при некоторой сноровке, всегда можно минут на двадцать вырваться в город, а потом незаметно присоединиться к роте.

Вот интересно, кто бы рассказал, какой был статус курсантов военных факультетов. В Рижской, с военным факультетом, на выпуск присваивалось звание лейтенанта и давали кортик. За курсантами было закреплено оружие. Наш статус, например, совсем и неопределенный какой-то. Находимся мы под юрисдикцией гражданского законодательства, а командуют нами военнослужащие, которым законодательство это до одного места. Ну да ладно, офицеры, те сослаться могут на

добросовестное исполнение приказа вышестоящего воинского начальства. А вот как старшины, те, особенно кто без ума совсем, ведь ведут себя совсем неподобающим образом. Может, есть документ, какой, регулирующий эти отношения с точки зрения законодательства? До нас так и не доводили. С нами изучают воинские уставы. Это если только погодные условия не позволяют заниматься строевой подготовкой. Хрень редьки...

В 17.30 построение, переход из экипажа в первый учебный корпус на торжественный спуск флага, ужин, построение на плацу и развод на занятия. До 10-ти вечера никто не тронет - самоподготовка. Можно за учебниками вздренуть, только, чтобы не засек старшина учебной группы, который грызет гранит науки за соседним столом. Накажет. После самоподготовки переход в экипаж под веселый марш Гамалии и для хороших парней после вечерней поверки - отбой. А для тех, кто разговаривает в строю или совершает иные прегрешения противу устава - хоккейная команда. Отбой для всех - в 23.00. Хоккейной команде - по окончанию приборки.

Каждый день у курсанта как маленькая жизнь. Прожил без взысканий и это- хорошая жизнь. А вот если жизнь отягчена взысканиями, то это бо-о-ольшая жизнь. Потому, что она может начаться в пять часов сорок пять минут утра и продолжаться далеко заполночь. Вообще-то, это и есть обычная в нашей мореходке для курсанта жизнь.

Самое главное - все от кого это зависит, относятся к происходящему совершенно серьезно, прямо какое-то зауральское пехотное училище военного времени. Что-то подобное рассказывал сосед, вспоминая, военной поры волжский город Энгельс. А сокурсники, отслужившие в армии, утверждают, что по третьему году служить проще, на флоте по последнему, четвертому году, службы – тоже.

Справиться со всем помогают два обстоятельства - юмор и необходимость учиться. Юмор юмором, а учебная программа, несмотря на среднетехнический статус мореходки, достаточно

насыщенная. Для старшин послабуха, однако, науками овладевать и им нужно. А делать это проще при условии наличия здоровых отношений с теми, кому учеба дается легче. А легче дается она все чаще тем, кто в училище пришел со школьной скамьи. В 25 и 30 лет интегралы брать гораздо сложнее. Вот так вот строевые занятия прививают чувство локтя. Наши старшины, ребята мудрые. Они нас через колено не ломают, а мы в свою очередь не стремимся создавать им лишние проблемы. Очень этот пример был бы полезен для некоторых деятелей, но в силу известных обстоятельств опыт им этот оказался недоступен. Понятное дело - в мореходках они не обучались и мнение младших лейтенантов образца одна тысяча девятьсот семидесятого года их не интересует.

Дежурный по роте - комсорг роты Черняев. Вроде бы и парень ничего и даже симпатичен, но, как и большинство спортсменов, со своими тараканами. Дневальными у него земляки - тоже спортсмены, и следует из этого,- чему положено сверкать, то все сверкать будет как котовы яйца, а упираться, по преимуществу, будут проштрафившиеся. Так вот,..... со спортсменами не борись...особенно когда их много.... Их, пока что, любит старшина роты, но скоро не полюбят командиры рот, которым непонятно, что со спортсменами и делать. По всем мореходкам гуляет кем-то выпущенная шутка, что командиру в роте лучше иметь пятерых пьяниц, которых можно отчислить, чем одного спортсмена, отчислить которого проблема трудноразрешимая - много защитников среди вышестоящего начальства.

Пока хоккейная команда собирается к матчу, к нам поступает пополнение. Это двое охламонов, я их не очень хорошо знаю, - они из «азов»- так в просторечии обзываются первый взвод или официально - первая учебная группа нашей роты. Перекурить хотели, видите ли...Уповали на дежурного по роте. Свой ведь - тоже из «азов». Ну да, как же!

Дежурный по роте пропустил бы, да дежурный по учили-

шу застукал - курили, видите ли, в не специально отведенном для этого месте, да к тому же после отбоя. Похоже, парни собирались на сквознячок. Или возвращались?

У каждого, технологии свои, строго индивидуальные. Так оно надежнее. Друг друга знаем мы не очень. Но обратил я внимание, достаточно отойти от расположения роты, сразу гвалт как будто дезертировал с оружием. Не умеем мы пока справляться с системой.

Дежурный по училищу велит наказать нарушителей распорядка дня. Дежурный по роте дежурного по училищу может и поправит, но чуть позже. А сейчас получите спортивный инвентарь, а это – ведро, тряпка, обрез и швабра. Мне дежурный своей властью милостиво определил убираться в умывальнике. «Новобранцы» попали в палубную команду- это мыть длинный и всегда грязно-коричневого цвета кафельной плитки пол коридора. Один из любителей покурить на свежем воздухе, не совсем без оснований к тому, решил, что умывальник это - проще. Пришлось поменяться. Не уверен, в его правоте и поныне. Как мыть длинный коридор, по крайней мере, понятно. Чистить раковины и унитазы зубной щеткой от нас никто не требовал. И если где-то это и было принято, то только не у нас. Возможно, нужно было поискать каустическую соду, но, кажется, у нас ею никогда не пользовались. Мы еще продолжали возиться с палубой, когда счастливчик уже спал. Что поделаешь, уж очень много у него было для этого аргументов, да и дневальный, в ночное время облаченный правами дежурного, тоже за него просил.

Утром дежурный по роте, которому не понравилось качество уборки в умывальнике, объявил мне правами «комиссара» два наряда вне очереди.

Однако не суждено было реализоваться административным устремлениям товарища. Во всяком случае, тогда. Прав, оказывается, на то младший брат партии не имел! Может, впоследствии и приобрел, когда стал большим начальником, как

знать? Не встречалис-с-сь!

Комсогр еще несколько раз попытался объявлять очумевшим комсомольцам дисциплинарные взыскания, что дошло, в конце концов, до командира роты, который такое рвение счел самоуправством.

Однако взаимоотношениями, регулируемыми уставами и инструкциями курсантская жизнь не ограничивается. Крайняя неожиданность - проблемы создает и учеба! Английский язык, несмотря на общие корни с языком саксов, мало, что имеет общего с изучаемым в школе, немецким. Вообще-то, как можно было бы понять из мемуаров военно-морских начальников до-военной выпечки, в военно-морских учебных заведениях иностранные языки предлагались на выбор - основной и дополнительный из нескольких европейских. На что и рассчитывали. Увы, это правило не распространяется на мореходки. Для всех только - английский и немецкий - для дунайцев. Есть в мореходке такая группа судоводителей, обучающаяся судовождению на речных путях. Готовят их на Дунай. Как оказалось, выбирай специальность, выбрал я самую для себя непроходную.

Если бы только знать, что к радиостанциям предъявляют требования к языку на том же уровне, что и судоводителям. Если бы только догадаться, что английский составит такую непреодолимую проблему. Но, наверно, мне эти знания были лишними. Потому, что тогда не закончил бы я мореходку. Никогда. И не ходил бы четыре с половиной года строем в этом благословенном богом городе.

Вот в школе с языками проблем никогда не было. Но языками то этими были немецкий, румынский, турецкий, болгарский, иностранными которые и назвать трудно. Варварскими наречиями этими владели соседи, родители, учителя и вообще все окружающие, кто не считал зазорным говорить на языке соседей. Были и такие.

А отца, фронтовики – однополчане и вовсе почитали как полкового переводчика. Это же надо - деревенский пасту-

шок-сирота и переводчик.

И так, опять замаячила угроза отчисления. Возможно, по-прежнему, доминирует фактор резерва. Внятно и члено-раздельно освободить место никто не предлагает. Однако у тетки-англичанки при моем появлении на лице выражение крайнего отвращения, как будто мууху проглотила. Есть у меня собрат по несчастью - Вовка Козырь из Кременчуга. У нас много общего. Он такой же смуглый и с англичанкой - проблемы те же. Нет у Вовки физиономия, конечно черней моей, и с английским я, конечно же, лучше. Но ведь это совсем не все. Есть еще и каждодневные занятия по судовой радиосвязи или в просторечии - морзянкой. Тут уж, я вне конкуренции. Нет музыкального слуха. После каждого пропуска занятий, такое ощущение, что отстал навсегда. Мне бы круглые сутки сидеть в радиоклассе, слушать морзянку и учить стракча гроупс, а я все больше по нарядам вне очереди.

Есть у нашего училища одна особенность. Очень много говорят о славных традициях и это, кажется и есть главная традиция училища. Поскольку в чем заключаются эти славные традиции, нам никто так и не разъяснил, и никто не удосужился их перечислить. Или я не запомнил, а может, просто не понял?

Одна традиция, однако, имела место. Это точно. Притирать за английский язык притом, что, несмотря слухи о знании некоторыми категориями граждан нашей страны языков, английский язык выпускники морских учебных заведений всех ведомств и профилей в наше время практически не знали. Разве только за исключением случаев крайне тяжелого стечения жизненных обстоятельств, которые могли бы расцениваться судом как смягчающие вину. И теперь уже совершенно очевидно, полезней было бы обучать бальным танцам, а в нагрузку заниматься с курсантами языками, которым их пытались обучить в общеобразовательной школе. Более того, следовало бы ввести вступительный экзамен по иностранному языку. Боялись видеть, что не будет в мореходку конкурса. Не найдется желаю-

ших. Мурманскую Вышку(МВИМУ) так и прозвали- Му-у-у ... Вошел И Му-у-у... Ушел. Это ведь в смысле английского языка. Согласно опыту можно предположить, что в условиях железного занавеса, обучение мореходчиков бальным танцам принесло бы пользы больше. И стране и мореходчикам. Но не мне. У меня плоскостопие и пришлось бы мне, наверно, мореходку покинуть или при наличии выбора все-таки учить английский, потому, что при всей бесполезности, для меня английский, наверно, все таки проще.

Выпускники 60-70х охотно подтверждают историю про курсанта, который из английского языка знал едва ли не единственное выражение – «Хенде хох». Было это где- то, сразу после Фултонской речи Уинстона Черчилля. Несмотря, на практический запрет общения с иностранцами, душегубы язык учить все равно требовали, при чем так, как будто им за это деньги платили. В общем, плохи дела у парня. А в мореходке и при нас еще существовал единожды кем-то раз и навсегда заведенный порядок отчисления по неуспеваемости. Когда возникал вопрос об отчислении, незадачливый соискатель диплома имел право заявить начальнику специальности о несогласии с выставляемой оценкой. Этого было достаточно, чтобы по представлению спца собиралась аттестационная комиссия в составе преподавателей цикла (кафедры) и начальника специальности. Описываемый случай не был исключением. В кабинете начальника специальности собрались преподаватели английского языка во главе с начальником цикла (кафедры), обсудили методику проверки знаний ну и вызвали на аутодафе несчастного. Поговорили с человеком о жизни, о войне, а потом предложили перевести текст из журнала. Предлагают журнал. Несчастный берет и переводит. С запинками, но ведь журнал же, понимать надо. Кто не читал журналов на иностранных языках, тому объяснить нет смысла. Потому, что объяснить как трудно переводить, еще сложнее, чем перевести текст. Забрали у претендента журнал ну и отпустили бедолагу, сказали, что судьба

его будет решена после обсуждения результатов перевода. Вердикт был - в училище оставить за сообразительность и настойчивость. Когда парень успокоился, до его сведения довели, что в училище его оставят, но рекомендовали все-таки больше уделять внимание языку, потому что переводил он на самом деле с французского. Бедолага, сразу не понял в чем дело, а когда ему разъяснили, что журнал был на французском языке, так чуть умом не тронулся.

Впоследствии, утверждают, исправился и стал учиться, как следует. Овладел он английским языком или нет, для меня не секрет. Не разговаривал этот человек по-английски, потому, что не нужен был ему иностранный язык. Также как не разговаривали в полной мере по-английски большая часть судоводителей, с которыми ходил я в одних экипажах. Пользовали в качестве переводчика меня. В связи со стечением тяжелых жизненных обстоятельств, которые судом могли быть расценены как смягчающие вину.

А пока круговорть беличьего колеса - английский, судовая радиосвязь, наряды, хоккейная команда и строевые занятия, строевые...английский, радио... Уже начинает казаться, в армии совсем не так и страшно, и наряд начинает восприниматься как заслуженная награда. И это господа, похоже, и было главной задачей Системы. Вроде бы укрепляет душу, если только дураком не сделает.

Всему иногда приходит конец, пришел конец и карантину. На носу всенародный праздник, посвященный годовщине Великого Октября. А это окончание карантина, после которого аж до марта месяца ,если по распорядку дня, строевые занятия только один раз в неделю. В среду. Пока еще никому и в голову не приходит, что пройдет, не так много времени и люди позабудут о, как окажется, главной причине карантина и ежедневных строевых занятий. Ежегодно в нашем провинциальном городе два зрелищных мероприятия – праздник Великого Октября и Первомай, а это - торжественное прохождение перед трибуной

с партийно-хозяйственной администрацией области. Централка идет парадным маршем в коробках, куда там армейцам! Да мы парад на Красной площади перещеголяем. Когда парадные расчеты, печатая шаг в ответ на поздравления, отвечают дружным «Ура», у ветеранов прошибает слезу.

Публика визжит в экстазе, гром аплодисментов по проспекту сопровождает движение парадных расчетов училища. Аплодисменты и «Прощание славянки» пятой роты моего музычителя капитана третьего ранга Матвиенко:

*Прощай, не горюй, напрасно слез не лей,
Лишь покрепче поцелуй, когда сойдем мы с кораблей*

Есть в жизни еще один праздник. Это окончание училища, для тех, кто когда-либо заканчивал мореходки типа нашей - это высший триумф потому, что дрогнут до выпуска далеко не все.

А пока все хорошо прекрасная маркиза, и кто живет в пределах досягаемости - домой. Ну, как тут не любить Родину - партия о народе заботится. Целых четыре дня выходных, все в увольнение, штрафники - в суточный наряд. Все хорошо, а хотелось домой. Есть повод призадуматься, если ничего не изменить, в зимний отпуск придется наряды отстаивать. С неотработанными нарядами отпуск не положен. С двойками по английскому и судовой радиосвязи - тоже.

После наряда ходил на праздничные, по случаю праздника, пляски в училище. Девчонок море, только напрасно мама переживала, никто ее единственного и самого красивого на всем белом свете сыночка не похитил.

Никто даже не заметил ни появления, ни исчезновения. Извлек урок, - любят, прежде всего, тех, кто сам этого очень хочет, а потом всех остальных. Похоже, мне пока не очень сильно все это....может время не пришло? Иду я в экипаж долбить «стракче гроупс намбер ван» и дальше по списку. И начинаю я понимать, что общество делится на две, неравные по чис-

ленности, категории лиц. На тех, кто считает, что имеют право владеть всем и на тех, кто, по мнению первых, имеет право претендовать на все остальное.

Выходные проходят быстро. Выходные даже в мореходке - хорошо. Побывал в городе, симпатично - но видел все это я и при поступлении в училище. Да и как оценить окружающую красоту, когда домой не пустили. Для выхода в город нам оформили увольнительные билеты. Документик, размером с курсантский билет, в котором текст типа - Курсант Петро увольняется в город Камышанск, при этом обязан вести себя прилично. Точнее текст запомнить не представилось возможным, в силу причин, которые будут изложены ниже.

Перед увольнением - осмотр внешнего вида, проверка наличия документов, в том числе и увольнительного билета. Без этого, в город ни-ни. Я в увольнении успел побывать дважды. После второго случая увольнительный мой билет пропал. Не спрашивайте где, не отвечу. В мире пока так много непонятного. Следующий раз видел его я среди других увольнительных, уже летом. Притом, что в последний раз я получал его и официально выходил в город на октябрьские праздники. И спасибо вам, господа, кто замылил мой ненаглядный увольнительный билет. Вы научили меня обходиться без документов вообще. В последующей жизни все это мне очень пригодится...

А вот в мореходке, последующие четыре года, ходил в город я по надобности, а не тогда когда необходимым или того лучше – возможным, сочтет начальство. По ходу пропала моя форменная фуражка, которую завскладом с интересной фамилией так любовно мне подбирал. Думаю, я должен был быть благодарен товарищам, приложивших руку к тому, чтобы я лишился увольнений в город и фуражки. Что касается увольнений - то появилось много времени для совершенствования в английском языке. А вот что касается мицы, то последствия были ближние и дальние. Ближние последствия заключались в том, что мне для начала понадобились два рубля, чтобы при-

обрести б/у фуражку. Пришел я своими рублями на склад, чем прибавил печали в глазах старого еврея, узнал он меня сразу, и как мне показалось, очень удивился, что меня еще не отчислили. Фуражку он мне дал за безденег, а на два рубля велел купить конвертов и писать маме письма. И мицу мне он выдал на зависть лloydовским капитанам - кожаный лакированный козырек, большой краб с земным шаром и якорем, аэродинамика... аэродинамика.... как у американских бомбардиров времен второй мировой, когда бомбили Берлин! Видно сдал на склад кто-то из отчисленных старшекурсников до милитаризации училища. На первом же построении, по причине не соответствия внешнего вида уставным требованиям, был я выведен тогдашним начальником ВМП капитаном первого ранга Рудометовым из строя для всеобщего обозрения. После привлечения к разбору полетов старшины роты Алексеенко и совместных объяснений, обошлось без публичной порки. Однако меня запомнили... Навсегда. Краб я отдал Алексеенко, для старшин послабуха, а мне краб ни к чему. Но мне это не помогло... Правда и я продолжал изумлять училищное начальство... Глубоко ему сочувствую. Начальству.

Что же касается более отдаленных последствий этого инцидента, то когда в одной из московских академий обнаружил я свою украденную форменную фуражку на голове слушателя из числа местных балбесов, то был я более решителен, и под одобрительный гул голосов присутствующих снял ее вместе с головой покусителя. Баран не догадывался, что среди слушателей могут быть мореходчики. На мою фуражку более не покушались. На голову - случалось, на фуражку - нет. Никогда. И мне было приятно, что надо сказать, не очень интеллигентно. Тешу себя мыслью, что человек всегда так устроен - ему приятно, когда справедливость восстановлена. Правда тот ишак, похищая мою фуражку, надо думать, тоже полагал, что поступает справедливо. Такая хорошая фуражка и вдруг, на тебе, не ему принадлежит. Так надо отметить, козлу этому я вернул его

собственную фуражку. Ни кому она оказалось не нужна. Поэтому, что эта фуражка принадлежала кретину. Отчислят его за плохое знание иностранного. За иностранный больше никого из нашей академии не отчисляли. Когда было нужно, я командиру нашей учебной группы переводил даже с французского. Спросите майора Логина Виктора. Может давно и не майора. Французский я знаю примерно как тот курсант послевоенного выпуска, который из английского знал только «Хенде хох». Закалка, однако, мореходная. Может, Система для этого и была задумана?

Урок намбер ту – интересы свои отстаивай сам - я усвоил хорошо. Спасибо за урок, господа хорошие – учителя мои преподнесшие мне урок, и радуйтесь, что не попадались мне на жизненном пути.

Подъём, утренние осмотр, подъем флага, завтрак – построение – переход – занятия – построение - переход, обед – построение до и после- переход, дополнительные занятия судовой радиосвязью или английский язык- переход - спуск флага, ужин –построение -переход – самоподготовка – построение – переход – вечерняя поверка, кому отбой, а героям- хоккейная команда. Я понял, что будет лучше, если я всем этим заведенным порядком буду согласен. Я страстно желаю следовать однажды заведенному порядку. Я этого хочу больше чем старшина, командир роты, ОРСО и весь цикл ВМП, именно так все вместе это и называется. Но о моем страстном желании никто и не догадывался. Если только они все вместе и сообща не хотели всех и сразу оправить на срочную. Общая численность курсантского состава, похоже, мало кого интересует. Ордена и медали за это не дают, воинское звание по занимаемой должности согласно штатному расписанию от штатной численности курсантов не зависит.

Но ко мне, кажется, начинают привыкать или может, это я начинаю привыкать к тяготам морской службы. Оценки мои по иностранному и судовой радиосвязи начинают выравниваться.

Нельзя сказать, что я отличник боевой и политической, однако если учесть, что по остальным предметам у меня высшие баллы, то ситуация вполне позволяет такого курсанта в училище терпеть. В хоккейную команду меня посылают все реже. Другим достается тоже. А я мечтаю попасть домой и в школу. Вот теперь-то что скажет Танька! Будет смеяться, что у меня маленькие на нос посаженные глазки и я не блондин? Это мы посмотрим. Добраться бы домой. Расчертил я во всех тетрадях на последней странице календари и каждый божий день на каждом уроке отмечую прожитый день. Считаю я и не отработанные наряды вне очереди. Старшина Миша Геращенко сказал, что в отпуск - только после отработки нарядов. Миша соврал, но меня это уже не касалось. С нарядами, медленно, но дело движется. Создает это проблемы с судовой радиосвязью. Однако у наших преподавателей ангельский характер и невероятное терпение. Инструктор наш по СРС принимает на пишущую машинку с трансмиттера в минуту двести знаков, может при этом курить и разговаривать. Несмотря на мои более, чем скромные успехи, мне обещана тройка. Каюсь, поинтересовался, а не отчислят ли меня по результатам семестра. Добросердечный инструктор успокоил и сказал, что случай мой не так чтобы очень редкий, и кто дотягивает до пятого курса, у того с морянкой все налаживается. Кафедра судовой радиосвязи никогда не ставит вопроса об отчислении курсантов по неуспеваемости, конечно, если только курсанты не теряют чувства меры. Мне, однако, пожелали пересмотреть свое поведение, пореже ходить в наряды и почаше - на занятия и тогда заветная тройка по результатам семестра будет обязательно.

Получу я свои три балла по судовой радиосвязи, английскому языку и даже по физической подготовке, скрепя сердце, незабвенной памяти Илья Израилевич Ашпис, с пожеланиями больше внимания уделять спорту, тоже поставит три шара.

Молились строем, как канадские хоккеисты, - не помогло. Стремительно приближается Новый Год. В училище

праздничный вечер, посвященный Новому Году. Я не иду. После ужина с книжкой ложусь на кровать. В кубрике прохладно. Замерзну, залезу под одеяло. На вечернюю поверку разбудят. Правда сегодня, кажется, она будет по случаю праздника, по кубрикам. Может кто-нибудь скажет, зачем я это сделал, несчастный. Мне надо было пойти в увольнение, выпить пару стаканов вина, потанцевать с девушками! И все!!! И я в отпуске!!! А я, придурок, читаю лоцию Черного моря. О, горе мне! Таньку ему подавай! Говорили люди - поступай в Таганрогский радиотехнический. Нет, совесть замучила. Мамино благосостояние такого подарка не выдержит.

Одолел я про подходы к Одессе, прочитал про Измаил, а это почти как дома побывал - места знакомые. И в этом самом месте открываются двери в кубрик и вваливаются Вовка Слезин, Вовка Салошенко и с ними же комсорг группы - Тихий Толик. Понял я сразу - дома я уже побывал и буду там до самой армии, пока не наступит призывной возраст, благо мне полных только шестнадцать. У ребят большая спортивная сумка и в ней звенит стеклом. Надо сразу сказать, нас связывает совместный опыт по части выпить, во всяком случае, меня, Слезина и Салошенко. Первый раз мы выпили по случаю зачисления в училище. В силу строгости порядков больше не доводилось, но в нашем возрасте большего и не надо. Здесь следует отметить, что главные действующие лица навестили меня совсем не потому, что скучали без меня. Я отчетливо понимал это тогда, и не изменил своего мнения спустя почти пол века. Просто проживал я в кубрике дальнем по коридору от входа, у окна нашего кубрика проходила пожарная лестница, и потом только в нашем кубрике, непонятно каким образом, сохранился на дверях шпингалет. Какие бы то ни было, запоры в кубриках были категорически запрещены, более того в первом корпусе экипажа уже, после того как старшие курсы переселись во второй, в дверях прорезали смотровые окошки. Поверьте, на слово, напоминает тюрьму очень. Кто хочет пройтись – в

отечественную мореходку нашего времени не ходите.

Как бы то ни было, уйди я в город или в какое иное место, не было бы ни всех последующих событий, ни поводов для печали.

Пока мне читаются нравоучения, бутылки выстраиваются на столе. Толик вылез через открытое окно на пожарную лестницу и изображает из себя макаку. Похоже в ответ на его оригинальничание в запертую дверь стучат. Это, однако, дежурный офицер подполковник Калиниченко требует немедленно открыть дверь. Совет был кратким. Сумку с бутылками – комсоргу на пожарную лестницу, окно закрыть, дверь открыть. Когда подполковник Калиниченко прошел в кубрик, в воздухе уже попахивало спиртным. Старому армейцу объяснения были излишни, а вот мы сочли за благо расколоться. Разбор полетов, в силу известных обстоятельств, был перенесен на послепраздничные дни. Разбирательство проводил начальник специальности Моторный. При иных обстоятельствах, летели бы мы из училища к радости оргстроевого отдела. Общая и частная превенция. Разгильдяев – вон, остальным бесценный урок. Но, пусть не покажется странным, оказалось, мы все-таки неплохо учимся, потом Моторный, похоже, выявил еще какие-то смягчающие вину обстоятельства, о которых умолчал. Но я то опять попал. Моторный про меня уже где-то слыхал. Он говорит, что не понравилось ему, что он про меня уже слышал. Ничего, услышит еще. Следующий раз ему понравится еще меньше, но это потом. Валериан спрашивает, откуда деньги на вино, Вовка Салошенко сказал, что у него был рубль, тоже самое, сказал и Вовка Слезин. Я же, к вечному презрению собутыльников, сказал, что у меня денег не было. Не искал я для себя снисхождения. Просто я еще не умел врать. Психологи утверждают, человек еще в младенчестве должен пережить этот период, когда патологически врет. Это нормальное состояние и свидетельствует о нормальном развитии ребенка. Такое вот детство. Не успела меня мама в дорогу научить врать.

Учила язык держать за зубами, быть преданным присяге и друзьям, а вот обманывать научить не успела. Спасибо, товарищи, научили.

С тех пор правды я больше не говорю никогда, разве только если очень невтерпеж. Впоследствии меня этому даже специально обучали в других закрытых учебных заведениях. В одно время это было даже моей профессией. На языке специалистов ложь эта легендой называется. Урок третий - в строю не отрывайся от коллектива, шагай в ногу.

Зимняя сессия прошла как в тумане. Первый курс разъезжается на каникулы, Уехал и комсорг Толя. Проштрафившийся определяется фронт работ. Теряемся в догадках, но почему-то радиостанции определили косметический ремонт кабинетов цикла военно-морской подготовки. Страшно. Приняли нас на цикле неожиданно доброжелательно, повоясняли кто-откуда, да и выдали в результате, что если выполним весь объем работ до окончания зимнего отпуска, нас всех отпустят домой. Военно-морская смекалка называется и принцип материального стимулирования - одновременно. Да мы все сделали бы за три дня, кабы, умели. Среди нас постарше - Вовка Салошенко. Трудно сказать умел ли он, что делать своими руками, но с его подачи мы беремся за все. Если бы не Вовка, не видать бы нам отпуска, как своих ушей. Белили мы и красили. А в перерывах разглядывали карты Черноморского оперативного района. Это были чудные карты. На них можно было найти свои городки, куда мы по несчастью не попали. Карты-то мы разглядывали и за лафет пушки забирались, но ненадолго, не до игр. Спали тоже недолго и тут же, кто где пристроится. Через десять дней нас всех отпустили домой. До конца отпуска оставалось четыре дня. Самый, слабонервный из нас, вернулся из отпуска через неделю. Количество нарядов полученных за несвоевременное возвращение из отпуска равнялось количеству прогулянных дней. Все справедливо. Справки от ухогорлоносца не прокатили.

Был я, однако, в школе. Встреча прошла при полном аншлаге. Оказывается таким манером - через окно, с уроков больше никто не сбегает. Задачки повышенной сложности в нашем классе теперь решает только Димка Самси. Мальчишки, по вечерам после школы провожают девчонок.

Местное население готово рассматривать мужскую половину класса в качестве потенциальных женихов, народ, однако, собирается учиться. Моряками и летчиками быть никто не собирается. Что и говорить - мелиораторы и потомки пастухов.

Очень мне было интересно, что скажет по поводу того, что я не блондин Таня Никитина, самая красивая девчонка в окрестностях нашего городка. После уроков, когда в классе больше никого не оставалось, только я собрался духом поинтересоваться ее мнением по этому поводу, как вбежала комсорг школы Валя Кранич из 10А и сказала, что народ для гуляний собран и все ждут почетного гостя - мичмана Джона. И пошли - гулять. А Таню я больше не видел. Никогда. И мнение ее по поводу того, что я не блондин, я уже никогда не узнаю. Никогда. А жаль.

Отпуск вместе с прихваченными днями пролетел как сон. Наряды за излишне прогулянные дни я тоже благополучно отстоял, и вдруг показалось мне, что никто от меня ничего лишнего и не требует. Бывает, однако, невезуха. Но бывает она не только со мной. А если следовать полученным урокам, а именно, беспокоиться о себе самому, шагать в ногу и не отрываться от коллектива, то тогда все сильно упрощается, ибо камни с неба падают квадратно-гнездовым способом и значит не всегда в тебя.

У нас началась военно-морская подготовка. Вообще это оказалось делом очень полезным и многим из нас в жизни неожиданно пригодится. Обучение наше военному делу начали со стрелкового оружия. Предмет ведет капитан третьего ранга Котельников. С таким учиться на одном курсе было бы совсем нестыдно. По мнению Котельникова, самая яркая мечта курсанта

– выспаться, а самый лучший сон – в состоянии опьянения без грязи, сновидений и держания мочи.

Каждый курсант, дремлющий на занятиях, во сне мечтает именно об этом, а совсем не о том, чего так боялась мама, отпуская сыночка в училище. Потому, что маме такое и в голову не приходило.

Попадаю на занятие по АК-47. Уж очень хотелось подержать в руках. А еще сфотографироваться и показать потом папкам в школе. От зависти сдохнут. Показал нам Котельников неполную разборку и сборку автомата и пояснил при этом, что моряк, не укладывающийся в нормативы по разборке и сборке автомата Калашникова серый как штаны пожарника. И спросил, кто добровольно готов продемонстрировать мастерство в этом ремесле. Добровольцев среди нас не оказалось. Глянул Котельников разбойническим взглядом в класс. Как-то, а я вздрогнул. Котельников взглянул в журнал и

- Мастерство свое продемонстрирует курсант Гринько.

Разобрал я автомат и собрал его. При установке газовой каморы на штатное место у меня возникло ощущение надвигающегося провала. Однако пронесло. Кожух стал на место. Это ощущение я вспомнил много лет спустя, когда однажды пригорела возвратная пружина автоматической подачи патрона в патронник. В этот раз тоже пронесло. Я не описался. Пацаны, кто помнит имя отчества капитана третьего ранга Котельникова? Товарищ капитан третьего ранга, курсант Гринько неполную разборку и сборку автомата закончил! В нормативы я уложился. Жив.

В учебе и нарядах проходит зима. Весна в Причерноморье стремительна. Однажды вдруг оказывается, что в парках деревья и кустарники покрылись за ночь изумрудной зеленью. Это значит скоро Первомай, а следовательно ежедневные строевые занятия и торжественное прохождение по центральной площади парадных расчетов училища. Хочется в город. Я уже научился обходиться без увольнительного билета. Но знаниями

своими и навыками я не злоупотребляю. Хочется домой.

А по проспекту гуляют девушки. Ах, какие девушки! Между первым и вторым корпусом широкий тротуар вдоль парка прямо «мерная миля». Похоже именно здесь находится никому неведомая потаенная дверь в мир тонкой материи, через которую ночами прелестные создания пробираются в курсантские сны. Весна. А мы сидим взаперти и наблюдаем за девушками в окна. Это если старшина терпимый. В любом случае наблюдаем тихо. Нет, самые бесшабашные сбегают в город, но за это нередко отправляют их домой или в армию. Кому как повезет. Нужно быть честными, мы обо всем знаем.

А девчонки уже сошли с «мерной мили» и гуляют уже под самыми окнами второго учебного корпуса. Это где учебные классы судоводителей. Искушение велико. Так ведь и ставки высоки. И приходит в такой ответственный момент нашим отчаянным собратьям штурманам в голову идея поразвлечься. Кто-то сказал, что если облить девчонку водой, то это к счастью. К девчоночьему счастью. С нашим удовольствием. Раздобыли банку с водой. Эксперимент в целом удался, не считая свойственного любому эксперименту разброса параметров, ибо очередной раз, когда поливали водой, то досталось совсем не юной претендентке, а какой-то старой карге, которой взбрело в голову искать приключений под курсантскими окнами.

Скандал вселенского масштаба. Построил подполковник Римский Василий Иванович роту свою на плацу с целью проведения дознания. А с основами оперативно-розыскного дела подполковник был знаком еще со временем «Смерша». Подполковник на беду Леньки Круцких, не только был знаком с основами ОРД, он ими владел. Поэтому, что Ленька через пол-часа раскололся в том, что воду в класс подносил именно он. И был Леня назначен главным виновником, ибо в случае продолжения дознания пришлось бы Василию Ивановичу раскрыть источник своей информированности. А делать этого никогда нельзя. Чекист ремеслом владел профессионально. Завтра,

ведь, тоже жить надо. И лишится Ленька летнего отпуска. Правда, ему за отличную учебу тоже определят аккорд. Заданием будет построить на лодочной станции училища гальюн типа сортир. Леня с заданием справится и на две недели будетпущен к мамке. Спустя сорок лет конструктор космической техники Круцких Леонид Дмитриевич тщетно будет искать на левом берегу Днепра в затоне произведение своих рук. Увы, гальюн тот, сооружением оказался недолговечным и остался у нашего «зодчего Расстрелли» только в памяти, так же как и обида на того, кто его заложил. Его- Леньку Круцких заложил, да и гальюн тоже. На фига этот гальюн вообще был нужен? Тоже мне архитектурный изыск. А девушки, где они теперь эти девушки? И стоило за них страдать! Говорил же капитан первого ранга Рудометов, что не стоило!

На майские праздники в этом году выпало четыре выходных. И если немножко постараться то за часов десять, максимум за двенадцать можно попасть домой. Назад - часов четырнадцать. И так почти двое суток дома. Это если сорваться после парада. Если же уехать накануне, то и все трое. Однако каких либо оснований рассчитывать на особое к себе отношение со стороны командира роты просто нет. Есть один аргумент - строевик я никакой. Ну не так чтобы совсем, но особенно гордиться нечем. Если подкатиться к командиру и особенно упирать на природные недостатки и проситься отпустить из парадного расчета, можно угодить в праздничный наряд и тогда освободиться только после смены следующим суточным нарядом. Но вот если оказаться в санчасти и не попасть в парадный расчет и в суточный наряд на время праздников, из санчасти выписаться вечером 30 апреля, то все может и прокатить. Только не у меня. Не попал я домой.

Ибо небеса предопределяют каждому собственную судьбу. От каких страшных бед хранила судьба меня, и к каким готовила испытания?

Господь каждому определяет его меру, каждый несет свой

крест. Пришел я на прием к Анне Сергеевне. Все было бы так замечательно, вот только бы вчера. Санчасть переполнена. Предпраздничная эпидемия. Много больных, родители у людей болеют, многие живут неподалеку и могут быстро обернуться, и, вообще кругом природные катаклизмы - надо бы помочь престарелым родителям..... Все правильно - получите урок третий – сопливых вовремя целуют. Так то. А я в праздничном парадном расчете. Мало того, после парада, с 1-го мая на 2-ое - в суточный наряд дневальным по второму учебному корпусу. Сочетание достойное достойных. Сначала на парад а потом в наряд.

Одно утешение, в суточный наряд идем вместе с другом по несчастью Сашкой Кондраевым. Решено - после наряда идем в кино. Дело в том, что с Сашкой учебу мы начинали вместе - на радио-. В колхозе Сашка, как истинный уралец, крепил наш моральный дух, но потом вскорости как приступили к учебе ушел на электромеханическое отделение.

В кино мы побывали.... Но как страшно болит голова. Проснулся я в пустом кубрике - все отпущены домой или в город с ночевкой. Лучше бы отпустили и меня, ан нет. Время пять утра, уже светло. Поднимаюсь этажом выше - ищу Сашку. Нет Сашки в расположении роты. Его нет нигде. Ищу до десяти утра. Вспоминается плохо, а что вспоминается, то совсем плохо.

Наконец-то! Отыскался след Тарасов. Но облегчения это не принесло. По предварительным оценкам, оказывается, как мы отпраздновали пролетарский праздник с дальнейшим пребыванием в училище несовместимо! При складывающихся обстоятельствах помогает только срочная зачистка. Уже учений. Срочный перевод в другое училище, на другую специальность, на Марс, куда угодно. Для курсанта пощада одна – отчисление из училища, лучше, если с одновременным призывом в Вооруженные Силы. Нам пощады не надо. И потому я на приеме у начальника электромеханической специальности – Федотко

Михаила Александровича, про меж курсантов - Миканита.

Условия перевода - я рассказываю свою версию празднования великого пролетарского праздника весны и труда, приношу журнал успеваемости и зачетную книжку. Версия моя очень простая. Были в городе. В первый день ходили в кино, познакомились с девушками с ХБК. Пригласили нас в гости, так мы на следующий день и пришли в гости. Никаких злоупотреблений. Вот. Если кто-то утверждает, что мы употребляли спиртные напитки, то мне об этом ничего не известно. Пока проблем нет. Зачетная книжка при мне. Не сдавал после зимней сессии - случайно и проскочило. Провидение. С зачеткой все хорошо - красивая зачетка. А вот с журналом большие проблемы. Журнал нужно выкрасть, принести Миканиту для обозрения и незаметно вернуть назад в канцелярию специальности. Рисковано... Ну да, конечно, но это Ваши проблемы, товарищ курсант.

Привлечь к операции «эвакуация» преподавателей не представилось возможным. У людей семьи, дети. Идея порочна. Требование Миканита всех возмущает, но что делать. Моя попытка разрешить проблему без журнала, к успеху не приводит.

- Вы, товарищ курсант должны были прибыть с журналом успеваемости.

Пришлось прибегнуть к крайним мерам. В любом случае, как только официальная версия моих первомайских приключений дойдет до Моторного, ждут меня мама и волчий билет.

По предварительной договоренности, секретарь выходит из канцелярии, я вхожу, забираю журнал и быстро к электрикам. Девчонку- секретаря совсем не помню. Стыдно. А ведь обещать готов был, что угодно.

Миканит на месте. Приношу журнал, ни живой, ни мертвый. Михаил Александрович долго и придирчиво его изучает.

Я начинаю понимать, что требование предоставить журнал, по мнению моего благодетеля, было невыполнимым изначально. Однако, слово не воробей. Миканит, однако, слово

держит! Мне разрешается с понедельника выходить на занятия к электрикам. Официальная версия перевода - профнепригодность для обучения на РТС. Ура-а-а!!! Первая самостоятельно разработанная оперативная комбинация венчается триумфальным успехом. Прощай мечта! Прощай РТС!

Да здравствует реальность сурового мира! Я вполне подготовлен к учебе на электромеханической специальности. Я понимаю, что это почти то же самое, что попасть в бассейн с серной кислотой, но я выгребу. Миканита я не подвел!

Миканита я не подвел. Из экипажа без необходимости не выхожу. Старшины заинтересовались моим появлением в роте. Нет, социальное происхождение, вероисповедание их интересует не очень. Если бы мой родственник или по крайней мере однофамилец, был министром при нынешних властях, возможно кому-то это и было бы интересно, а расстрелянный при Сталине тов.Гринько публику не интересует, и слава богу. Однако Вася Золкин, мой нынешний непосредственный начальник, подходил к предыдущему - Мише Геращенко, поинтересоваться моей репутацией. Слава бежит впереди его областителя. Не знаю, что дословно Миша про меня рассказал Васе, однако у Васи возникла потребность обсудить полученную информацию со мной непосредственно. Вопрос на самом деле я такой крупный художник-расписсяй я просчитал и был к нему готов. Вопрос именно так и был поставлен, ни больше, ни меньше. Цель прямо поставленного вопроса всегда необходимость получить простой ответ - да или нет. Я это понял без подсказок. Потом и в другом месте меня обучали технике постановки вопросов. Называется это разведопросом. А Вася, с которым мы потом закончим училище в обнимку, такой технике нигде не обучался ни до, ни после.

Я и ответил Васе:

- Земля слухами полнится, товарищ старшина.

Васька услышанное правильно расценил, как -собака лает, ветер носит, что привело его в бешенство. Но как я понял, ответ

мой его почти удовлетворил. Я и теперь иногда думаю, а как бы еще можно было бы ему ответить. Ни в мореходке, ни в других учебных заведениях меня этом не учили. То есть меня учили, но учили в другом месте и много лет спустя, и учили немного другому. И так, я, кажется, попал в цвет. Сами посудите, каков смысл обвинять Геращенку в необъективности. Человек, надо понимать, хотел мне добра. Спасибо, Миша, ты честный парень. Фамилию смени. Тебе подойдет фамилия Правдюк.

Я Мишу спрашивал, к чему было меня так рекомендовать. Я, же не просил. И вообще никто его об этом не просил. Миша накалил физиономию и возмущенным голосом человека, у которого поругана офицерская честь, задал встречный вопрос, а что же он должен был обо мне говорить. Миша я не знаю, что ты должен был говорить, но мои новые сокамерники месяца два смотрели на меня с восхищением, пока не поняли, что пользуюсь я не вполне заслуженной славой.

А, вообще, тому, кто окажется в подобной ситуации, следует иметь в виду, что ответ не должен оставлять поводов для новых вопросов. Это правило.

Новые мои товарищи настороженности в отношении меня не проявили. Даже очень наоборот, и при моем появлении проявили дружелюбие. Правда, некоторые не надолго. Со многими из них я и разделил незабываемый триумф по поводу окончания училища. Со многими, но, увы, не со всеми. Так сложились обстоятельства, и так легла карта. Звезды благоволят не всем.

Приятная новость – англичанку мой прононс вполне удовлетворил, а словарный запас привел в восторг. Дина Михайловна ставит мне пять баллов, досрочно выставляет семестровую пятерку и освобождает от обязательного зачета. Я ли это товарищи начальники? Я визжу от счастья как щенок. Но молча. При встрече в коридорах училища с англичанкой с РТС, моя бывшая училка интересуется моими успехами, я без ложной скромности отвечаю, что все прекрасно. Моя мучительница довольна. Я тут же на секунду пожалел, что больше не будет

она меня терзать своими экзерсизами. И потом, много позже, сначала на «ИН- Язе», а потом и в более сложных жизненных ситуациях, напряженно вспоминая «стракча гроупс», буду со- жалеть о том же.

Стремительно приближается весенняя сессия, выполняя принятые на себя перед Миканитом обязательства по ударному коммунистическому труду, сдаю экзамены на пятерки.

Возникает уверенно ожидаемая очередная проблема, связанная с несоответствием программ по подготовке судовых радиотехников - начальников радиостанции и судовых электромехаников. Мне отпуска не видать. Миканит сказал, что если сумею отработать слесарную и электромонтажную практику в двухнедельный срок, то возможно смогу уехать на каникулы. На целые две недели. Выбора у меня нет. Нет, альтернатива есть, например можно из училища отчислиться, до призыва мне еще год.

Я стараюсь следовать ненавязчивым рекомендациям Миканита. Не до развлечений. Еще перед экзаменационной сессией исчез Игорь Дровенко. Продал бушлат, угощал публику крепухой «Биле мицне», и как-то внезапно исчез. Хороший парень утверждают некоторые мои однокашники. Спустя пол- века я спрашивал, вкусная ли была крепуха. Кто пил ее родимую и добрался, все-таки до выпуска, молчат. Бушлат был ворованный и принадлежал бушлат мне.

Хороший парень Гоша , покажись, Игорек! Все давно раскололись. Если разговор не получится, я тебя зарежу тихо и не больно. Меня обучили. Сниму как вражеского часового.

А, коль, пропал, брат, в лагерях, то прости меня, аки и я тебе прощаю. Аминь.

Бушлата у меня нет. Ну да не очень мне сегодня он и нужен, мне нужно отработать слесарную и электромонтажную практику.

Ну, на этом беды мои не закончились. Обучаюсь я различным приемам металлообработки, и электромонтажным

работам. По собственной программе в мастерских производственную практику проходят радисты – третьекурсники. Это большие парни и я с ними не общаюсь, тем более, что у них есть все основания относиться ко мне как к ренегату Троцкому. Так и относятся. И поделом.

Дела мои понемногу продвигаются, притом, что особых талантов в металлообработке я не проявляю. Однако инструкторы производственного обучения ко мне вполне снисходительны, но понять, попаду я все-таки в отпуск или нет из их уклончивых ответов нельзя. Дело в том , что я, кроме ежедневных занятий, хожу по-прежнему в наряды и в связи этим нехочя, но иногда пропускаю занятия в мехмастерских.

Что вопрос можно разрешить при помощи бутылки, мне в голову в то время еще не приходило. Преподаватели моего производственного обучения прозрачно намекают, что мое обучение может продлиться до конца отпуска, а может и более того.

Но и это не все, и ох как не все! Прихожу я в мастерские после наряда, встречает меня мастер по электромонтажным работам, ведет к верстаку и достает из него механический резак для перерезания электрических кабелей среднего и большого диаметра. У резака отломлен нижний режущий нож. На вопрос, чтобы это значило, ничего внятно ответить не могу, но про себя решаю, что хана котенку. Препод объясняет, такая поломка возможна только в случае если резаком перерезать латунный прут. Прут лежит тут же. Целенький. Мне и в голову не пришло изучить, нет ли на нем следов. Трасологию я еще не проходил. Есть такой раздел в криминалистике. Спасибо, товарищи, за науку.

Теперь, оказывается, я должен не только ходить в наряды, отрабатывать практику, но и в свободное время добыть денег и купить где-нибудь сломанный мной инструмент. Классная задачка для курсанта учебного заведения разведывательно-диверсионного профиля. На уровне курсовой работы. Но, това-

рищи, я же всего лишь мореходчик. Говорят, что это никого не интересует, попутно объясняют, что на Приднепровке есть магазин «Тысяча одна дробына» и именно этот магазинчик мне и понадобится, если я хочу, чтобы все было тихо - мирно и уж тем более, если я мечтаю попасть в отпуск. Иначе, говорят, будет доложено начальнику специальности. Соворали, гады. Магазин я нашел. Добыл бы я и денег, и, не воруя чужих бушлатов, но нужного мне инструмента в магазине не оказалось.

Прошли две недели практики, и предстаю я перед ясные очи Михаила Александровича Федотко с докладом об успешном прохождении двухнедельного обучения в мастерских училища. Нашел его я не с первого захода, но нашел. Ну да, он информирован о моей диверсионной деятельности и хотел бы особо отметить мою нерадивость в связи с пропусками занятий в мастерских. Наряды? Наряды не внеочередь? Нет?! Ладно, объяснение принимается. А как Вы, молодой человек сдали экзаменационную сессию? У Вас и зачетная книжка с собой? Ну, одни пятерки? Ну, что же это неплохо и почти меняет дело. Что же произошло с резаком для кабеля? Вы точно не знаете, кто это сделал? Михаил Александрович мне поверил! А я ему соврал. Нет, тогда я еще не знал точно, кто сломал резак. Но именно тогда я понял, что иногда человеку дано знать, то чего ему вроде бы знать неоткуда, но знать ему это надо, чтобы выжить. На этот раз мне это качество не понадобилось. Видать еще рано было. Миканит мне поверил.

Михаил Александрович принял строгое, но мудрое решение. За успехи в учебе я поеду на две недели в отпуск, а вот затем, когда все нормальные люди поедут в колхоз на уборку помидор, я, сирота, буду ходить в мастерские для дальнейшей отработки производственной практики. Усталый, но счастливый я уехал в отпуск. Мастерские, оставшиеся годы обучения в училище я обходил десятой дорогой.

Глава 2

Новые янычары

Лето кончилось, две недели отпуска тоже. Нормальные люди, то есть мои сотоварищи, в колхоз - на помидоры. В силу, на этот раз приятных превратностей судьбы, в колхоз я не попал. В мастерские на отработку электромонтажной практики меня пока не вызывают. Все этому очень рады, так как работы для хозбригады, в которую я попал, хватает. А уж я то, как этому рад! Вы можете себе только представить. Такое ощущение, что мой кошмар заканчивается, и я стою на пороге новой жизни. Все внимание воспитателей - на новообращенных. Для начала, целый месяц я практически предоставлен сам себе. Хозработы, по подготовке к началу учебного года в расположении роты и в учебных корпусах, не в счет. Если следовать требованиям распорядка дня для старших курсов, а именно в таком режиме живет училище в сентябре месяце, когда салаги в колхозе - появляется надежда, что в этой серной кислоте можно выплыть. Есть оказывается правило и ему необходимо следовать. Это терпение и терпимость. Увы, правило это я усвою гораздо позже и следовать ему буду не всегда. А сейчас, я наслаждаюсь жизнью. Иногда в голову приходят грустные мысли в связи с переходом на электромеханическую специальность, однако в своих печалах я не одинок и не одному мне в этой жизни приходится умерять свои желания. И делать это, похоже, придется еще долго, во всяком случае, пока желания не станут иссякать сами по себе, короче надеюсь долго. Придет время, брошу пить - курить и заглядываться на красивых девушек, а пока я радуюсь жизни. И вообще не будем о грустном, это все не завтра и уж не сегодня точно.

А сегодня 1 октября 1967 года мы приступаем к занятиям на втором курсе. Отсев из училища колossalный. Из числа поступивших, в нашей роте, к выпускну дойдет едва половина. Причем отсев по специальностям неравномерный. В про-

центном соотношении максимальный отсев у электриков и судоводителей, меньше всего отчисляется с радиотехнической специальности. Радисты народ дисциплинированный и конкурс у них, при моем поступлении, составлял двадцать пять человек на место. С радио- отчисляют охламонов типа меня, либо по медицинским показаниям, в том числе иногда в психичку. Впрочем в психичку отправляют не только с радио-, но и с других специальностей. Только об этом пусть расскажут другие. А у нас существенное пополнение. И существенно оно не только потому, что значительно пополнило наши поредевшие ряды, а потому, что парни заметно облагородили нашу волчью стаю, которая достойно было бы украсить иное воспитательное учреждение для малолетних девиантов. Пришли к нам после средней школы Валера Вернигора, он же Вернидуб, Юра Ермоленко, он же Ю, Логвиненко Алик, он же Логос, Выдриган Коля он же Бонифатий или Тыдра, это чтобы не обращаться на Вы, он же товарищ Феликс, он же Троянский конь. Из судомеханического техникума перевелись Витя Кононенко и Петька Единый, а после академического отпуска восстановились Володя Рубцов и Коля Сердюк.

Учеба в обычном порядке. В мореходках первый курс самый трудный для всех, а затем в зависимости от специальности. У электриков второй курс самый нудный. Ты уже вроде и не совсем салага, но и завидуют тебе, кроме первокурсников, только не поступившие. А курс нудный, потому, что первая плавательская практика у электриков только после третьего курса. А плавпрактика, если «семафор» открыт, это заграница и всегда какие-то деньги, но прежде всего - заграница. Потому, что заграница для обитателей нашего первого в мире государства трудящихся это что-то непостижимое и недостижимое.

Если, конечно, Ваш папа не член политбюро или второй секретарь обкома КПСС, как у нашего сокурсника. Тогда, конечно же, все Вам и так будет по праву рождения. Есть такое право в нашем цивилизованном мире. Естественное. И тогда

необязательны ранние подъемы и отбои, «хоккейные команды», и выпускники сталинской Промакадемии в механических мастерских в качестве инструкторов и все остальные обязательные прелести казарменного быта закрытого учебного заведения времен развитого социализма. Нет, в мореходку Вас зачислят обязательно, только нужно ли вам это лично? Для карьерного роста это учебное заведение ничего не дает. Или почти ничего. Все на что Вы вправе рассчитывать после электромеханического отделения в Черноморском морском пароходстве, при естественном истечении событий - это должность электрика на судах с электроснабжением на постоянном токе. Будьте готовы, что через два года безупречной работы вам могут сказать, что направлять вас электриком на судно с электроснабжением на переменном токе рановато, даже если вы закончили мореходку с красным дипломом. Вам скажут, что ваше время еще не пришло и надо ждать. Вы решили, что необходимо повременить и ждать ? Нет, дорогой друг, поняли Вы неправильно, потому, что на самом деле надо же дать, а не ждать. А, чтобы знать, кому и сколько, нужно сначала заплатить человеку, который это знает и Вам поможет. Нет, если Ваш папа член Политбюро, тогда все по другому, потому, что Вы то родились гением по праву бесплатного приложения к происхождению. Как говорят англичане - с золотой ложечкой во рту. А в противном случае, после средней мореходки в обозримом будущем получить должность судового электромеханика можно только в случае каких либо чрезвычайных ситуаций. Должность такая, вот. Мы это поняли и призадумались над правильностью однажды сделанного выбора. Непонятно только, с какой стати местной знатью была заведена традиция отправлять своих недорослей в нашу мореходку. Впрочем, кто теперь ответит на этот вопрос, традиции то этой полтора столетия. А может родители и ни при чем? Сами умники, вопреки воле родителей и сюда? Как и весь остальной народ. Призадумались мы поздновато, следовало бы в прошлом где - когда

преодолевали бешеный конкурс при поступлении. Впрочем, каким был конкурс на электромеханический, сказать сложно, некоторые мои товарищи утверждают, что на электриков были переведены мандатной комиссией с других специальностей. Похоже, что у электриков на курс младше конкурс был выше, чем у моих однокашников, до выпуска у них дошло более трех четверти из числа поступивших, а у нас менее половины. А может, наш набор был бесшабашней?

На примере наших новых товарищей, мы имеем возможность понаблюдать, какими сами были год назад. Забавно, но не для всех. Не забавно старшинам и совсем не весело нашим новым янычарам. Парни огрызаются, умничают и задают вопросы. Справедливости ради, надо отметить, что ребята они умные, только пока не очень понимают куда попали. Впрочем, им все таки прощще, чем было прошедшим через кошмар первого курса. Однако, это совсем не мешает нашим взаимоотношениям, и мы скоро подружимся. На всю жизнь. Некоторым волчатам парни не по нутру, ну да приходится мириться. Они в своем родном городе. А это, что-то значит.

А сейчас, не считая карантина, который только для первого курса, во всем остальном полное дежавю. Учеба, строевые занятия. Забавляют только наши новые сотоварищи по несчастью.

Пришли они после средней школы и обнаруживается явная нестыковка в подготовке, в том числе и в части муштры, и производственной практики. Уж я то, как им сочувствую. Про меня в мехмастерских не вспоминают и я счастлив. Понятно, что новобранцам промаршировать придется меньше нашего, ну, да и не понадобится в жизни это никому. Других хлопот хватает. Я, как и наши новые янычары, по-настоящему въезжаю в коллектив. Сейчас это понятие также непопулярно, как и времена, в которые мы обучались.

Учебные группы на курсе очень разнокалиберные как по возрасту, так и по социальному происхождению. По уровню

подготовки тоже. В буках двое «ветеранов» - Саша Иваницкий один из них, второй Леша Приходько. Нам они кажутся ровесниками века. Да они и не спорят, командир не доставал бы и ладно. Леша Приходько - наш баталер. Саша Иваницкий - заместитель старшины рот, и, кажется, по совместительству старейшина роты. Саша, кроме того, что заместитель старшины роты, по совместительству преподносит нам основы предпринимательского права и политэкономии капитализма на практике. Так как чернильницы уже не в ходу, а достаточными навыками реанимации авторучек мы еще не овладели, в классе постоянно ощущается определенный спрос на пишущий инструментарий. Саша этот дефицит и восполняет. Учиться ведь нужно каждый день, ну, положим, учиться - громко сказано, а вот конспекты с нас требовали. Наверно, чтобы занять чем-то на занятиях. Чтобы не болтали и не спали. Ручки наши ломались и вот на «камчатке», в лице Саши Иваницкого, заработало предприятие по ремонту и обслуживанию «множительной техники». Предприятие функционировало исключительно благодаря частной инициативе негоцианта и исключительно на условиях бартера. К Саше всегда можно обратиться за обменным фондом. Правда, не совсем, чтобы так и безвозмездно. Картина весьма живописная. На столе перед Сашей лежит обойма разнокалиберных пишущих устройств, по - преимуществу таких же древних, как и он сам. Саша инструментарием делится с окружающими вполне охотно, но нужно пройти через испытание. Претенденту на пишущее устройство необходимо в доступной форме разъяснить не понятный по Сашиному мнению вопрос. У Сашиного стола живописная картина напоминающая одновременно известную картину, где запорожцы пишут письмо турецкому султану и киноафишу, где Чапай дает целеуказания Анке- пулеметчице. Саша сидит за столом, на столе обойма авторучек «всех времен и народов» а подле два-три соискателя. Причем если претендент, по мнению Саши, недостаточно талантлив, Саша, как искусный дирижер,

жестами и принятыми в курсантской среде непарламентскими по преимуществу выражениями, меняет докладчика и следующая жертва приближается к его столу. Саша к этому времени отбомбил четыре года срочной на флоте и столько же на атомоходе «В.И. Ленин». И как следствие, память его ослаблена, надо думать, не только табаком и алкоголем, но и простудными заболеваниями. Через годы когда наши пышные шевелюра побьет молью как у нашего Чапая, мы вспоминаем Сашу все чаще. Был он славным парнем, приближая крах коммунизма в условиях коммунистического подполья. Саша стимулировал стремление к здоровой конкуренции и подготавливал к выживанию в условиях рыночной экономики. Нам все это очень пригодится.

Для некоторых из нас в полный рост всталая новая проблема - Сергей Павлович Жиртуев – техническое черчение. Гроза курсантов, страшнее Матвиенко.

- Товарищи курсанты! Рисуйте мельче, быстрее запутаетесь!

Не спеши коза в лес, все волки будут твои.-

Это по поводу моих способностей в области технического черчения. Я и не спешу. И ни одного чертежа, ни в мореходке, ни в Высшем инженерном, я самостоятельно таки и не сделаю. Вот так вот, Сергей Павлович!

Однако есть талантливые ребята. Чертят. Некоторые - чертёвски хорошо. Куда только все эти таланты подеваются, когда я стану главным инженером. Придет время, и странно как-то, но все эскизы и чертежи на изготовление нестандартных деталей придется вычерчивать автору этих строк лично.

Хорошо когда Александр Васильевич Володин из выпуска, следующего за нами, рядом.

Этот может все. И мы с ним благодарны Сергею Павловичу за грамоту.

У нас организационные изменения. На первом курсе рота была двухзвенного состава, то есть на курсе две учебные

группы по тридцать человек. В этом году на первый курс электриков зачислено еще шестьдесят курсантов, которые включены в состав нашей роты.

С Сашкой Александровичем я буду спустя годы учиться в Вышке. Это там, где МВИМУ. Куда подевался этот радикальный национал. Где-то в Севастополе. Наверно борется с присутствием Российского ВМФ.

Командует обоими курсами капитан – лейтенант Грибков Леонид Афанасьевич. Надо отметить, что с нашим курсом ему повезло крепко. Вот на торпедные катера, да по законам военного времени отправить бы наших ребят. Меня тоже. Как показала перестройка - справились бы. А вот можно ли было принимать в мореходку – большой вопрос. Это все таки не воспитательно - трудовая колония. Таки и поотчисляли народу, будь здоров. Все мы были хороши, но были среди нас и такие, кому воспитательно-трудовая колония может, и помогла бы. Как знать, как сложилась, чья судьба? Чтобы потом не ходить на «взросляк», был еще один рецепт - срочная служба в Вооруженных Силах. Спасибо командиру роты. Иначе - нары. Нары, конечно же, круче, хотя может и справедливей. Об этом надо интересоваться у потерпевших. О нарах пусть расскажут, кто разбирается лучше, я же расскажу о своих друзьях. О панаах, у которых были мама, иногда мама и папа, и с которыми, я проходил школу жизни у капитана третьего ранга Грибкова Леонида Афанасьевича. О тех, с кем я дошел до заветного рубежа. В училище на должность командира роты Леонид Афанасьевич пришел в звании капитан-лейтенанта и, ходили слухи, рассчитывал он на преподавательскую работу на цикле ВМП, место, которое занял другой офицер- специалист по организации корабельной службы.

Не создай себе кумира, но если и были люди достойные чтобы их называли живой легендой , то именно таким и был Леонид Афанасьевич. Невысокое воинское звание нашего командира было связано с его повторным восхождением по ка-

рьерной лестнице. В злополучном тридцать седьмом отца командира - морского офицера, расстреляли. «Хороший человек» позарился на его коллекцию орденов и медалей. Напрасно - орденов и медалей он не получил. Коллекционирование правительственные наград и нумизматика была семейной традицией Грибковых. Потрясающая коллекция была у командира. Я ее видел. Особенно понравился нагрудный знак выпускника школы военных прапорщиков времен империалистической. Такой нагрудный знак я видел на фотографии деда. Война Леонида Афанасьевича застала курсантом одного из Ленинградских военно-морских училищ. За самоволку курсант Грибков, с учетом отягченной биографии, для отбытия наказания по решению трибунала, был отправлен в штрафную роту. Отвоевав свое, и завершив учебу, командир с блестящим продвижением по службе продолжил служить офицером. По глухим слухам, капитан третьего ранга Грибков, большой ценитель женской красоты, потерял экспериментальный торпедный катер на одном из черноморских пляжей в результате столкновения с ограждающим буем и дальше продолжил служить в качестве специалиста-минера уже в звании старшего лейтенанта. Повторно выслужив звание капитан-лейтенанта, Леонид Афанасьевич с контузией и со старыми ранами получил назначение в училище на преподавательскую работу, а попал к нам командиром роты. Вот такие падают с неба камни.

Вывел нас Леонид Афанасьевич к пятому курсу и после очередного конфликта с организационно-строевым отделом вышел в отставку. К слову сказать, наш следующий командир роты выдержал в этой должности примерно часа три. Ровно столько, сколько понадобилось пройти из ОРСО в расположение пятого курса, ознакомиться с личным составом и вернуться в ОРСО. В расположение четвертого курса роты он решил не заходить - впечатлений хватило. Вот и все, а Леонид Афанасьевич командовал злополучной ротой больше трех лет. Надо сразу сказать, очень командир не рекомендовал после выпуска

идти в кадры ВМФ. Но об этом позже. Что такое дедовщина, мне кажется, мы и не знали. Но, вот активное нежелание старших подчиняться воле младших, даже по приказу командира, мне знакомо. Как я уже объяснял, в состав нашей роты на втором курсе входили четыре учебные группы - две группы нашего курса и две группы курсом младше. И это создало для нашего бедного командира роты проблему на ровном месте. При первом же совместном переходе роты из экипажа в учебный корпус роту повел ротный старшина Афонькин. Так случилось, что в первой шеренге по стечению обстоятельств у нас известные строевики, сыновья больших людей, либо люди с большим личным авторитетом. Люди очень высокого роста вообще имеют особое представление обо всем, о собственном достоинстве тоже. А посему, на виду у первокурсников шагали через пень колоду. Это притом, что салаги были на карантине, и только приобщались к началам суровой училищной дисциплины. Командир сделал замечание старшине и потребовал привести роту к порядку. Рота, однако, причин не помню, взбесилась и старшине не вняла, тогда командир приказал Афонькину встать в строй, а роту повести первокурснику Дубову, назначенному старшиной первого курса. Человеку непосвященному в секреты командно-административной иерархии трудно себе представить, что при этом произошло. Бедный Дубов, что он только не делал, чтобы привести роту к порядку. Думаю, он бедолага, и представить не мог, как много нового узнает о себе от людей, которые видят то его впервые. Уже темнело, и узнать от кого исходят нелестные эпитеты, было невозможно. Наверное, грешу против истины, но думаю, приложил к этому руку и сам Афонькин. Без крайней необходимости, в общем строю, рота под управлением Дубова, больше не ходила. А следует иметь в виду, что речь идет о Дубове, о котором у сокурсников сохранились самые теплые воспоминания. Это притом, что в нашей мореходке существовала стародавняя традиция на выпускном балу поколотить старшину роты.

Вообще то, говоря о дедовщине и написав эти строки, я сейчас не очень уверен в своей правоте. Где-то на втором или на третьем курсе стало доходить до нас, что у первокурсников одной из рот старшины заставляют курсантов стирать свои носки, гюйсы и тельняшки. Велико было желание разобраться, но дело было после очередного залета и ребята поумнее сказали, что проблема утряслась без вмешательства со стороны, чем и погасили скандал. А вообще очень хотелось бы знать поименно быков этих, решившихся на привилегии Юпитера! Ребята напишите фамилии этих аристократов! Чтобы нынешней дряни неповадно было.

На строевых занятиях нас ставят в известность, что в парадных расчетах мы теперь будем по двенадцать в шеренгах. Кавалеристы по трое, пехота по восемь, а мы по двенадцать. Так-то поручик, по двенадцать, а не по восемь.

- Товарищи курсанты! В связи с изменениями в парадных расчетах у нас теперь учебными планами предусматривается дополнительное время для строевых занятий. Да курсант Масленков, по восемь это в мореходном училище рыбной промышленности, и цыплят по осени по восемь, а наше училище пойдет в шеренгах по двенадцать. Шесть коробок по двенадцать шеренг.

Наши любимые строевые занятия возобновились с новой силой. Зеваки толпами ходят в комсомольский парк, который училищем используется в качестве плаца. Носки истираются до дыр за неделю.

Вообще-то в мореходке, кроме строевых занятий, селекции и вивисекции, нас пытаются воспитывать и другими методами. Вот недавно повторно читали лекции о правилах поведения за границей, объяснили, что не стоит за рубежом надевать шапку-ушанку с кожаным или тряпичным верхом и пользоваться авоськой. Про шапку я не знал и вообще думал, что там тепло, а авоськой, я думал, и дома пользоваться ни к чему.

А еще с регулярностью достойной лучшего применения,

нам рассказывают о разных нехороших болезнях. В народе эти лекции подкрепляются знаниями из повседневной жизни. Вот в год нашего поступления рота механиков в полном составе за ночь схлопотала триппер. Говорят, в деле были и радисты, но их господь миловал. Бывает же такое! Может, преувеличивают? В этой связи поминали Маму Лору. Интересно, нет ли чего про нее в музее училища? Было бы поучительно для подрастающего поколения.

А еще нам рассказывают о происках вероятного противника, провокациях и диссидентах. Что касается противника, то с ним у нас все в порядке. Военно-морская подготовка на уровне, что же касается диссидентов, то мы от всего этого далеки. Правда, ходил, как то с разрешения старшины роты на междугородний переговорный пункт поговорить по телефону с мамой, так какой-то сумасшедший приставал с арией князя Игоря

- О, дайте, дайте мне свободу!-

И еще чего-то говорил, но я не запоминал. Слава богу, нашлись добрые люди, которые отвадили умника от курсанта. Так что идеологическому противнику проверить уровень моей политической сознательности не представилось возможным. Уполномоченным на то лицам - тоже. Проверять на вшивость пытались и позже, однако, ничего не получилось, я уже окончил мореходку, а значит, был я к этому времени мыт в хлорке и семи щелоках. Когда придет время обучаться, как найти, откуда ноги растут, я уже сам мог кой чего рассказать своим новым преподавателям.

Между тем в училище ведется ежегодная подготовка к всенародному празднику на этот раз посвященному Октябрьской революции. Ежедневные строевые занятия. Оказывается, есть среди нас ребята, которым приходится посложнее, чем мне. Во всяком случае, народу укомплектовать праздничный наряд достаточно. Надо же такой записной козмет как я, и в списках праздничного наряда не попал. Что-то в жизни меняется, хочется верить, что к лучшему. Вчера нас увольняли в город.

В связи с тем, что в нашей роте два взвода первокурсников которые идут в увольнение впервые, инструктировал сам начальник специальности. Михаил Александрович был краток, но внятен. Да оно и понятно, после неудачного увольнения в город Миканит в свое время лишился морской карьеры. Утверждают после самоволки вызывали к начальнику училища, так он прежде чем войти в кабинет башмаки почистил болонкой секретарши. Болонка таки и пожаловалась. Не то хозяйке, не то начальнику. Инженер-электромеханик Михаил Александрович ходил после выпуска электромехаником на судах с деревянными переборками. Дальнейшие объяснение излишни. Через год после нашего выпуска Михаил Александрович прибыл следом за нами в Измаил. Электромеханик как электромеханик. Заслуженный.

- Товарищи курсанты, вы увольняетесь в город. Прошу вас имейте в виду, что, проснувшись под столом неловкость, испытываешь только в первый раз.

Потом к этому быстро привыкаешь. Сначала ничего менять не хочется, а потом поздно. Будьте благоразумны!-

Мы, Михаил Александрович, историю Вашу помним, повторять ее не будем. Мы постараемся быть разумными, но ведь это так сложно!

Накануне праздника в мореходке танцевальный вечер, много девчонок. Кажется, на втором курсе я им нравлюсь больше. Однако, это мои сыновья будут обучаться бальным танцам, игре на гитаре, карате и прочим премудростям светской жизни. У меня с этим проблемы. Меня, кажется, приглашают танцевать. Метелка какая-то. Ну да, конечно же, танцую. Если только это так называется. Мне предлагают курсы бальных танцев в соседнем институте. Счас! Оно мне надо, да известно ли Вам, что у меня лошадь зеленого цвета. И утюга мне тоже не нужно. У меня будет не такая. У меня будет самая длинноногая королева стюардесс. Блондинка. Я стану электромехаником на самом большом и белоснежном лайнере, у меня будет черный

лимузин и самая красивая в мире девчонка. Может быть, это будет Таня Никитина.

Теперь, уже когда у коньяка не тот вкус, а о осетрина уже не так и пахнет, я не совсем уверен в своей непогрешимости в отношении девчонок. Простите меня девчонки. Это мама все виновата.

С утра праздничный завтрак - плавленый сырок и кофе с молоком. Рота - в общеучилищную колонну и на парад. Все как обычно. Училище выведено к торжественному прохождению в парадных расчетах перед трибуной с областной партийно-хозяйственным руководством области или как сами себя они скромно считали «профессиональными революционерами». Погода довольно прохладная. Для утех пролетариата, кругом ларьки с горячительным и непрятательными закусками. Для сугреву принимаем по стакашке «били мицне» и я начинаю нудить, чтобы старшина взвода разрешил уехать домой, поскольку я в праздничных нарядах не задействован, а выходных целых четыре дня. Следовало бы обратиться накануне, да не решился. Трудно себе представить, но моя просьба встречает полное понимание. Вася Золкин ведет меня к ротному старшине с предложением отпустить меня сразу после парада. Афонькин не возражает и ведет меня к командиру роты. Грибков не возражает. Интересно он в курсе моих прошлогодних первомайских приключений? Теряюсь в догадках. Но, что это? Что? Я не верю ни глазам своим, ни ушам. Афонькин велит мне исчезнуть, раствориться или смыться немедленно, до парада. Вот так вот салаги, учитесь! Учитесь хорошо, и может вам это тоже, когда-нибудь поможет. Скатертью мне дорога и еду я домой. В жизни, все-таки, что-то потихоньку меняется.

Приходит зима, холодно. Это просто удивительно как холодно. Особенно в экипаже. Холод волчий, зря, что юг. После отбоя, по ночам мы сбегаем во второй учебный корпус выполнять задания по черчению. У меня опять появились сомнения в возможности благополучного окончания училища. Часов до

двуих ночи чертим, потом спать. Спать ложимся у батарей. У меня все ноги в шрамах от ожогов. Наверно, Сергей Павлович меня, чему-то все-таки научил, только вот у меня все равно в памяти осталось, что ни одного чертежа я самостоятельно не выполнил. Коров мне пасти надо было бы. Меньше было бы в жизни разочарований. И у меня и у людей.

Только, дорогой читатель, не надо верить всем тем, кто будет утверждать, что он был в мореходке особенно крутым чертежником. Просто я был не лучше других. Может хуже, но не особенно. Иначе меня отчислили бы обязательно, потому, что прав на привилегии у меня меньше, чем у кого-либо. У меня, их просто нет. Это - в качестве бесплатного приложения к происхождению.

Удивил всех Юрка Ермоленко из числа новобранцев. Чтобы не спать у окна и не мерзнуть, он устроил себе гнездо на платяном шкафу. Такой вот Карлсон, который на крыше. Не знаю, тепло ли ему там было, но зиму переждать ему там не дали. Нет больше Юрки. Пацаны, кто помнит эту историю, напишите. Интересно, сейчас в экипаже тоже так холодно? Ребята утепляйте окна, нас, кажется, этому не учили.

Казарма кругом казарма, и развлечения казарменные. Возвратился из самоволки Сашка Лучинкин и похоже не так чтобы очень даже трезвый, потому что захрапел он ночью, так публика вынесла спящего Сашу вместе с кроватью спать в умывальник. Ведь и не проснулся. Все бы обошлось, но были в роте нашей роте спортсмены и среди них фанат от спорта Саша Корнейчук. Надо же было случиться такому, что именно в эту ночь дневальным по роте стоял Саша. Спортсмен спортсменом. У него утром пробежка по расписанию между 5.30 и 6.30. До подъема. Подумаешь наряд! А нужно сказать, что воду по ночам на верхние этажи экипажа не подавали. Слесаря насос отключали в целях экономии электроэнергии. Вот и вошло в привычку, поднимется кто-нибудь попить воды, кран откроет а закрыть и в голову никому и не придет. В злополучную эту

ночь тоже все идет обычным порядком. Краны пооткрывали, воды - нет, так сердешные попить кто где , а закрыть краны никому и в голову не пришло. Утром Саша вахту бросил и на пробежку. Вахтенный по КПП, тем временем как велено с вечера, включил насос, подъем ведь скоро. Пока Саша бегал, вода из кранов залила умывальник, коридор, добралась до трапа и просочившись через межэтажное перекрытие залила соседей снизу. Долго Саша бегал. Этажом ниже к подъему оказался командир роты, профессиональный борец с водоопасностью. Капитан третьего ранга Алесеев смекнул быстро в чем дело и не жалея начищенных штиблет сразу в умывальник, а там посреди озера кровать с Сашей Лучинкиным, который спит сном невинного младенца. Проснулся Саша от крика потерявшего самообладание Алексеева. На вопрос, почему кровать в умывальнике Саша взяточно не ответил, да и Алексеев вопросами донимать его не стал. Чем закончилась история для Саши Корнейчука не помню. Наверно как обычно. Пятью нарядами вне очереди. Ничего, отстоял, до выпуска дошли вместе.

Нам категорически запрещено пользоваться электронагревательными приборами любыми, в том числе и фабричного изготовления. Пользоваться электрогрелками запрещается под страхом отчисления из училища. По роте гуляет «козел». Мы тайком греемся. Я стою на службе дневальным по роте, рота ушла на занятия, и я решил, что командир в учебном корпусе и в расположение роты не придет. Я попался. Командир выбросил «козла» в окно. Какие слова говорил командир, что я говорил в ответ, я не помню. Но попался я конкретно. Любимцем я не был. Мне кажется, что у командира любимчиков вообще не было. Просто он был человек. Теперь мне кажется, он нас любил, а мы над ним издевались. Но об этом потом. Я ведь попался еще один раз, когда слушал «Голос Америки». И еще один раз, когда варил картофель- кушать очень хотелось. Потом еще.. и потом еще....Судьба хранила, гагауз. А может командир? Для каких таких дел? Может быть для того, дорогой читатель,

чтобы я рассказал о своем командире и своих друзьях, которых уж больше нет? Клянусь, я это сделаю. А «козла» я спас и им продолжали пользоваться, только не я.

Сдаем зимнюю сессию, и я еду в зимний отпуск. Стоит призадуматься – я и в отпуск! Много, брат Горацио, такого в мире есть, что непонятно нашим мудрецам! Мало того, теперь я буду ездить в отпуск каждый раз, когда это будут делать и другие, а еще и тогда, когда мне очень сильно захочется. Учусь я, правда, кроме честно описанных мной моментов, совсем неплохо. Даже очень неплохо. Но причина вовсе не в этом. Я учусь жить.

Но отпуск, как и все хорошее быстро заканчивается. Опять учеба. На военно-морской подготовке нам преподают курс минно-торпедного оружия. Предмет читает капитан третьего ранга Анисимов, широко известный в курсантских кругах как «Сахарная рвушка» или «Прибор срочности» по аналогии с элементами преподаваемого им минного оружия. Staff Captain напомнил, что за абрис была у Анисимова более известная кличка-Груша. Наш Вова Овсянichenko на него здорово походил очертаниями корпуса и манерой поведения. Солидный такой русский дядька, как оказалось, невероятно доброжелательный. И очень странным кажется мне как-то такое отношение со стороны офицера к курсанту. Я ему в перерыве задаю вопрос, а он отвечает. Я ему второй - он опять отвечает. Он со мной разговаривает за жизнь, и разговаривает как с будущим офицером. Мужик, оказывается, служил на кораблях командиром БЧ-5. Для пехоты объясняю, командир БЧ-5 на корабле - это главный инженер, на судах других ведомств эта должность называется старший или главный механик. И этот мужик разговаривает с курсантом как с равным. Я изумлен и не случайно. А причина тому, кроме бытовавших в среде нашей нравов, вот какая. Вернулись механики, которые оставились триппером, со стажировкой, которую проходили на тральщиках военно-морского флота. И узнали мы от них, что в машинном

отделении тральщиков якобы отсутствуют средства индивидуального спасения, то есть спасательные жилеты. Мы промеж собой оживленно обсуждаем эту тему. Странным нам это кажется. Вроде бы не так должно быть. Мы понимаем международные конвенции одно, а военно-морской флот совсем из другой песни, тем не менее. Согласно военно-морской доктрине, на момент описываемых событий, суда министерства морского флота рассматривались как составная часть военно-морского флота. Для специалиста в вопросах боевого применения - момент очень существенный. И мы в этот вопрос в общих чертах уже посвящены. Так вот, значитца, господа, на судах торгового флота в центральном посту управления имеется полный комплект индивидуальных спасательных средств для вахтенной службы машинного отделения. Из этого, не следует ли, что на случай, так называемого особого периода, эти спасательные средства подлежат изъятию.

Мысль эта ввергает в изумление своей оригинальностью, то есть на наш взгляд безумием. А может быть наоборот - глубокомыслием. Это как поглядеть. Один, из особо знающих предположил, что борьба за живучесть корабля ведется до последнего, в связи, с чем машинной команде средства спасения и не понадобятся. Идти нам на дно вместе с кораблем. И вот с этим вопросом я обратился к одному из офицеров, фамилию его называть не буду, назовем его специалистом по организации корабельной службы. Рассказывал о себе он много, в том числе, что после института собирался на китобои, но ждать флотилию долго, а тут подвернулось местечко на ВМФ, и оказался он на преподавательской работе. Сомнительно все это мне, как аналитику со стажем.

Мы тогда еще плохо понимали, что такое кодекс торгового мореплавания, международные конвенции, рабочий диплом и прочие премудрости, без чего на китобоях да и на иных судах дальнего плавания делать нечего. Про военные корабли и вспомогательные суда ВМФ ничего не скажу. Не знаю, либо

нам не рассказывали, либо -запамятовал. Рабочих дипломов у них вроде, как и сейчас нет. Нет получить рабочий диплом они могут. Иногда – но только по согласованию больших начальников - представителей заинтересованных сторон, так это называется в соответствии с законодательством, Специалисты ВМФ именно так получают эти самые рабочие дипломы. Но нечасто. И не потому, что дела не знают. Просто ВМФ очень боится, что утекут парни на суда загранплавания, где жизнь совсем по другому распорядку. Это знают все. А про китобоев я знаю точно. Все у китобоев в строгом соответствии с Кодексом торгового мореплавания. Ну и спрашиваю я недоумок у спеца этого, правда ли, что на тральщиках в машинном отделении отсутствуют спасательные жилеты. В ответ я увидел в глазах столько ненависти, что счел за благо спешно удалиться. Спец, наверно, решил, что я проверяю его компетентность. Ничего я не проверял, а ответа на этот вопрос не знаю и поныне. Вот вспомнил по слухам. Напишите, ребята, кто знает.

Проходит зима. Нам глупым и невдомек, что это наша последняя курсантская весна в этом замечательном городе, потому, что на третьем и четвертом курсе весной мы будем в морях и по-преимуществу в других странах. Мы будем там, где нас не ждут. Там где к нам никто и никогда не будет рад, так как народ в этом городе. Таков был наш город, такой была наша мореходка, и возможно таким было все только в наше время. Нас любили. Но поймем мы это потом, когда поздно будет уже все.

Да мы и без всякого особенного такого понимания стараемся ничего не упустить и не потерять, потому, что хоть и инстинктивно, но чувствуем, поезд тронулся и перрон уж не вернуть.

Накануне международного женского праздника заваливаюсь в лазарет, предпраздничная эпидемия, болею и я. Наш ангел-хранитель Анна Сергеевна, выписывает меня из санчасти самым удачным образом, так, что я на целых два дня сматываюсь домой. С тех пор и сохранилась у меня единственная

фотография, на которой я с мамой. Я на ней большой, толстый и счастливый. Удружила одноклассник – Илья Голбан.

Заезжал в мореходку после выпуска. Специально к Анне Сергеевне, еще один раз сказать спасибо. Обрадовалась как родному сыну.

А весна вступает в свои права. Кажется, даже старорежимные офицеры не так свирепеют. В парках кругом девчонки. Наши перемещения по городу привязаны к этим паркам.

Из доступных источников я сорганизовал восемнадцать рублей на покупку курсантских суконных брюк. Всего нам на весь период обучения положено две пары суконных форменных штанов. К концу срока носки штаны приобретают весьма неприглядный вид. Помятуя об этом, нас заставляют все больше ходить в хлопчатобумажной рабочей форме, которую выдают ежегодно. Но она нам не очень нравится. Она нам не нравится вовсе.

Мы хотим ходить в форме, в которой нравимся местным девчонкам. И мы ухитряемся. Сэкономил я на пирожных, а может вовсе и не на пирожных, но деньги, которые мне прислала мама, купил себе я штаны. И за пять рублей, со стипендии перешел я эти брюки у тети Моти, что жила у церкви. То ли тетя Мотя была не той квалификации, то ли я был излишне привередлив, но пришлось брюки мне перешивать по-новой. Перешивал мой неразлучный дружок Володя Ткаченко или по-просту Вовка Рыжий. Вовка штаны мне сковал, будь здоров, клеша на тридцать семь сантиметров. Так я себе нравился в этих штанах – полный атас! Что там Ален Делон! Подумаешь какой-то цыган из Парижа, у нас таких в Комратецыган этих море. Спросите у Толика Головченко, тот знает. Красавец я был писанный. Но недолго. Правда, сейчас в своей неотразимости я уже совсем не уверен.

Все хорошее мимолетно, к концу второго курса я это уже понимал. Достаточно было в этих штанах прибыть на построение в первый учебный корпус, чтобы убедиться в этом еще

один раз... А, что делать, других то штанов, путных, не было. На построении оказалось, что штаны неуставные не только у меня, и пришлось мне, с учетом роста и по причине недостаточности авторитета, стать в первую шеренгу, где меня и выловил начальник ОРСО капитан третьего ранга Матвиенко. Оказывается, он долго ко мне присматривается. А ведь начальником ОРСО стал только-только. Какой глазастый. Мне уже объясняли, что я дрянь. Я и не спорю. Вот только не попадался до сих пор по крупному. И капитан третьего ранга говорит, что где-то, про меня он слыхал, и вообще. А теперь я попался и навсегда, до последнего дня пребывания в училище. Это он точно подметил. Но он постарается, чтобы я долго не мучился. А вот это, товарищ капитан третьего ранга, мы посмотрим.

И приказал мне начальник ОРСО прибыть на следующий день для экзекуции и иметь при себе эти самые злополучные штаны. Я пришел, принес и порвал на глазах всего построенного училища. Такая вот гражданская казнь. Только показалось мне, что капитану третьего ранга Матвиенко когда-то пришлось самому пройти через эту же процедуру. Уж очень квалифицированные давал указания. Кто учился в нашей мореходке, как это делается, уже не позабудет никогда. Пусть расскажут другие. Такая вот уходящая натура. Только товарищ капитан третьего ранга, напрасно Вы полагали, что Ваша взяла. Денег на новые штаны у меня конечно не было. Так ведь и штанов то Вы мне тоже не выдали – даже б/у. Зато штаны Вы рвали с регулярностью восходов и закатов. И отпуска лишили меня Вы не догадались. Так, что сковал мне Вовка Рыжий из штанин порванных Вами штанов новые, и я успешно уехал в отпуск. С тремя нашивками под красным флагом на левом локте. Вот так вот. Только не перед кем было мне в штанах этих выделяться. Тут Вы меня уели. Зато я знаю, кто Вам въехал в глаз. Помните Вы ходили по ротам и кого-то искали? Говорят, у Вас фонарь был под глазом. Вот только фонаря я не помню, да и злорадствовать не стал бы. Мама не учила. Я бы

посочувствовал. Я вообще в мореходку пришел воспитанным мальчиком, только до всего охочим и любопытным. О том, что любопытство может быть занятием постыдным, я понял быстро. Извините, в школе не рассказывали, а рассказам мамы я доверял не очень. И звезд, когда пришло время, на погонах у меня случилось многое больше чем у Вас. Какой-то аноним предлагает ваше имя увековечить на стене Британского музея. Отговорите безумца. Тут пацаны скидываются на танк. Снесут к чертовой матери Британский музей с лица земли. Чревато международным конфликтом.

Однако о главном. Собрались мы под крышей мореходки для обучения, в общем-то, случайно выбранным специальностям. И не надо спорить. Если кто и имел хоть какое то представление об электротехнике, так это Коля Выдриган, который на радость красавице сестре собирал дома транзисторные приемники. А так может, кому и доверяли дома лампочку вкрутить, так это чаще тем, у кого отца или старшего брата не было.

Что и говорить, в какой только ипостаси в этой жизни мне не пришлось выступать – от полотера в ресторане до прокурора в судебном процессе. Так проходит «глория мунди». Так и мы в последствии разойдемся по жизни, как бутылка водки на троих. Бесследно.

Однако, сейчас, мы вплотную приступаем к изучению общетехнических наук, которые должны помочь нам в последующем освоить специальные знания нашей будущей профессиональной деятельности. Наряду с общеобразовательными предметами мы проходим техническую механику – это теория механики, сопромат и детали машин, теоретические основы электротехники и многое другого без чего оказывается судовому электромеханику просто никуда. По ночам под хриплый голос Высоцкого я рассчитываю шестеренчатые передачи редукторов для сокурсников, а мне где-то кем-то изготавливаются чертежи. У преподавателя по технической механике Донцова я в авторитете. Приближается время весенней экзаменацион-

ной сессии и предлагает мне преподаватель в числе первых, досрочно, защитить курсовой проект. Я бы рад досрочно, да никак. Не успеваю я рассчитать собственный проект, да и соответственно нет чертежей, конструктивные размеры ведь не посчитаны.

Я могу только в последний день, заболела двоюродная бабушка моей тети, что живет в Жмеринке, откуда Донцов ведет свою родословную.

- Ну да ладно, заболела, так заболела, я жду Вас во вторник.

Но вот опять незадача- подходит ко мне малознакомый парень с судоводительской специальности из группы дунайцев, а дунайцы, прошу внять четко, для меня как родственники, потому, что Дунай - это моя родина, Дунай - моя религия. Как Босфор и Дарданеллы - мы туда еще вернемся. На танках, когда придет время. Где то в Комрате родственники на память обо мне, а может на какой другой случай, и сегодня хранят лоцию и карты Дуная.

А теперь курсанту Малюте нужно, чтобы я во вторник, то есть послезавтра, в день сдачи курсовых работ по деталям машин, пошел вместо него экзамен по судовой электротехнике и судовому электрооборудованию. Ни много, ни мало, а всего лишь....милый пустячок. Он слыхал, что я могу и, вообще, на меня можно положиться. Это ничего, что программы не совпадают и ничего не значит, что у нас даже предмета такого нет-судовое электрооборудование .Ему всего-то надо три шара. Три шара и все. Иначе труба. Это ничего, что я и преподавателя в глаза не видел. Преподаватель - старый маразматик уволенный по старости лет на пенсию из какой-то военно-воздушной академии, в лицо никого и не помнит. И вообще зубов бояться – не целоваться! Отговаривали меня ребята...все и хором. Опять не помогло. Своих на войне русские не бросают, гагаузы - тоже. Вообще то, я заглянул в учебник, волосы на голове шевелятся. Я больше половины, кажется, и не понимаю вовсе, о чем там!.

- Товарищ, преподаватель, курсант Малюта, для сдачи эк-

замена по электротехнике и судовому электрооборудованию прибыл!

- Ну, что же молодой человек, Малюта, так Малюта! Да-вайте Вашу зачетку.

- Товарищ преподаватель..... я так готовился к экза-мену..... всю ночь. Зачетку забыл в экипаже.

- Вот как, ну и ладно.... Берите билет....потом побегают за мной.

Интересный мужик! Вытягиваю билет. Иду готовиться, на первом этапе, кажется, пронесло. Только что у мужика в голове? Изучаю билет. Как и следовало ожидать, первый вопрос знаю, второй – почти знаю, а в третьем говорится о вещах, о которых я пока и слыхом не слыхивал. Не должен электрик на втором курсе знать так много как штурман. Штурмана, они умные, зря в народе их называют дворниками с дипломами, да рогатыми. Сижу, потею от страха. Однако шпаргалок в аудитории хватает. Малюта старается. Спешно изучаю способы регулирования скорости асинхронных электрических двигателей переменного тока. Такая вот популяризация науки.

- Ставлю я Вам молодой человек, четыре бала и в основном за то, что вы быстро освоились с третьим вопросом билета.

Вот так вот. А вы - старый маразматик. Старый авиатор видел вас всех... да видно не всем понять.

Не сдавайте ребята без крайней нужды экзамены за малознакомых людей. Разве, только в этом будет крайняя необходимость. В многокастовой Индии, не приведи господь, даже из лучших побуждений, выполнить чужую работу. Лицо потеряешь навсегда, и относиться к тебе будут как рабу.

Встречал я Малюту в Измаиле - едва признал

- Ерунда не экзамен. Все сдали, сдал бы и я. Трудов не стоило. Вполне уверен троек получил бы точно, а то и четверку.-

Кто бы сомневался, говорила одна знакомая, было бы желание. Постараемся быть честными, о пятерке Малюта не занимался, а то глядишь, пришлось бы задуматься о компенсациях

за причиненный вред.

- Ну, будь здоров, капитан Малюта.

Кто встретит, приветы передавайте.

Такие брат, Данайцы, дары приносящие. А у меня в кармане не было и пяти копеек на квас. Я, правда, об этом ему не говорил. А разве надо было?

Сдавал я экзамены за других товарищей и позже, было дело, диплом готовил и диссертацию к защите, но с таким дунайцем больше не встречался.

Однако у меня проблема техническая механика, а не электротехника и судовое электрооборудование. На защиту курсового проекта я опоздал, Донцов меня не дождался и очень даже обиделся за тетю из Жмеринки, у которой заболела бабушка. С курсовым проектом для защиты он велел мне приступить на экзамен.

И там он мне устроил ЭКЗАМЕН.

И сидим мы, значитца, на экзамене, как мыши. За последним столом я только, что как сумел, защитил курсовой проект. Чертежи, оказывается, нестыкуются с расчетами. Я только догадываться могу, кто какой лист чертил, так ведь надо было самому чертить. Подписывал-то чертежи Вовка Рыжий. Не проверял, а я тоже не проверил. Спина мокрая. Следующий раз я так пропотею после длительного допроса в областном КГБ. Но об этом позже, если дело дойдет.

Таки сидим мы на экзамене. Разочаровал я Донцова до нельзя. Поставил он мне за проект три шара. Следующий раз я так сильно разочарую только преподавателя в Вышке на защите курсового проекта по теории машин и механизмов. Надо заметить, по тем же основаниям.

За первым столом сидит Ваня Андрианов из Севастополя. Вензель активно «изучает» шпаргалку. Отвлекшийся от труда по расправе надо мной, Донцов устремляется к Ваньке. Надо иметь виду, что Ваня, несмотря на щуплую внешность, обладал недюжинным воистину могучим характером русского

мужика. Пути наши разошлись, но сдается мне, что Ваня в жизни никого не подводил. Донцов полетел в направлении Вани с ревом американского «фантома» над джунглями Вьетнама. Ваня, между тем, прячет шпору за пазуху. Налетевший сзади Донцов пытается эту шпору отнять - вешдок дающий право удалить курсанта с экзамена и больше никогда, как автору, так и пользователю шпоры, выше двух баллов не ставить. Похоже, Донцов в отношении Ваньки свой вердикт уже вынес, и судьба Вани решена. Между тем щуплый Ваня под ураганным напором Донцова, сгруппировавшись, как оно и должно быть при прыжках со сверхмалых высот, падает вместе со стулом на пол. Донцов, в строгом соответствии с преподаваемыми им науками, по инерции – сверху... Донцов - отнять шпору, Ваня - спасти честь и свободу! При всей очевидности исхода, поединок обещает быть захватывающим. Но на горизонте появляются новые действующие лица. Открывается дверь в класс входит наша англичанка и по совместительству наша классная Дама-Дина Михайловна. Дина, вообще тетка ничего. Правда, ребята постарше говорят, что никакая она вовсе и не тетка! И вообще Коля Выдриган утверждает, что про бюст Дины по училищу легенды ходят. Подумаешь, бюст как бюст. Ничего особенного я лично за годы учебы заметить не успел. Да и не слыхал ничего. Скажут же люди. Или до меня не доводили?

Так вот Дина в полной растерянности. Похоже, она не в состоянии решить, на чьей стороне выступить. Корпоративные чувства с одной стороны призывают вступиться за преподавателя Донцова и наступить каблучком Ване на ладошку, а с другой стороны преподаватель Донцов ей совсем не ближе, чем «родной» Ваня из подшефной группы.

Да, и остальные вроде не вмешиваются, и чинить расправу над Донцовым не спешат. Призадумавшись тут. В конце концов, Донцов проявляет благородство и отпускает Ваню. Однако Ваню с экзамена удаляют, и я Ваню в училище больше не помню. Ваня, привет! Откликнись, если помнишь Витьку

Драна!

Сижу я и при таких вот экстремальных обстоятельствах и пытаюсь решить задачу про груженный железнодорожный состав, движущийся, под влиянием не помню каких, теперь уже, сил равноускоренно. А был я, между тем, у Донцова за лучшего теоретического механика группы. Считаю я второй час. Так долго никто не выдерживал. Люди ломались, вставали и уходили. Донцов в недоумении, почему я не могу решить задачку, вовсе, на его взгляд даже и не сложную. И я ее решаю, решаю, может быть, в седьмой раз. Да я давно уже поднялся бы и подошел к столу. Но получаемые результаты сводят меня с ума. У меня седьмой раз подряд, не считая случаи, когда я допускал математические ошибки, локомотив развивает скорость равную крейсерской скорости «Боинга».

- В чем дело, товарищ курсант, у Вас опять проблемы с тетей из Збурьевки?

Как бы то ни было, Донцов совсем не без юмора. Вот мы только часто были неправы трепля ему нервы.

- Товарищ преподаватель у меня на десятой минуте движения груженный железнодорожный состав обгоняет авиалайнер, движение-то равноускоренное!

- Как жаль товарищ курсант, что думать то Вас я так и не научил. А Вам самому в голову не приходило, что ускорение может быть отрицательным и тогда на третьей минуте, Ваш локомотив остановится. Разочаровали Вы меня Гринько, а какой был подающий надежды курсант!

Поставил мне Донцов в память о том, что учился я у него четверку. Разочаровал я его. Я потом еще много раз разочаровывал своих преподавателей. Пусть они простят меня за это. Я всегда говорил, что потомок кочевников должен заниматься скотоводством или, по крайней мере «казакуваты». А меня куда понесло? Ну да, конечно, как же, здесь ведь на вступительных экзаменах не было тестирования по физической подготовке, да и харчи пусть поганые, да бесплатные. Эти критерии отбора

привлекли в училище не только меня, а и других куда более способных и даже талантливых пацанов.

Но мы училище помним, свято память о нем чтим и ему благодарны. Не спрашивайте за, что - не ответим. За то самое.

На дворе лето. Город в белых голанках и платьица девушки не длинней курсантских тельняшек. Девушки, правда, по-прежнему, предпочитают старшекурсников. Но мы тоже не промах. Правда, вот Бонифатий дал маxу. Молчал бы, что ли. Отправили Колю на вахту дневальным по первому учебному корпусу. Коля, однако, несмотря на то, что покойный папа генерал, а два старших брата герои войны, интерес к службе проявлял не больше нас грешных. Так если бы проявлял, остался бы в Суворовском. Поступал он туда. И поступил. Вместе с братом-близнецом Сашей, однако, почти сразу учебу оставил и вернулся домой к маме с папой. А уже после школы, в силу стесненных жизненных обстоятельств к нам. А Саша Суворовское закончил, но следом за Колей тоже к нам, только на радиотехническую специальность. Так вот сидит Коля в наряде дремлет. Воскресенье, на улице уже смеркается, все с девушками, а Коля горемычный в наряде. Да у Коли и девушки нет, особенно и печалиться, причин нет. Скучно, так что с того. Сиди себе и скучай, воду на тебе не возят...

В учебном корпусе кроме наряда никого. Дежурный офицер в экипаже. Помощник дежурного рядом, с кем-то хихикает по телефону. Коле не до помдежа, помдежу не до дневального. Хотя нет. Отрывается помдеж от телефонной трубки и с таким видом, как будто Коля был участником состоявшегося разговора, говорит, вот, салага, ты уже почти на третьем курсе и задание тебе соответствующее. Женщина ключ забыла от входной двери, ждет она тебя по адресу у подъезда и зовут ее Лорой. Придешь, она покажет тебе окно, поднимешься по водосточной трубе на второй этаж, ключ лежит на прикроватной тумбочке. Откроешь дверь изнутри, впустишь хозяйку. И долго не задерживайся.

- Есть не задерживаться!

Выбор невелик, если точнее выбора просто нет. Пришел Коля по указанному адресу. Встретила его женщина, вся чуть не плачет. В глазах воплощение надежды. Надо же такое, дверь захлопнулась, а ключ остался в квартире. Показала она Коле окошко свое, и полез Коля по водосточной трубе. Не приходилось раньше, хорошо этаж второй не пятый. Добрался Коля к окошку, попал как мог в комнату, ключ нашел и дверь открыл. Радостная Лора с многообещающим взглядом Коле - Чую?

Какой тут чай, на вахту надо! Кремень человек, а может, смалодушничал, думаем мы. Мы бы ой как не так справились с заданием.

Помдеж очень удивился, что Коля обернулся так быстро, похвалив Колю, отправился в экипаж, а может еще куда. Может и к Лоре, не докладывался. А Коля остался на вахте, так до смены и не заснул. А когда в третьем часу ночи пришел в экипаж, снилась ему Лора. Снится Коле как забирается он по водосточной трубе на второй этаж. А в окошке - смеющаяся Лора. Глаза большие- пребольшие и чайного цвета. Как чайные блюдца. И волосы длинные-длинные. Аж до жопы. Стоит Лора у окна и говорит, Коле посторониться, потому, что оконная рама открывается наружу. Коля никак не решается перешагнуть через подоконник и Лора исчезает в тумане вместе с командой дневального – Па-а-дьем!

Про сон Коля рассказал сорок лет спустя после тех трагических событий, вспоминая обстоятельства при которых все-таки лишился невинности.

Сдаем мы экзамены с переменным успехом, но с одним исключительно положительным моментом. В экзаменационную сессию увольнения в город, кроме как в субботу и воскресенья, после каждого экзамена. Кажется вот каждый бы день экзамены! Во, было бы!

В конце концов, сдаем мы весеннюю сессию и разъезжаемся по домам. Никто никого не тормозит. Удивительные вещи

творятся в мире! Хрен с ним, с бушлатом! У меня на левом локте под красным флагом три курсовки, а в нашем мире это значит, что я теперь иногда могу иметь собственное мнение. Пользование им, правда, в нашем курятнике, где сижу я на одной из нижних жердочек, расценивается как злоупотребление правом в гражданском законодательстве. А значит это в жизни, что право на собственное мнение ты имеешь, но до тех пор, пока старшие своего мнения не проявят, лучше помалкивай, поскольку совсем неважно на какой бочок ляжет невеста в первую брачную ночь. Удел ее известен. Правило это, прошу обратить внимание, действительно при нормальном истечении событий. Бывает и иначе. Так ведь универсальных правил, чтобы было все правильно, таки никто еще и не придумал.

Глава 3 Веселые ребята

Время идет и мы на третьем курсе. Мечта каждого салаги. Потому, что третьекурсники - это старшекурсники. И пока мы были на младших курсах - старшекурсников, начиная с третьего курса, по средам увольняли в город. Вот так вот. Первый и второй курс - на самоподготовку, а старшие курсы, у кого нет хвостов, в город, в увольнение. С нашим приходом на третий курс эта привилегия считается излишней. Увольнять по средам нас будут на четвертом курсе, если только капитан третьего ранга Грибков, по причине нашего безобразного поведения, не будет в этот день заниматься с нами строевой подготовкой. За счет занятий самоподготовкой проводить строевые занятия нельзя, а вот за счет увольнения в город - пожалуйста, хоть с песнями. Было бы желание, как говорила одна знакомая. Но это потом, в смысле увольнений и всего прочего. А в этом году, и это, я вам доложу, полная неожиданность - третий курс едет колхоз. Не знаю, и не буду утверждать как там механики, штурманы и радисты, а вот мы электрики едем точно. Все в восторге. Отбояриться никакой возможности, я в тоске. Определенно едем. Однако едем мы убирать виноград. И это как говорят в Одессе, две большие разницы, потому, что там вам совсем не тут. Мы убираем, и, как не удивительно, совсем не помидоры, и потому я укладываюсь в норму. Может быть и не всегда, но по этому поводу в свой адрес упреков я не помню. Может быть Серега Березюк, что-нибудь и сказал, но Серега известное дело - шутник большой. У него где-то дядя, большой человек. А вот где-то здесь неподалеку проходят трудовой семестр студенты Львовского госуниверситета. Какие вам я скажу девчонки! Мне кажется, таких я раньше не встречал, а может это так влияет природа? Нет, определенно, студенточки очень хороши. Безумно хороши. Западная Украина может гордиться своими дочерьми. Правда и студенты тут же. Но, что интересно, пово-

дов для обострения отношений так и не возникло. Возможно ввиду краткосрочности знакомства. Ребята вскорости уехали, или перевели их куда. Мимолетное знакомство как тень на обложке. Такое ощущение, что общение с университетскими могло бы сторонам пойти на пользу.

Пацаны, кто помнит этот чудный колхоз, а известен он был напитком «Лиманские огни». Для непосвященных поясняю «Лиманские огни» - это спирт сырец, который производился на производственных мощностях колхоза. А может - совхоза, кто помнит ребята? Из чего его гнали, не знаю, и знать не хочу. Думать, что гнали его из винограда, который мы убирали, не хочется, потому, что виноград был очень хороший. Правда спирт-сырец и местная самогонка были еще лучше. Вот тут-то мои патогены проявились в полной мере. Это когда после первого стакана «Лиманских огней» хочется немедленно надвинуть второй, потом с небольшим перерывчиком - третий. А перед закатом, также непреодолимо, хочется большой, чистой и вечной любви. Принять эту любовь мы готовы от кого угодно, а если ее нет, мы, слuchается, буяним. А еще потом утром очень болит голова. Русофобы называют это русской болезнью. Не верьте им ребята, все вранье. Во всем виноваты татаро-монголы. Только прошу учесть - не татары и не монголы, а именно никому не известные, вездесущие и неуловимо-непобедимые татаро-монголы. Да простят меня за проявившуюся наклонность все! А монголы и татары, оказалось, были злейшими врагами. Жизнь она длинная, сводила и с теми и с другими. Нормальные оказались люди и отличные моряки.

И колхоз оказалось - это здорово. Ну и что, что колхозов больше нет? Пусть это будет последняя им ода. Как и татаро-монголам, с которыми свидеться так и не довелось.

В училище возвращаемся с триумфом и вплотную приступаем к изучению специальных дисциплин. Теперь держись. Никто и никого специально вышибать из мореходки не будет. Теперь способности каждого – как на ладони и результаты по

строевой и политической сами собой перемещаются на дальний план. На глазах блекнут признанные авторитеты и возникают новые. Иногда совсем не там, где ждали. Вот так вот. Наши преподаватели профессиональные моряки торгового и военно-морского флотов. Обращает на себя эффективность программы обучения. Это я утверждаю сегодня, уже после окончания Вышки и некоторых других учебных заведений, о которых, если доведется, расскажу, как сумею, позже. Хочется отметить эффективность сочетания общетехнической и милитаристской составляющих курса обучения. Если отдельные дисциплины иногда в чем-то друг друга и дублировали, то общетехническая и военно-морская подготовка - никогда! Это к вопросу отмены в мореходных училищах военно-морской подготовки. Как оказалось, военно-морская подготовка это не столько шагистика и муштра, сколько специальная инженерная подготовка. С отменой ВМП, мореходки оскудили уже потому, что учебные заведения потеряли свою универсальность. Теперь, когда от могучего советского морского наследия осталось очень немного, а солидная часть одной шестой части суши готова свою безопасность вручить в руки заокенского «большого брата», рассуждения на этот счет могут показаться неактуальными, но, тем не менее, хочется напомнить, что судовождение и кораблевождение понятия суть идентичные, а моряк понятие общее для всех ведомств. Посему дефицит знаний, которыми накачивали нас на кафедрах военно-морской подготовки компенсировать невозможно. Вот нас,- электриков обучали основам кораблевождения и соответственно кой - чего рассказывали. Из того чего не забыл и помню, что такое локсадромия разъясню и сейчас, на пальцах и так, что и ежу будет понятно. Учили нас пользоваться навигационными картами. На контрольной прокладке, увы, мне опять не повезло. Учел я скорости течения и ветра, невязки, грамотный такой, но чегото я не учел, и эсминец мой пропорол себе днище в пальмовых зарослях, где-то у Атлантического побережья Африки.

Карта была старая, а островок такой маленький, что я решил возможным, без большого ущерба для международной безопасности и судоходства, стереть островок резинкой и работу на проверку сдал первым. Не прокатило. Капитан третьего ранга сказал, что я накосячил. Но я уже преподавателей своих огорчал к этому времени неоднократно, поэтому разочарование по случаю неудачной прокладки пережил без больших душевных волнений. Капитан третьего ранга велел почитать мне лоцию западного побережья Африки, в части подходов к порту Конакри. При этом он сказал, что в этом районе рекомендованы переменные хода, по преимуществу малые, но двойку он мне ставить не будет. После того как, я ответил на вопрос, чем пиллерс отличается от пилоруса и, что такое локсадромия, думаю, что курс можно было прокладывать хоть у подножья уральского хребта. Я ведь электрик. Интересно нынешние выпускники электромеханической специальности, в основной массе своей, понимают, о чем речь? Это в смысле пользования штурманским инструментом. Конечно, никто не учил нас, как обращаться с секстаном, но, попав на судно, мы знали, что это такое, а Леня Кобылянский выпускник 1968 года как определять углы высот небесных светил мне показывал.

Кто скажет, в каких широтах остался Лешка Кобылянский кавалер медали «100-летие со дня рождения В.И.Ленина», которого в Николаеве сволочи хотели забрать в вытрезвитель. Это Лешку, простите, а не В.И.Ленина. А Лешка давно, наверно, капитанит где-то под флагом. А секстан, как утверждает новое поколение судоводителей, теперь вовсе никому и не нужен, не то, что электромеханикам. А может как раз электромеханикам и нужен - орехи колоть, например. Деградирует флот. Другие времена, другие песни.

Обучали нас и другим морским ремеслам, в то числе имеющим для судовых электромехаников более важное прикладное значение, чем кораблевождение. Так Петр Леонтьевич Ткаченко ведет у нас судовые силовые установки. Старшекурс-

ники популярно нам разъяснили, что на горизонте плавпрактика, и на плавпрактике надо будет выживать. Нет, если повезет, можно на судне при наличии вакансии устроиться в штат матросом-уборщиком. А пять баллов по судовым силовым установкам предоставляет право на получение свидетельства моториста 2-го класса. А наличие этого документа - реальный шанс пройти практику на штатной должности в машинной команде. Не то, чтобы совсем по специальности, но, во всяком случае, по смежной. Более того, согласно плану учебной практики, в любом случае, половину времени мы должны изучать и обслуживать те самые судовые силовые установки, которые являются специальностью судомехаников. И мы учим ССУ как родной предмет. И ведь нам таки выдадут свидетельства мотористов второго класса. Но все это во втором семестре и перед самой плавпрактикой.

Учеба, учебой, а жизнь, однако, своим чередом!

Кругом столько всякого происходит, а на третьем курсе больше вспоминается почему-то учеба. Наверно потому именно для этого мы все здесь и собирались, а жизнь устаканивается. Только вот прав наших никто не признает. Определили нам пост во втором корпусе. Когда это видано было, чтобы во второй корпус и дневальными, а нас вот определили. Во втором корпусе третьи курсы даже не учатся. Правда сказали, что убиваться в районе поста будет дежурный взвод с младших курсов и дежурного по учебному корпусу номер два тоже не предусматривается. Премудрость простая - в светлое время суток дневальный он же и дежурный. За дневального подал команду «Смирно», а за дежурного доложил «В учебном корпусе номер два - без происшествий». Усвоил? Усвоил, тогда выполнять. Никаких премудростей. А коль не усвоил, сходишь, раз пять по этой дорожке, там видно будет. Усвоишь. По рассуждали мы, по рассуждали и порешили, уж лучше дневальным во второй корпус, чем нести службу при дежурном офицере в первом. Да и развлечения есть здесь стародавнее - горячая линия сек-

суальной поддержки. Телефон есть у дневального на всякий случай, чтобы разбудить могли, если проспит все. И стены все испещрены номерами телефонов. Так примерно лет за двадцать. Уж и внучек, наверно, бабушки уже убаюкивают, а номера телефонов на стене второго учебного корпуса сохранились. Приходи, бывший курсант, звони. Тут все свои.

Таки и звонят. Но все больше девчонки. А когда девчонки не звонят, можно позвонить по 09. Там тоже девчонки и если не очень хотят спать, то охотно поговорят о жизни. Только на 09 сначала поинтересуются возрастом. Это, чтобы знать, на каком месте остановить зарвавшегося собеседника. Курсанты не совсем, чтобы без царя, как некоторые товарищи старшие офицеры.... Но все-таки... Прецедент был. А дело обстояло так. Стоит дневальным по второму учебному корпусу приదорок с первого курса, из тех, что склонны на службе ворон считать. И позвонила ему девчонка с ночной смены этой самой службы 09. Подружки спровоцировали. Пусть новенькая поговорит с курсантиком, а смена расслабится, послушает. Ночь, линии по городу свободны. Лето. Да и неприятностей, по такому зрячному поводу, никогда не было. Пойдут звонки, есть индикатор, возьмут на удержание. Да, что говорить, в любом деле свои технологии. И заговорил наш хлопчик. Запел как словей. Впервые. И входную дверь не запер и в окно видно как увлекся. Что и не преминул сделать старый пес подполковник Калиниченко, который чуть не сгубил и мою юность. Умудрился Калиниченко открыть бесшумно дверь, подойти аккуратно к дневальному, который аж обомлел от неожиданности и страха. Испугался подполковника, погубит сволочь. Берет, значитца, Калиниченко трубку и слушает.

Историю эту, знает вся мореходка. Все курсанты, офицеры и преподаватели. Обоих полов. Телефонная барышня, вся в экстазе, она в этом телефонном порыве впервые. Подруги подбадривают, так она в продолжение разговора и пытает курсантика, и это как она его узнает. Девчонке и невдо-

мек, что отвечает подполковник Калиниченко, который в деле этом большо-о-ой оригинал! И говорит Калиниченко, курсант я как курсант, а в руках у меня будет такая большая красная красная.... А девчонка догадалась –Роза! Ну да отвечает Калиниченко – из расстегнутых штанов. На телефонной станции полное смятение. С нами теперь там больше, как раньше, не дружат. Все больше с рыбаками. Однако о том, что это был Калиниченко, телефонистки узнали от курсантов, они же и отплатили шутнику достойно. Он то, с кем разговаривал, не знал. Так ему сказали, каким то образом, что курсант разговаривал с его падчерицей. Вот так вот. Она иногда приходила в мореходку поболтать с курсантами. Калиниченко пытался скандал замять, как курсант отбоярился, я не знаю. Историй таких за годы существования мореходки было много.

В 40-м кубрике отмечается очередной день рождения, как и свойственно его жильцам – с помпой. День рождения Толи Головченко. Толя, наш, забияка и наша гордость. Мы с Толиком земляки, а Толик в Молдавии призер республиканских чемпионатов по боксу среди юниоров. Это вам не хухры-мухры. Толя Корж и Коля Сорочинский утверждают, что Толика однажды, все-таки, поколотили, но это не в счет. По крайней мере, однажды такое бывает со всеми. Толик то был призером в весе «пера».А так, сейчас по основному призванию Толя какая-то фигура на Бендерском коньчачном заводе, наверно, давно в другой весовой категории, можно и уточнить. Пришлите адрес. В мероприятии среди публики были замечены Коля Выдриган, Алик Логвиненко, Юра Ермоленко, Валерик Вернигора, Миша Масенков. Всего человек двенадцать, по числу апостолов на тайной вечере.

В общем, стол ломится от закуски, восемь бутылок водки по 2,87 рубля, а если вспомнить нашего старшину группы Васю Золкина с гитарой, то можно представить, что этот праздник жизни посетил сам Владимир Семенович Высоцкий. Все нормально, вроде, никто и не надрался, но утром стол убрать

было не кому. Проспали? Как же, аристократы! Одни были не совсем в норме, другие посчитали, что уберет вахта. И вообще Вы знаете, чем женское общежитие отличается от мужского? Нет, ответ неправильный. В женском общежитии со стола убирают, после того как поедят, а в мужском общежитии - перед тем как поесть. Уберется. Надеемся, все обойдется.

Ан нет, реальность очередной раз выходит за парадигму наших мечтаний. Дневального то ли не предупредили, то ли командир появился в роте до срока, но со стола ротная вахта убирала уже под внимательным взором капитана – лейтенанта Грибкова.

Волки у Коли на душе завыли с первыми порывами надвигающегося шторма, еще на занятиях, когда дневальный по роте и поведал о конфузии. Переход из 1-го учебного корпуса в экипаж прошел в согласовании деталей, как лучше обставить дело. Для начала решили исключить из числа подлежащих экзекуции приглашенных из других кубриков, Васю Золкина - командир непосредственный, поет и играет хорошо, и Лешу Приходько, ему больше достанется как более старому. Остальные решили идти под топор возмездия, так как курсант-нарушитель не тот, кто нарушает, а тот, кто попадается. После тревожного обеда, который прошел с незабываемым ощущением, что кто-то наплевал в тарелку, командир, учитывая, что утечка информации чревата последствиями, отвел третьекурсников роты в сторонку, где и провел дознание. Правда командир сначала перепутал кубрик, в котором состояла тайная вечеря и накинулся за пьянство, на старшину роты. Что пронеслось в голове у старшины можно только догадываться. Он лишился дара речи и в недоумении оторопел. Правда, командинра быстро поправили. Грибков приказал Афонькину стать в строй, а выйти личному составу в 40-го. Вышли все 10 человек. Командир начал «tronную» речь, коленки ответчиков начали подгибаться, словно лошадиные, от гласа Ричарда Львиного Сердца. Минуты через 2-3 вопрос, кто пил, командинр поставил ребром. О

непричастности к действу Золкина и Приходько вопрос был решен заранее, а вот от Коли Сердюка, который, поддавшись искусу, сказал, что он не пил, никто такого и не ожидал. Коля был училищным фотографом. Хорошим фотографом. Потому ему и простили, хотя и были удивлены, моряки все же? Осталось в строю 7 человек на 8 бутылок водки. На вопрос командаира, чем была вызвана попойка, с трудом все же пролезла версия – выполнили контрольное задание, а заочник выставил магарыч. Правда, командир все же высказал сомнение по поводу доброго заочника, уж очень много поставил. Вроде бы таких и не бывает. Ну, да ладно. Старому фронтовику и лихому военмору понравился почти правдивый ответ. Виноваты, простите подлецов, врать еще не научились. Мы только учимся. Распустив роту, командир явно с удовольствием заметил виновникам торжества, если бы соврали, сразу бы поволок к начальнику училища. А так приказал к вечеру принести конверты с домашними адресами, он будет писать родителям. К вечеру писать передумал, все же будущие офицеры. Решил, впишет в карточки взысканий и поощрений наказание – за грязь в кубрике и нарушение морального кодекса. Если кто попадется повторно, то туда же допишет – за пьянку. Не умерли - отстояли наряды , может даже и не все.

Коля Выдриган был тут же направлен дневальным в этот самый второй учебный корпус, куда нас так незаслуженно определили .Надо сказать, что лето давно пролетело и осень уже на исходе. В учебном корпусе холодно, а у Коли шинель подрезана под самый кобчик. А какая была шинель! Как у Феликса Эдмундовича, кавалерийская, только и того, что черного цвета. В нее завернуться, и спи прямо в вестибюле на столе. Да разве Коля думал, что на третьем курсе придется дневалить во втором учебном корпусе. Да и озnob похмельный непривычен пока. К тому же переволновался, вдруг отчислят из училища..

Сидит Коля за столом и все ему кажется, что кто-то изза спины в окна заглядывает. Кольки на первом курсе с нами

не было, Коле еще предстоит преодолеть не изжитые детские страхи. Он быстро. Сидел, так Коля, пока старшекурсник из учебного класса девчонку не вывел. И как только завел мимо Коли. Коля то и не заметил. И туман кругом какой-то. А девчонка - глаза карие- карие, чайного цвета. Как блюдца чайные. Лицо оттенка деревенской сметаны, ростом метр семьдесят восемь и волосы до жопы. Приободрился Коля, раз ходят такие девчонки во второй учебный, значит ще нэ вмэрла Украина! А старшекурсник ему вдогон, ты не мучайся парень, обойди корпус, проверь нет ли больше курсантов, потом спустись по трапу в бойлерную, там тепло. Не мерзни тут. И ушли парень с девушкой. Странно как-то ушли. Коля дверей не открывал и не закрывал. А Коля проснулся, обошел корпус, проверил все печати на дверях, нашел бойлерную и не выходил оттуда до утра. Холодно. Утром Коля имел полное право отдыхать, как дневальный свободной смены, но Коля предпочел – на занятия. И были у Коли руки, как если бы ночевал он в лесу у костра. Братья по несчастью решили, что Коля с горя закурил. Несчастные про бойлерную еще не знали, а про старшекурсника с девчонкой, у которой глаза чайного цвета и волосы до жопы, Коля, кроме меня никому не рассказывал. Вот так вот.

Но история эта имела продолжение. На заседании комиссии по визированию. Поднимают карточку и спрашивают, - Курсант Выдриган, что имеется ввиду под нарушением морального кодекса? Вспомнил Коля про старшекурсника и про девчонку с глазами чайного цвета, у которой рост сто семьдесят восемь и волосы до жопы, и ответил Коля – ругался нецензурной бранью. Коля про старшекурсника и девчонку рассказывать не стал, и комиссия повеселела - антисоветчиной не пахнет.

Визирование идет полным ходом. Интересно как оно проходит у нынешнего поколения мореходчиков. Очень наш замполит хотел, чтобы мы пофамильно знали членов президиума политбюро ЦК КПСС, других партийных и комсомольских

функционеров. Не добился от нас он ничего. Нет, кто-то может, и называл какие-то фамилии. Не совсем мы бусурманы какие, но успехи наши в этом вопросе в целом - на уровне моих личных достижений по уборке помидор. По преимуществу мы либо храним гробовое молчание, либо отвечаем невпопад.

Тут вспоминают какое-то чистилище, предшествующее визированию, типа комсомольского собрания. Мне ничего подобного не запомнилось. Мне запомнилось гнетущее ожидание развязки, связанное с родословной, все обстоятельства которой, как теперь понимаю, до конца никогда и никому из заинтересованных лиц известными так и не стали. Дело в том, что наш забытый богом край, в котором когда-то сам Александр Македонский, согласно легенде, потерял свое войско, регулярно переходит из рук в руки, что наложило отпечаток не только на мою биографию.

А одно обстоятельство, скрыть не удастся ни при каких обстоятельствах. Мамин брат в ходе становления Советской власти и сплошной коллективизации в конце сороковых был сослан в Сибирь, но сразу после смерти товарища Сталина - возвращен и реабилитирован. Последнее обстоятельство оставляло надежду на визу, и поперся я в первый отдел. Помните - это в правом крыле первого этажа, рядом с отделом кадров. Пошел я туда по совету кого-то из более опытных товарищей. Кто мне посоветовал, я просто не помню. Может кто из пацанов, а может командир роты, теперь уже просто не помню. Стучусь в дверь, мне:

- Войдите. Слушаю Вас, молодой человек.

Сидит строгий мужик в галстуке. Это у них униформа такая, и называли их за глаза в свое время «пиджаками». Мужик, однако, совсем не свирепый. Рассказываю ему свою беду. Он меня и спрашивает, зачем же все-таки я пришел. Повторяю я ему еще один раз, что хочу знать могу ли я при таких печальных обстоятельствах рассчитывать на визу. А он меня в свою очередь спрашивает, что я предприму, если ответ будет отрица-

тельный. От неожиданности ответил я мужику этому первое, что на ум пришло.

- Буду, проситься на военно-морской флот.

Оно и понятно, поскольку вопрос для меня оказался неожиданным. Но, тем не менее, дядьке, похоже, понравился, потому, что он сначала попросил прокомментировать его, а затем сказал:

- Идите, молодой человек и учитесь, к тому же учитесь хорошо. Изложенные Вами обстоятельства ограничением для получения визы служить не могут.

И мужик этот не соврал. Коль жив, привет и ему.

Визу я получил, правда, в хвосте команды. Уже совсем, совсем в другом месте и много позже случилось увидеть свое личное дело. В деле этом были анкетные данные жен сыновей от первого брака моего первого тестя. А тестя у меня был не единственный. В деле были анкетные данные людей существования которых я никогда раньше даже не подозревал. Так, что в смысле недоверия со стороны властей к своей персоне мои опасения были совсем не безосновательные. Другое дело, и это меня забавляет по сегодняшний день, фактическим основанием этому стало то, что я упорно называю себя гагаузом. Это я утверждаю вполне профессионально. Сам такой. Да и знающие люди обращали на это мое внимание. А гагаузкой то была моя единственная бабушка по маминой линии. Вторая бабушка умерла во время голодовки сорок седьмого года вместе с младшим братом отца, который в это время в составе действующей армии был в Германии. Так, что держите язык за зубами и все будет нормально.

Между тем мы больше не салаги и не салабоны, а согласно внутриучилищному табелю о рангах, мы - веселые ребята! Это, что-то да значит.

Нет, для старших курсов мы значим не больше чем муха на стенке, а вот в общественной жизни города очень даже все по-другому. Кто считает возможным, или испытывает в этом

острую необходимость по личным мотивам, которые между нами никогда не обсуждались, заводят себе постоянных подружек. Отчаянные головы, ничего им не страшно. Сомнений, что это все совершенно несерьезно, нет. И вот только у Толика Коржа все не так. Есть у него в городе невеста, и мы все знаем, что он женится. Это не важно когда. Скоро или как наступит срок. Толик парень очень серьезный. Он старше основного набора года на два, может на три. Однако к старшим не приился, держится со всеми парнями ровно, не выделяется, но всегда особняком. Когда получает посылку, всегда и охотно угощает всех салом и самогонкой. Вообще, свой парень, однако, особняком. Потому, что он женится. Он как скиф, все знают, что турок, однако никто не отказывается от родства с ним, тем не менее он скиф, а значит турок. Толя будет женатик и все это знают наперед. Нет, у нас и другие парни женятся, но что женится Толя, знали загодя, потому, что Толя с самого первого дня делал все основательно, раз и навсегда. И никогда в отношении своего выбора никаких сомнений не допускал.

С регулярностью революционных праздников, к которым партийно-хозяйственные органы города, да и мы в училище готовимся со всем тщанием, в стране дважды год ведется призыв на воинскую службу. А как Вы думали, Отечество нужно было защищать и при социализме ибо, кто не хочет иметь свою армию, того будет - армия чужая.

По эмоциональной окраске событие это, при надлежащем оформлении и подготовке,озвучно последнему звонку в мореходке, а вот по резонансу в душе местной молодежи, тональность куда пронзительней. И к этому обстоятельству власти часто подготовлены, прямо скажем, недостаточно. Вот и вчера в городе порезали самовольщика со второго курса механиков.

В училище идет разбирательство по факту ответного самочинного рейда курсантов в город. Компетентные органы выявляют, как и при каких обстоятельствах несколько сотен курсантов тучей пронеслись по городу, нет ли в происшедшем

признаков массовых беспорядков в целом, с одной стороны, а с другой, - не было ли покушения отдельных лиц на организацию таких беспорядков. Вот несколько лет назад при аналогичных обстоятельствах о массовых драках среди молодежи с участием курсантов можно было услыхать по «Голосу Америки». Всем досталось, что не предусмотрели, не упредили. А посему нужны зачинщики. Для профилактики, на всякий случай. Чтобы знали, и впредь неповадно было. Зачинщикам ничего не будет. Ничего хорошего. Так ... армия, а если чего можно и покруче. Ходят по училищу, какие-то посторонние лица в гражданском платье, но не преподаватели. Одного мы уже узнаем, этот дядечка с усами- полковник милиции. Встречал его я как-то, шел навстречу с девчонкой, что бывает в мореходке на танцевальных вечерах. А отчим ее, между прочим, подполковник Калинченко, милостью которого я был лишен первого отпуска. Дядька, наверно, родственник. Но не мой. Это точно. Слыши я разговоры, что якобы училище было поднято дежурной службой по тревоге. Якобы толпа курсантов была локализована на пустыре неподалеку от экипажа и рассеяна, а точнее по предложению милиции разошлась и вернулась в экипаж. Все вернулись, кроме одного, папе которого вся областная власть обязана была внимать по долгу службы.

Он захотел, чтобы его отвезли домой. И что Вы думаете, его отвезли. Могу предположить, что для установления личности его, как водится, доставили в милицию, где с ним сначала побеседовали, а уже потом передали родителям для дальнейшего воспитания. Во всяком случае, в роте ходят слухи об официальной версии о том, что рота была поднята по тревоге дневальным по роте. А я вот вроде бы такого ничего и не слыхал. И дневальным был я....

Один мой хороший знакомый и говорит в присутствии товарищей:

- А ты, Дрон, не пой песен. Я твой голос узнаю.
И говорит мой знакомый гневно так, человек возмущен.

Он кажется никуда и не бегал. Вот так вот. В училище воспитывали честность. Я от нее как мог, избавлялся, а были люди - наперекор всему крепли духом. Интересно, не за чужой счет?

Между тем события идут своим чередом. Рота на занятия - я за приборку. А ведь, что-то будет, и если, что ждет меня суровая кара и презрение моих более честных товарищей. Ну, да если только они окажутся правы. А, ведь, могут оказаться и неправы. И в этом случае, я им заранее сочувствую.

Во второй половине дня вызывают меня к капитану первого ранга Рудометову. Это наш Папа. Папа суров, но справедлив. А прибыть мне Папа велел с объяснительной запиской по поводу событий прошлой ночи. Старшина наш ротный выслушал меня внимательно, кивнул одобрительно и попросил дать почитать мое сочинение. Он оказывается, ночью тоже ничего не слышал. Спал крепко. Прочитав, повел бровью и велел к Рудометову - живой ногой.

Докладываю я о своем прибытии, вопросов ко мне нет. Читает Папа мое сочинение, велит мне в соседний кабинет. А сидит в этом кабинете вдоль стеночек по периметру много незнакомых мне людей, и сажают меня на стул посреди кабинета. Комсомолец ли я? Ну, да, конечно. Сейчас мне будут задавать вопросы и отвечать мне на них надо однозначно - да или нет. Все ли понятно? А то! Мы народ грамотный. Нам уже рассказывали про шпионов и диссидентов. Вот только полиграфа в училище нет. И задают мне много разных вопросов, на которые знаю ответы, отвечаю, если ответов нет, ответить не могу. Как это? А вот так, как написано в объяснительной! Цитирую на память:

- С такого-то по такое такое-то я находился в суточном наряде. В период времени с 23-х часов и до 24-х находился в МОПе и производил приборку-

Вы не знаете что такое МОП? Не вопрос, - это места общего пользования то есть туалет и умывальник. Я убирал в туалете, когда услышал через открытое окно громкие крики. Я

убирал туалет? Ну да, только на следующий день, с утра, когда готовился к этой незабываемой встрече - но это не вслух.

Так вот, пока я выглядывал в окно, слышал шум в коридоре. Почему окно было открыто? Так убирал ведь. Воняет, а от хлорки глаза выедает. А на улице шум и гам... Когда я прошел к тумбочке, в коридоре никого уже не было. Кто из нашей роты выбегал на крики на улицу? Не знаю я. Как не знаю? Никто мне проводить проверку нее приказывал и вообще это не в моей компетенции. В чьей? Это к командиру.

Не понравился я этим симпатичным ребятам в пиджаках с галстуками. Ох, не понравился. И велено мне через два часа прибыть в областное КГБ. Понято, есть прибыть.

И повторяется беседа по-новой, но друзья, где эффект неожиданности? Вообще избранная Вами методика разрабатывалась для личностей с более тонкой организацией психики. Она хороша для среднего европейца, каковым, увы, я не являюсь, да к тому же я мореходчик. На бескрайних Евразийских просторах нашей Родины методика эта зарекомендовала себя неважно. Вы просто обманулись, если решили по случайности, что у меня умное лицо. А если к тому же решили, что я неуравновешен и излишне эмоционален, то тоже ошиблись. Вы хотите, чтобы я сказал, что это я поднял роту по тревоге, а все остальное училище выпросталось из экипажа следом неконтролируемо как при преждевременных родах? Нет, с этим спасибо. Вашей версии не разделяю. Мне есть в чем признаваться. Ох как много.... В чем угодно, только не в этом. Давайте Ваш детектор лжи, и я признаюсь Вам, что например, писался я в постельку в младенчестве, а капитан третьего ранга Котельников утверждает, что пьяному курсанту и в более позднем возрасте приятно писаться, я, если хотите, признаюсь, что дедушка мой был георгиевским кавалером, да многое в чем можно попривязываться, у меня секретов много, о которых я очень не хочу Вам рассказывать. Боюсь. Например, про дядю, или еще чего... В конце концов про, что-нибудь совсем другое.....Я так

много чего боюсь и так много чего никогда не расскажу, что детектора я не боюсь. Так, что тащите Ваш полиграф. Он ничего не покажет. И это я знаю точно. Книги читайте, товарищи офицеры. Перечитайте специальную литературу, можно по психологии. А вот, что касается событий прошлой ночи, извините. Не для того мама моя меня растила на шестидесятирублевую зарплату. Да сам капитан первого ранга меня за такие заявления презирать будет. Ведите этих ребят, которые утверждают, что я объявлял в роте тревогу. Зачем? А потому, что не было такого. Вон старшина и тот ничего не слышал. Откуда я знаю, что старшина не слышал? Дак, перед Вами приставал с этими же вопросами. Если бы чего слыхал, он так прямо и заявил бы. Мы с ним совсем не друзья. Он вообще чекист. Как чекист? Не знаю, его все так называют. Может потому, что срочную служил на погранзаставе.

Отпущен я был с миром и обещанием продолжить беседу. Вышел я из кабинета, и пока никого не было в коридоре, снял с себя мокрую тельняшку, с которой пот как со швабры и выбросил я ту тельняшку в урну у окна. Кто там побывал,помнит, на втором этаже у окна слева урна стояла. А в последствии сделал я крайне неожиданные для окружающих выводы. Пришлось же мне бывать за границами, и видел много я ужастиков про Родину нашу. Особенно греки любили показывать ужасы про Москву. Пустое все это. И вы, юные друзья, не всему верьте, что демонстрируют на экранах. Вполне нормальные оказались парни, но узнал я об этом много лет спустя. Может и не все они таки и нормальные. Обыкновенные, и это точно. Не хуже нас. Каковы мы, таков и окружающий мир. Но обратите внимание, до настоящего времени, ни один парламент мира не решается принять закон, согласно которому все в окружающем мире должно быть хорошо и ладно. Человеку предоставляют возможность этот вопрос решать самому.

Но моя, однако, эпопея нам этом не закончилась. После КГБ решило попользоваться меня МВД. И попал я к этому сим-

патичному дядечке - полковнику. И стал он рассказывать мне, что никакой я не моряк, а так хренохина всякая из-под ногтей. Ничтожество я, как оказывается. Закроют визу мне и дословно - прощай Атлантика. Отмечу, и такая существует методика дознания. Существует она со времен опричнины.

И результаты дает неплохие. Наблюдал я много лет спустя, как майор Кругляков разъяснял, сыну адмирала, курсанту выпускного курса Ленинградского ВМУ какой он паршивец. Помогло, через полтора часа настойчивой беседы, парень выдал украденный женский плащ, который успел утопить в общественном туалете. Плащ был кожаный, но женский. Кто бы объяснил, зачем приурочку он был нужен. При этом, представьте себе, из училища его уже отчисляли. Год назад. И было это в городе атомного подводного судостроения Северодвинске.

Так вот, эта методика достижения истины также предполагает достаточно тонкую организацию психики допрашиваемого. И поправку сделайте на мореходку. В мореходке селекция, товарищи офицеры, по другому меридиану. Вот в военно-морском училище по одному меридиану, а в мореходном - совсем по другому. Мир к счастью несовершенен, в противном случае, в этой серной кислоте было бы не выплыть. В мореходное училище поступает народ разнокалиберный. Не все доходят до выпуска, но оставить за собой особую атмосферу успевают.

Вот, еще можно было бы посоветовать товарищам дознавателям, кабинеты устроить в одном здании, да на одном этаже, да сержанта туда из спецназа..... тогда и результаты работы, возможно, были бы иными. Вот в Моссаде, например, методика допросов аналогичная, но допрашиваемого содержат в полной темноте. Вместо темного помещения можно попробовать темную повязку на глаза, лучше мешок светонепроницаемый, но в этом случае результаты хуже. Да и далеко дядечке полковнику из моей ранней юности до старого волка и теперь уже полковника в отставке Круглякова.

Вернулся я, однако, в экипаж и больше никто и никогда не

смел утверждать, что роту по тревоге поднял я. Я, же, обиженного из себя изображать не стал. Верю в народную мудрость - на обиженных воду возят. А история эта запомнилась. Не знаю, что было в головах моих сатрапов, может, решающее значение сыграло, что кроме резанного курсанта, других потерпевших в этой истории не было, но продолжений она не имела.

А, может люди были мудрые и решили, что не стоит плодить и преумножать ряды врагов своих и недоброжелателей. То, что история эта имела место быть именно со мной, никто из моих знакомых до конца так и не поверил. Сейчас, по прошествии четырех десятков лет со дня описываемых событий, мне самому не очень верится в их реальность. Но присущее молодости желание заглянуть за край не забылось. Ох, и далеко же от родных краев меня оно заведет.

Уже в третьем тысячелетии Коля Выдриган вспомнил, что случилось ему оказаться на месте указанных событий с никелированной трубкой от кроватной спинки в руках. Рассказал Коля, что великое сражение было на месте котлована, где потом будет поставлено общежитие горько мной вспоминаемого машиностроительного техникума, и, что Мишка Масенков чуть не столкнул в котлован дежурного по училищу старшего лейтенанта Алексеева, когда офицер пытался вернуть училище в экипаж. И еще Коля утверждал, что причиной всему был конфликт между рыбтолькой, и шпаной с Мельниц. Наши вмешались из солидарности. При этом имело место нападение на общежитие судостроительного завода, где располагался партком предприятия. Местная шпана из Мельниц высадила все окна на первом этаже здания.

Время летит. Приближается время нашей первой плавательской практики.

Судоводители и судомеханики нашего набора на плав практике уже побывали, нам только предстоит. Судоводители ходили на «Товарищ» в Италию сразу после первого курса, завалили училище шариковыми авторучками. Петя Олейник подарил

мне трехцветную. Во как, ведь не забыл, что вступительные на радио- сдавали вместе, надо же такое!

Визирование идет своим чередом. Об открытии визы счастливчиков уведомляют через командира роты. Меня в списках героев не значится. Не значится там, кроме меня, много кого, что позволяет допустить не обязательную фатальность исхода.

На дворе осень глубокая. Нас в увольнения все-таки по средам иногда выпускают. Вот только бушлат нужен. В гробу ворочаться тому, кто увел у меня бушлат. Ну да ладно, по средам в город не всем, находится бушлат и мне. Открытые танцплощадки больше не работают, а вот в Дом офицеров, пожалуйста! Надо сказать в нашем городе Дом офицеров - это дом последних надежд. Когда нет никакой возможности никуда попасть, в дом офицеров курсантов впустят всегда. Заметьте, без билета. Здесь в буфете даже пива можно, только патрулей много. И выпиваем мы в нейтральных водах. Патрули по преимуществу гарнизонные и в случае чего ограничиваются выдворением за пределы танцплощадки. Им не до курсачей, им бы с солдатиками справиться, которые в самоволку сюда не бегают, а на танцплощадке в форме вообще и носа не показывают. Дисциплина. Чтобы патруль передал курсанта-нарушителя в училище, не помню такого, да и девчонки не позволят. В нашем городе мы в цене. Радуемся мы жизни, тут же и наши четверокурсники-дунайцы. Эти радуются вдвойне. Четвертый курс для дунайцев в нашем училище, выпускной, к лету отправят их кого куда, а по преимуществу на Дунай, водить свои составы в Вену. Вот они и будут иметь возможность попасть в Париж. А нам подняться на Эйфелеву башню едва ли суждено. Правда, дунайцам тоже не каждому. Некоторые под призыв Минобороны подпадут вместе с радистами.

Вон идут с девчонками мой земляк Витька Иванов из Чадыр-Лунги и Ленька Круцких. Они этого еще не знают. Судьба. Витька, подлец, открешивается, что гагауз. Так и поделом ему! Отслужит старший лейтенант Иванов свое в Линнахама-

ри, да и подастся в Херсон. Закончит гроза преступного мира Киевскую ВШМ МВД СССР. Ныне мирно проживает в четвертом Таврическом. Внуков нянчит. Леньке тоже капитанить не доведется. Дослужится он на Дунае до второго помощника капитана, да и подастся в космос. Ни много, ни мало, а именно так. Руководит конструкторской бригадой в сфере высоких технологий.

Приближается время осеннего пролетарского праздника. В списках праздничных нарядов меня нет. Следует быть по аккуратней. На визушибко я не надеюсь, но теплится где-то в груди эта дамочка, такая изменчивая по имени Надежда. Да не у одного меня проблемы. У дружка моего Вовки Суслова что-то тоже не складывается. Нет у Вовки, под стать фамилии, с анкетой все в порядке и ума палата. Коля Сорочинский по этому случаю к Володе иначе как Сусел и не обращается. Да вот только Вова и в числе нарушителей тоже в передовиках.... Четырнадцать взысканий записал ему в штрафную карточку командир. Но мы бодримся. Коля Сорочинский, а у Коли со всем все, как положено, привезет он нам с Володей из Италии по плащу из болоньи. Нам и ладно. Мало того накануне праздника в чей-то просветленный ум приходит совершенно не оригинальная идея. На фига мне ходить на парад. Коля стоит в предпраздничном наряде, меня вписывают в праздничный и я после развода – ку-ку. На автобус и в Комрат, за вином. Общепризнано - вина с виноградника моей мамы лучше нет. Оказывается, совет старейшин стаи вопрос обсудил, и решение одобрил. Коля стоит в наряде двое суток подряд, благо во втором учебном корпусе. Второй дневальный Володя Суслов. Уезжаю на счастье мамы домой. С вином вернулся я в срок, и вино всем понравилось, только вот Коля двое суток к ряду в наряде не выдержал. Заснул и попался. Пролетает Коля с визой как фанера над Парижем. Не помню, как со второй плавпрактикой, но на первой профмастерства набирался он в приснопамятном ЧАМПе. Дослужится Коля в противопожарной службе МВД

до звания майора, сын давно уже майор и внуки подрастают. На фига, Коля, тебе виза. Поверь, и мне, наверно, была она не очень. Володя проскочил, и мы все за него были рады А Коля, надо заметить, никогда не жаловался.

Когда много лет спустя, мне, об этой истории напомнили, было мне не по себе. Подвели мы общими усилиями парня под монастырь. А вина и в Херсоне хватало.

Весенняя экзаменационная сессия пролетает в одно мгновение. Такое ощущение, что это была сессия без «хвостов». Пришла разнарядка на плавпрактику. Есть места в Черноморское, Новороссийское, Азовское морские пароходства. Но это точно не для глухонемых, которых допрашивают в правоохранительных органах и спецслужбах. В число париев попали и другие лица, притом, что совершенно не понятно по какому принципу этот список формировался.

Для этой крайне разношерстной публики предлагаются Черазморпуть - организация занимающаяся дноуглубительными работами и обустройством портовых хозяйств по преимуществу на Черном и Азовском морях и Каспнефтефлот- морская организация обеспечивающая нефтразведку, прокладку нефтяных трубопроводов и эксплуатацию нефтяных промыслов на Каспийском море.

Так вот, самые безбашенные из нас, в том числе я, выбираем Баку. Теперь уже, по прошествии стольких лет, как мне кажется, при выборе места практики имели значение теоретическая возможность попасть на штатную должность, во – первых, а также попасть на Каспий, который возможности увидеть больше не будет, - во вторых. Что касается полезности плавпрактики для дальнейшей морской карьеры, то данное обстоятельство во внимание никем не принималось. И оказалось нас всего семь «бакинских комиссаров». В Баку едут Ткаченко Володя, Миша Масенков, Лучинкин Саша, Юра Ермоленко, Лешка Логвиненко, Боря Ритунский и я. Весна – апрель месяц, нужно думать, в чем ехать- бушлаты - то нет. Дал мне Юра Ер-

моленко свой плащ. Где ты друг мой Юра? Нет больше Юры.

И поехали мы. Едем мы вместе с нашими более счастливыми собратьями, которым в Новороссийск на танкера. Танкера это всеобщая мечта и любовь, однако, увы, как и всякая мечта, малодоступная. Не будет для нас мест в Новороссийске по распределению, а после выпуска, кто очень захочет на танкера, пожалуйте в Батуми. В дороге пиво было вкусное и рыбка тоже, пока не закончились денежки. С последними копейками прибываем поездом в Баку. В городе много моряков, Что такое Каспнефтефлот и где его искать, толком разъяснить никто не может. В конце концов, находим мы свою контору. Принимают нас на практику и отправляют, для начала, устроиться в общежитии. Наши мытарства продолжаются. Местное население принимает нас доброжелательно. Показали общежитие. Шикарное здание. Однако это совсем не то, что мы разыскиваем. Это дом межрейсового отдыха моряков Каспийского морского пароходства. А нам нужно общежитие Каспнефтефлота, которое находится где-то на Зых шоссе. Что это такое мы не понимаем. По случайности Саша Лучинкин среди прохожих узнает своего земляка - электромеханика одного из судов Каспнефтефлота. Знакомый этот оказался весьма занятым, но на манер американских боевиков, где все разъезжают на автомобилях, объяснил, что Зых шоссе, это шоссе ведущее в поселок с таким интересным названием

- Зых - это где-то на юго-востоке и ведет туда автобус номер пять.

С очень большим трудом находим мы эту самую остановку, где-то неподалеку от памятника вождю мирового пролетариата, где Ильич изваян сидящим на постаменте и взирающим на окружающих как в его положении приличествовало бы смотреть на буржуазию. Кто знает Баку, объяснит где это точнее. За четыре месяца плавпрактики сам я в городе побывал раз десять, более талантливому, наверно, удалось бы город изучить и лучше, а я вот без специальной подготовки, едва в нем ориен-

тировался. Находим мы наше общежитие и уже издалека понимаем, что этот провинциальный сиротский дом именно то, что мы и разыскиваем. У Каспнефтефлота другого общежития и быть не может. Город между тем, произвел на моих товарищей благоприятное впечатление, и, кажется даже больше. Получаем мы назначения на суда. Первым направляют меня на крановое судно «Мир-Башир Касумов» - судовым мотористом 2-го класса. В строгом соответствии с ожиданиями. Прошу не впадать в заблуждение и не путать лайнер навашинской постройки, на котором я начинал свою славную морскую карьеру, с судами- кранами типа «Мальта» строившихся в Великобритании в развитие американской серии «либертосов» с разнесенной надстройкой как на танкерах Т-2 – наши «Казбеки». На моем корвете кран был один, но башенный и стоял он по миделю, надстройка отнесена к корме, корпус – баржа морская, год и тип не помню, два главных двигателя по 400 лошадей. Грузоподъемность крана – 40 тонн.

Соответственно у крана собственное машинное отделение с соответственной мощности двумя дизель - генераторами, дизеля как помнится танковые.

Друзья мои попали на морские буксировщики – электроходы типа «Атлант». Морские буксировщики-спасатели Каспнефтефлота были новыми судами последней модификации данной серии. И кто хотел, тот, наверно, провел время на этих судах с пользой для себя. Про себя такого сказать не могу. Проработал я успешно моторменом три месяца и девять дней, о чем получил справку, согласно которой каждый из этих ста дней я находился на судне в качестве практиканта электрика, что понадобится мне для отчета по практике, а затем должно было бы понадобиться для получения рабочего диплома судового электромеханика третьего разряда. Не знаю, как кому, но мне эта справка не пригодится. В дипломном отделе Одесского морского торгового порта в ней выявили столько несоответствий требованиям предъявляемым к справкам о плавании ,

что моя в конце корцов будет куда-то выброшена. А жаль, сейчас было бы приятно подержать в руках и вспомнить, как за три месяца вырос от моториста второго класса до моториста первого класса с самостоятельным несением вахты в машинном отделении. Ну да, я даже на реверсах стоял. На маневрах механик управлял одним главным двигателем, я другим.

При первом посещении Баку, однако, меня удивил не сам город. В архитектуре, в отличие от моих товарищ, я понимаю мало и по мне пока, что Баку, что Берлин. Удивило меня совсем другое. Удивило меня, как тесен мир. Встретил я на улице случайно школьного дружка - курсанта Бакинского высшего общевойскового училища Андрея Гаргалыка и девчонку из нашей же школы. В разных местах в один и тот же день. Бог с ней с девчонкой, не запомнил я ее, она школу заканчивала на три года раньше меня и в Баку была в командировке. А вот Андрей был мой приятель, дослужился он до полковника, вот только какой нынче стране служит, а может на пенсии?

Так вот, выбирая Каспий для прохождения плавпрактики, исходя из соображений, что побывать там больше не придется, я ошибался. Бывал я в Баку, бывал,....но уже после училища, транзитом на Иран. Так вот, товарищи курсанты, предусмотренную программой обучения плавательскую практику надо употреблять более рационально, в целях приобретения знаний по освоению обучаемой в училище специальности. Чтобы потом не пришлось пожалеть о напрасно потраченном времени.

Мой корвет, со звучным названием «Мир-Башир Касумов», у моих товарищ с суперсовременных дизель-электроходов спасателей, вызывает ироническую улыбку. При встречной волне балов в шесть на параллельных курсах «Атлант» обходит нас на средних ходах. Мы же при полной нагрузке на главные двигатели при таких погодных условиях развиваем узла три. Помощи, однако, мы не просим, хотя у судоводителей на мостице вид угрюмый и озабоченный. А помощи мы не просим, похоже, потому, что идем к причалу. В такую погоду нас

в море не выпускают. Однако выйти мы всегда успеваем в хорошую погоду, а там как получится. Зато товарищи мои живут в двух- и четырехместных каютах. А мое одиночество разделяют только тараканы. Еще уборщица иногда убирает у меня в каюте. Не помню, у кого я перенял благородную привычку при возвращении из города выгребать из карманов оставшуюся мелочь и выбрасывать под кровать. Да, в моей каюте обыкновенная панцирная кровать, которая принайтована к палубе, чтобы не кататься в шторм. Уборщица моей привычке возмущается на весь крейсер, однако денежек у меня под кроватью после очередного возвращения из увольнения на берег, не прибавляется.

Вообще-то у буксировщиков репутация отчаянных сорвиголов. Работают на них все чаще холостяки из глубинных территорий России, а на крановых судах - народ солидный - женатый по преимуществу из сельских районов республики. О себе, на вопрос кто откуда, с важным видом отвечают – Из районов.-

Чтобы это значило, я сразу взять в толк не могу. Спрашиваю исходя из своего разумения. Из каких населенных пунктов, ответ один - Из района. Такая вот местная терминология. Но после этого понимаешь, какой смысл можно вложить в выражение – товарищ из Центра. Надо думать - товарищ из-за Кавказского хребта. Выражение - попасть за границу на судне воспринимается исключительно как сбежать туда, в этот проклятый господом, рай. Мнение насчет солидности экипажа я пытаюсь разрушить, как могу. Со мной уже имел беседу помполит. На нашем плавсарае предусмотрена и такая должность. Бывший военный в качестве иллюстрации к проведенной со мной воспитательной беседе, после очередного увольнения на берег, привел высказывание Александра Васильевича Суворова о том, что кто не умеет повиноваться, тот никогда не научится повелевать. Хорошо было бы запомнить, а еще лучше усвоить, в дальнейшей жизни могло бы пригодиться. Встречал

я в жизни помполитов, в том числе и разных, но вот у этого мужика, что-то могло бы и получиться, только работать ему было не с кем. А у меня плавпрактика вскорости закончилась, и я вернулся в мореходку к своим командирам неисправленным.

Есть у меня на судне товарищ - судовой радист Витька Шленский. Умудрился вернуться с берега в женских трусах, а в город то ходили вместе. Но это обстоятельство прошло мимо внимания помpolitа. Сам Витька объяснений по этому случаю дать не может. А дело-то как было. Прибывают на плав практику два парня из ленинградской Вышки.

Все у них тип-топ, но как попали на Каспий, не поймут сами. Броде неполадили с командиром роты. Вечером вместе с Витькой Шленским, прихватив с собой ленинградцев, сходим на берег в районе Карадага, так кажется, называется один из пригородных поселков Баку. Погода и природа хороши настолько, что могу оценить даже я. Вокруг море винных ларьков, в которых оттягиваются члены экипажей судов Каспнефтефлота. Надо сказать, что атмосфера вокруг весьма доброжелательная, но вот девчонок – не увидишь. Восток-дело тонкое. И вот при таких обстоятельствах теряем мы Шленского. Появляется наутро в женских трусах. Удивил, однако, при таких-то обстоятельствах...

Всему приходит конец, приближается к концу и плавпрактика. Рассказывать, как судовые специалисты приобщали меня к кладезю знаний морской практики, не буду. Сами знаете, как это делается, кому понадобится, еще узнает, а остальным оно и вовсе ни к чему.

Списываемся мы со своих лайнеров, пора подумать, как возвращаться по домам, на носу у нас летний отпуск. Нет, мы совсем не против походить в моря, особенно куда-нибудь в Средиземку, но нет у нас ходу в Средиземку, да и люди возвращаются из своих трудовых отпусков, нужно высвобождать занимаемые нами позиции в судовых ролях, а практиканты на судах Каспнефтефлота, это вообще пустое место и бесплатная

рабочая сила. Без каких либо телодвижений с моей стороны, пришел моторист, которого я подменял на период учебной сессии в автотехникуме и очередного отпуска. Очень гордится собой, после техникума пойдет в ГАИ.

Я на судне вне штата, круглые сутки пишу отчет по практике. Мне намекают и очень прозрачно, что надо бы ежедневно выходить на работу, то есть четыре часа бесплатно работать за хлеб и воду, а остальные четыре часа, молодой человек, пожалуйста, можете писать отчет по практике. Спасибо большое, товарищ капитан Гамлет Гамлетович! Помощь, как обычно пришла, откуда совсем не ждешь. Сменился на судне старпом. Служил после мореходки в Каспийской военно-морской флотилии, что-то у него там не срослось, вступил он за меня.

А это означает, что эпопею со списанием мы затянули в самый раз.

Ох, как, оказалось, вовремя. Собрались мы в сиротском доме плавсостава Каспнефтефлота, просчитали складывающуюся оперативную обстановку. Как оказалось, в Баку попасть можно, а вот выехать отсюда никаких возможностей просто не существует. Билеты на железнодорожный транспорт можно приобрести только за 45 суток, притом с какими-то невозможными для преодоления препятствиями. Сидим мы в общежитии, проедаем свои денежки. Рыщем по городу в поисках возможностей выехать. На железнодорожном вокзале какие-то подозрительные личности пытаются завладеть нашими деньгами якобы, приобрести нам билеты. При этом премиальные ставки высоки настолько, что мы не решаем доверяться добром хотам. Предлагают обратиться к проводникам в день отправления поезда. Если бы не денежки, заработанные за счет отклонения от требований к плавательской практике, самое время на паперть.

В конце концов, вопрос разрешается, как обычно и было в нашей стране, – мир не без добрых людей. Нашли мы какой-то киоск по продаже авиабилетов, где вошли в наше положение и

мелкими группами отправили на «материк». Последним вылетел я, самолет оказался загружен на треть пассажировместимости.

Глава 4

Как прекрасен этот миг неповторимый....

Все стремительно и кардинально меняется. Мы это поняли, еще до того как приступили к занятиям, как только вернулись из отпусков. Оказывается, нам всем открыли «семафор» еще в мае и мы теперь полноправные граждане своего Отечества. Представьте себе в первых числах апреля нас всех на Каспий, а в мае – виза! Все в избытке чувств и только немного горчит, ведь могло же сложиться и иначе. Например, в апреле виза, в мае – в море. Ощущение такое, как будто обманула любимая девушка. Но мы-то, что это такое знаем только из литературы, Катерина – луч света, например. С этим делом у нас строго. Порножурналы мы еще не изучали – в связи с труднодоступностью. Саша Лушпаенко всех таких называет ... страдальцами. Саше, что – у него папа начальник таможни, да и на практике он ходил в Японию. А у меня там даже дедушка не воевал. А так, слов любви мы не знаем и преподаватели наши на эту тему ни гу-гу. Что-то за этой неопределенностью стоит. И это пугает. Интересно в каком-нибудь закрытом учебном заведении уделяют внимание подготовке своих питомцев к предстоящей самостоятельной жизни? Статус учебного заведения, вроде как, обязывает. Где только не доводилось обучаться, просвещением моим на этот счет никто не занимался. Но я то точно знаю, у меня все будет как надо. На общеучилищных построениях периодически мама с папой и дочерью кого-то высматривают среди курсантов. Что бы это значило, мы про-меж с собой не обсуждаем – неприлично, а догадки у каждого собственные. Наверно правильные, потому, что командир по-смеивается. Почему то считается ,что если невеста на выданье не причина для кулачных боев между местными ребятами, то самая перспективная кандидатура на роль жениха - это курсант. Ведь если на курсанта пожаловаться, ему закроют визу за аморальное поведение. Кто заступится, при наших женсове-

товских традициях, за курсанта. У начальства, ведь, тоже есть дочери? Да курсант только счастлив будет составить партию. Он потом еще благодарен будет. А если и нет, потом можно выгнать. Пострадавших перечислять не будем. У нас на «Хороле» был парень, третий штурман. Сначала женили, а потом, когда неотложные финансовые затруднения связанные с растратой были разрешены, обвинили в чрезмерных сексуальных притязаниях. Прикиньте, господа! Ладно бы в импотенции!

Извините, насчет женитьбы, мы придерживаемся несколько иной точки зрения. Легенда приписывает капитану первого ранга Рудометову ответ в адрес жалобщиков, что перед тем как ложиться с курсантом в постель, неплохо было бы получить на это разрешение. Если и не у начальника училища, то хотя бы у родителей. Это в смысле брачных перспектив. И тогда не было бы никакой необходимости в построениях для поисков потенциального жениха. А слышал я об этом от старшины роты. Афонькин врать не станет. Нужно сказать, что на моей памяти, построения эти так к никаким результатам и не привели. Училищ то в городе целых два, поди, разберись флагок у него на рукаве иль звезда рыбака. Все же делается на скорую руку. Это в смысле причин приведших к учинению дознания и розыска.

А вот курсанта надо бы не просто заманить, а захлопнуть дверь как мышеловку и ждать, когда начальник училища поаст в розыск. И вот тогда...

Искали как-то однажды и меня. Но не совсем, чтобы по тому же поводу. Но искали. И был я тогда, кажется на четвертом курсе. А причиной был совсем не я, а парень со второго курса судоводителей. Просто я оказался приметней – курсовок на рукаве больше, да ростом выше. Правда, согласно словесному портрету, еще говорили, что черный я. Так это совсем и неправда. Совсем никакой я и не черный. Ну, сами посудите, какой я черный. Взяли и обидели... Поныне не могу простить. Я вообще-то на службе был и посему на общее построение не попал. Афонькин за меня тоже обиделся и сказал, что у него

в роте таких нет. Объяснялся я с ним. Старшина сделал все правильно. На самом деле не я им был нужен. Потеряли девчонку, которая неполадила с родственниками и ушла из дома. Решила уехать к отцу, с которым мама в разводе. Удобно было подумать, что сбежала с курсантом. Куда бежать !?! Сестра разыскиваемой, из всех кого видела на «Ромашке», описала приметы, которые странным образом совпадали с приметами вящего покорного слуги. Спасибо старшине, избежал неприятных объяснений. Спасибо Коля! А разыскиваемая, пока следы ее искали в мореходке, сидела уже дома. Уж поинтересовался я при возможности. Прибегал парень с судоводов. Он то сразу понял, в чем дело. Был благодарен, что избежал паблисити и знакомства с возможными родственниками. Правило четвертое - стремитесь к просперити без паблисити.

А на Суворовской дефилируют курсанты четвертых курсов. Мы и парни из конкурирующей с нами мореходки. Надо понимать, что у наших соседей четвертый курс выпускной. Отблеск ореола их славы освящает и нас. И отметим особо, что в рыбтюльке мореходчики еще те. И, блин, девчонкам нравятся. Ну, мы тоже не лыком...

А с парнями, этими, еще не раз столкнемся в жизни, а и не один пуд соли..... как говорится. Многие из них окажутся в деле еще круче, чем сегодня выглядят на нашем Бродвее. В общем, на Суворовской полный атас. И мы тут же. У нас появились знатные морские рассказчики... Мне, наверно, одному нечего и рассказать. То чем я занимался на практике называть «ходждением в моря» язык не поворачивается, работой тоже не назовешь. Что касается ребят со спасателей - другое дело. Они могут хотя бы похвастаться, что ходили на новых судах. Но, однако, Азербайджан, при всей восточной экзотике, это вам не латинская Америка и даже не Турция. А народ то все больше про Лас-Пальмас да, про Санта-Круз. А рассказы то, рассказы... Про магазины тоже, и про пиво.

Ну, тут Мишка Масенков сориентировался быстро. Он

в Баку такое видел, такое.... например «Сикимаузхер – револьвер». Мишка готов биться об заклад на ящик пива, что никто и ничего такого не видел. Народ и сейчас при встречах вспоминает, как один из счастливчиков с вовремя открытым «семафором» стал тут же утверждать, что в Мексике в оружейной лавке и такой системы наган он видел. Вот так вот, дано же некоторым видеть то, чего в природе не существует. Встречал я парня этого где-то в Западной Европе. Первое, о чем попросил, так это не упоминать при посторонних, что заканчивал он нашу мореходку, потому, что объявился он уже выпускником одесской Вышки.

Кстати, невероятно коробит появившееся из небытия ныне выражение - «середка» «средуха». Из каких подворотен это пришло в наш быт? Еще пришлось услышать, как называют выпускников ускоренного курса Вышки «бройлерами» - это за сокращенный срок обучения. Особенно изощряются, и, надо сказать без особых к тому оснований, выпускники Одесского Высшего инженерного морского училища некогда им.Ленинского комсомола.

Напрасно салаги, изгаляетесь. На спецкурс приходили, было дело, с рабочими дипломами и капитанов дальнего плавания. Отдохнуть. А сам курс обучения, в том числе и по количеству лекционных часов и сданных экзаменов на отдельных специальностях, превышал по объему основной курс. Кто учился, тот знает. Другое дело, кто как учился. А сокращался курс обучения за счет исключения из него плавательской практики. Безболезненно можно было бы сократить с трех половиной лет и до полутора-двух. Интересно, кто готов принять зачет по плав практике у капитана дальнего плавания Сашки Иванова или главного механика Сашки Резника, а может у нашего старосты стармеха механика первого разряда Бори Грузденко. Фамилии не вымыщленные. Не Вы ли юноши , соплей на локоть не мотавшие.

Противниками дальнейшего сокращения сроков обучения

были, прежде всего преподаватели фундаментальных дисциплин, не без основания полагавшие, что в этом случае слушатели будут проходить только курс истории КПСС и марксистско-ленинской философии. Как оказалось, самые нужные для моряка знания. Вдруг решится, кто перейти на партполитработу! Специалист то – готовый! Правда, помполитов готовили тут же. После мореходного училища, при наличии партбилета и соответствующих рекомендаций, кажется восемь месяцев. Уж они то пользовались в Вышке непрекаемым авторитетом.

Помнится в журнале «Морской флот» один из таких бездумных апологетов приводил в качестве аргумента, что выпускники Вышки способны более грамотно заполнить судовой журнал. С чем Вас и поздравляю, господа. Меня вот русскому языку обучала Ульяна Трофимовна Танасогло. Видите ли, в начальной школе, правда, русской. И в школу меня отдали - я по русски - ни в зуб ногой. Как ни странно, никогда в жизни и ни у кого к исполненным мной документам претензий не возникало, в том числе и к судовым журналам. Учился я хорошо и грамматические ошибки в молодости допускал реже. Да и стиль с годами пострадал. К тому же, довелось заканчивать сначала нормальную мореходку. Нормальную. А вот высшую мореходку - опосля .Тогда и стал небрежнее. Хотя и то сказать, грамотеев хватает. Скептикам рекомендую обратиться к системе подготовки морских кадров в такой стране как Великобритания. А любителям отечественной морской истории, советую перечитать биографию полярного исследователя Седова, окончившего мореходные классы в Ростове на Дону, а затем экстерном, с присвоением звания морского поручика, сдавшего экзамены за курс Морского корпуса. А Морской корпус, в прежней России, был, что ни на есть, самым высшим морским учебным заведением. Наверно кухаркиным детям знать об этом было необязательно, вот в школе и не рассказывали. А мореходные классы, даже если они и высшие - это мореходное училище. Нормальное. Селекция в нем по другому меридиану,

чем в Вышке, и в этом печальная и сермяжная правда жизни.

И не надо надувать щеки по поводу того, что за последнее столетие энерговооруженность плавсредств стала иной. На этот счет особенно любят прохаживаться учащиеся судоводительских факультетов, притом, что их это должно было бы касаться в последнюю очередь. Дергай себе за рукоятку телефона, да гляди в «духовку». Водишь же авто на берегу, и чем джип шире, тем лучше! Промеж электриков, о том какая мореходка лучше, споров никогда не велось.

А во время второй мировой случалось через океан американские «либертосы» вели капитаны с Миссисипи, а на советские суда четвертых помощников готовили прямо на судне и за три месяца. Вот так вот. Честь и слава Героям. У кого от ужаса промокала рубашка, тому не до этой блажи. А работу, вот, господа знать надо. И это все. Тема закрыта, кроме одной незатейливой детали.

С незапамятных времен выпускников мореходок собирательно называют по городу, в котором находится мореходка. И становимся мы «ростовчанами», «херсонскими», «питерскими». Выпускников одесских мореходок называют одесситами. Коренные одесситы на это очень обижаются. Особенно те из них, кто заканчивал мореходку.

Думается, что из-за таких вод крутых выпускников. Спросите у Фотика Костанди.

Он лучше расскажет. Инженера-судомеханика Костанди Фотия Николаевича, что с Аркадии.

Дорогой читатель, если ты выпускник глубоко почитаемого мною Одесского Высшего инженерного морского училища, я приветствуя тебя. Я тоже учился с тобой в одной мореходке. Но из-за дурного характера, отнюдь не похвального поведения, а также и по воле превратностей судьбы свой первый диплом о высшем образовании я получу совсем в другом высшем морском учебном заведении. Но до этого еще очень далеко.

Теперь же давайте вернемся во времена благословенные и

на землю обетованную. На Суворовскую. И гуляют по Суворовской барышни. Мы на них заглядываемся. Вот только, похоже, замуж они хотят. Ну, как им объяснить, что мы еще очень юны для столь решительного шага. А большой безоглядной и чистой.... мы хотим, только после того как в подвалчик, что на углу Ушакова и Суворовской - очень винный, да по пятому разу. Вот такие сантименты. Видно рано нам еще. А у меня вообще все решено. Раз и навсегда. Женюсь я, когда небо рухнет на палубу и только на королеве. Но ребята постарше женятся. Заниматься обустройством личной жизни нам никто не мешает. Однако капитан первого ранга Рудометов на обще-училищных построениях по отцовски предостерегает, но кому шли на пользу коллективные нравоучения.

Уже когда все сражения были проиграны, а карточные долги по преимуществу розданы, я побывал в городе нашей юности еще один раз. . Это я вам скажу не Суворовская. Серая пыльная улица, по которой мчатся иномарки. Как тут не поклониться одесситам в ножки за их Дерибасовскую. А в наши-то времена, мы готовы были спорить со всем миром по поводу того, чья улица авантажней, и с одесситами тоже.

Разворачивается очередной учебный год. По прошествии почти полувека осталось ощущение, что накачивали нас знаниями, как индюков на убой орехамами. Может быть потому, что это первое учебное заведение, которое мне суждено было все таки закончить. Знающие люди утверждают, что это как первая любовь. Определенно, ощущение, что это как мощный пожарный гидрант на спасателе. Что-то подобное возникало на некоторых лекциях в Вышке. Но и в Вышке, и позднее в других учебных заведениях, предоставлены мы были сами себе. Не было существенных побудительных стимулов. Хошь учись, хошь нет. Нет желания учиться - в добрый путь. Курс известен. А может быть, это было только в нашей мореходке? Сохранились ли эти традиции? Говорят, Сашка Кондраев вернулся в мореходку, наставил двоек и опять подался в моря. Вопрос не

случаен, пришлось и преподавать. За что только не приходилось ставить положительные оценки. За то, что мама работает в училище, за то, что папа – в мясомолторге. Прости, господи. А, что было делать? Троек не ставить? Ставить пятерки? Это невозможно. Ведь абитуриенты на учебу отбирались по тому же принципу, то есть - мама, папа, а может еще чего. Хорошо еще, что не по цвету глаз с указанием национальности и наличия жилья, как в свое время в народные депутаты. В первую очередь - детей моряков, а под этой маркой - кого получится. Ну, прямо – детский дом. А училище призвано выпускать стране специалистов. Правда, нередко никому не нужных. Это при том, что, говорят, учитель я неплохой. За право присутствовать на моих занятиях по электрическим приводам преподаватели скидывались по три рубля. Спросите Юру Гнатюка, если ходите Серегу Самодурова. Не последние люди. Как принимающая сторона, стол накрывал я.

С родителями юных Магелланов знакомства я не вел, иных мотивов, кроме изложенных, для положительной оценки их знаний, у меня не было. Притом, что встречал среди Магелланов этих, на редкость светлые головы. Среди их родителей – тоже. Но все это еще нескоро.

А пока я только курсант четвертого курса средней мореходки едва умеющий объясняться по-английски, плохо умеющий сверлить, строгать, и вообще слабо представляющий, чем должен заниматься судовой электромеханик. И оно наверно хорошо, потому, что иначе видали бы вы меня здесь. Вот так вот. Это в Вышку можно привлечь рекламой, что выпускники – это высококвалифицированные морские инженеры широкого профиля и т.д. и т.п. А в средней мореходке это не катит. В мореходке для всех очевидно, что судовой электромеханик, это всегда квалифицированный электрослесарь и еще кой чего. Если, что не получается, слесарные работы помогут выполнить и механики. Если, конечно, не изображать из себя особо крупного интеллектуала в области эксплуатации судового

электрооборудования. Вот тогда все будет гораздо сложнее. И на помощь никто не придет и не поможет. И имейте в виду, что некоторые крупные специалисты, не совладавшие с училищной программой вполне, склонны называть теорией именно то, что на самом деле, часто имеет самое, что ни на есть прикладное и практическое значение. А посему учебную программу необходимо усваивать в полном объеме и со всем необходимым тщанием, не уповая на то, что достаточно уметь пользоваться гаечными ключами и отверткой. Особенно если Вы, молодой человек, обучаетесь в нормальной средней мореходке. В противном случае Вам, любезный, помочь никто не сможет, даже если Вы паинька. Такая у Вас, любезный, специальность. Судовых механиков, особенно в Вышке, всему этому достаточно много учат, они, однако, этому обучаются неважно. Потому что у них хлеб свой и выполнить свою работу, ни один серьезный специалист Вас просить не будет. Думать надо было, выбирая себе специальность. Теперь уже поздно. Утверждают это, имея в тумбочке диплом инженера-судомеханика. Если все это рассказать юноше, обдумывающему в жизни путь, в среднюю мореходку он пойдет только при крайне стесненных жизненных обстоятельствах. Встречаются, правда, уники. Все это очень хорошо знают и наши преподаватели. Интересно, а про меня они думали иначе? Сомневаюсь, однако. Да кто это сейчас и вспомнит? Разве только кто из однокашников.

В мореходке смешанная система обучения, то есть преподаватели, как в школе выставляют оценки, и никакая репутация при незнании предмета спаси не может. Это в высшем учебном заведении, случается, работаешь на зачетку, потом зачетка на тебя.

У нас спрятаться за зачеткой не представляется возможным, и приведу я тому печальный собственный пример. Пропустил я занятия по судовой электронике и электроавтоматике, кажется два или три раза кряду. Прихожу, весь при счастье, однако, оказывается, мои товарищи готовы к опросу не на много больше

меня, из чего следует, что будет морской бой. Это когда инициатива целиком в руках Леонида Ивановича Токарева и выбирает он ответчика, глядя не в замершую аудиторию, а в журнал успеваемости и посещаемости. Чтобы последующие события были понятней, необходимо предварить рассказ двумя обстоятельствами. Во-первых, мне в силу разных обстоятельств неоднократно приходилось морочить голову преподавателям, что позволяло иногда избегать немалых неприятностей. Но не у Леонида Ивановича Токарева. В предыдущем семестре у его предшественника проходило, а у Токарева не пробовал. И как оказалось, и не стоило..

И во-вторых - в мореходку и на радио- поступал я не совсем, чтобы совсем случайно. Занимался я до мореходки радиоэлектроникой, на уровне радиолюбительства начала пятидесятых годов. Чего я там изучал теперь уже, кроме трехэлектродной электронной лампы, мало, что и вспомню.

Так вот в этой самой трехэлектродной электронной лампе все и дело. К концу второго часа занятий Леонид Иванович решил провести контрольный опрос и задает вопрос по характеристикам этой самой лампы. Я же, рассчитывая на благодарное понимание моих товарищей, оказываюсь у доски. Мне кажется, что отвечать я вызвался добровольно, хотя дело это в принципе не меняет, так как я мог бы сразу сказать «не письменным», получить свою «пару» и не чинить препятствий продолжать экзекуцию. Как бы то ни было, оказываюсь я у доски и вспоминаю, что по поводу характеристик этой злополучной лампы в условиях температурного дрейфа говорится у американского университетского профессора по фамилии Гор. Был у меня такой учебник для аспирантов и заглядывал я в него чисто из любопытства. Слушал Леонид Иванович меня внимательно, пристально в глаза мне смотрел, а потом, вместе со звонком на перемену, молча поставил двойку. Как оказалось, ответ мой не имел ничего общего ни с тем, что у людей по этому поводу записано в конспектах, ни с тем, что спрашивал

Леонид Иванович.

Надо сказать ,морочить голову преподавателям я научился в совершенстве. Но позднее. Пусть они меня простят за это. Вот только, чтобы мне удавалось одурачивать докторов наук – такого, не помню. Не любили доктора советской выпечки, чтобы им морочили голову. Профессор Вульфович в таких случаях выбрасывал зачетку в дверь и кричал, что пиво кончилось, а ларек закрыт. Но оценку, почти всегда, ставил. Кто учился в Мурманске, тот должен помнить, что пивной ларек стоял возле Вышки у КПП №2. Очень уместно.

Нам, однако, проблем и без доктора физико-математических наук Вульфовича достаточно. В нашей в мореходке другие корифеи. Это Леонид Иванович Токарев и Валерий Васильевич Миронов, в курсантской среде известный как Битл ,по аналогии с известной группой «The Beatles» - электрические приводы, Шевцов Виктор Иванович, вел электрические машины, Михаил Александрович Федотко- широко известный за приверженность к изоляционным материалам на основе кремнийорганических соединений как «Миканит» - судовые электрические стации и сети.

Были и другие, не менее известные и достойные преподаватели. Но именно эти ковали из нас судовых электромехаников. И если из нас, что и получилось, то благодаря, прежде всего им. Докладываю, товарищи преподаватели, только я лично могу назвать двоих выпускников нашей роты, которые впоследствии поочередно стали руководителями службы электрооборудования и электроавтоматики одного из неслабых флотов. При этом, по специальности, которой Вы обучали этих парни больше нигде не учились. Незачем. Знаний полученных в средней мореходке оказалось достаточно. При известном самообразовании и упорстве, конечно. Тех самых условий, на которых на каждом занятии настаивал Михаил Александрович.

Учимся мы, сдаем зачеты. Надо сказать, что к третьему курсу столовая из подвалов первого учебного корпуса переди-

слоцировалась на второй этаж нового корпуса экипажа.

И наши предшественники начали переоборудование подвальных помещений в учебные лаборатории. На наш взгляд все было вполне благопристойно и современно. Не стоит забывать, с тех пор как я туда спускался последний раз, прошло почти полвека. По-моему, именно здесь впервые столкнулись мы с тестированием. То есть нужно было нажимать на какие-то кнопочки. Мы, безотносительно предыдущих успехов в учебе, мигом смиклили, что здесь нам не уха и тут вам совсем не там. Чудится мне, как сквозь сон, обыграли мы эти машины. Не так чисто как Каспаров, но обыграли. Расскажите, кто помнит лучше. Простите наш еще один раз, товарищи преподаватели. Так вот еще на третьем курсе к переоборудованию подвалов привлекались некоторые из наиболее подготовленных наших сокурсников. А на четвертом курсе, уже после плав практики, на нас руководство специальности уже смотрит как на вполне подготовленных специалистов, способных к самостоятельному производству электромонтажных работ. И вот достается мне вместо курсовой работы, вроде как по судовым электростанциям и сетям, смонтировать лабораторную работу под названием «Параллельная работа судовых генераторов постоянного тока». И теперь вместо заслуженного для старшекурсников послеобеденного отдыха, нужно из экипажа переться в первый учебный корпус. Вперед - в подвалы! Сверлить, пилить, строгать. Следует иметь в виду, что работы производятся в условиях строжайшего дефицита материалов, ошибаться нельзя, а посему кое-кому приходится непросто. Успеваю я к началу плавательской практики смонтировать цепи управления, а вот преобразователи, планируемые к использованию в качестве генераторов постоянного тока – нет. И причина, как вспоминается, совсем не в моей нерадивости. Преобразователи поступили в училище уже после экзаменационной сессии.

Уже вернувшись с практики, выслушал от Валеры Кацунина мнение его о моей бездарности ввиду того, что по-

сле монтажа и подключения под нагрузку преобразователи в параллель работать не смогли. Давай, Валера, я уже привык. Времени прошло много, но, как вспоминается, Валера говорил, что нагрузка между генераторами не перераспределялась, причиной чему, по его мнению, была ошибка в монтаже цепей управления. Что-либо опровергать не то, что сейчас, но и тогда было бессмысленно, так как ошибка в монтаже так никогда выявлена и не была... А я вот спустя три года с аналогичной проблемой столкнулся я еще один раз. На этот раз на судне, где состоял в долгожданной должности судового электромеханика. И показалось, мне в тот момент, что могла бы фортуна попридержать меня на прикупе еще немного.

Я бы с должностью подождал, только бы не попадать в эту историю, которая закончилась, к общему счастью, вполне благополучно, но седеть я начал рано. А было дело в 1972 году, осваивался экспериментальный маршрут порты Черного моря – порты Ирана, но не такой как для всех нормальных людей, через Суэцкий канал или вокруг Африки, а Волго-Донским каналом на Пехлеви и Ноушехр. Прошли мы каналы, место электромеханика у главного распределительного щита, не помню уже, был ли у этого судна центральный пост управления. Кажется, нет. Генераторы у меня, согласно правилам прохождения узкостей и для обеспечения резерва мощности - на всякий непредвиденный - в параллельной работе. В общем, насидался я, при прохождении каналов и шлюзований в машине, будь здоров. Вся электрослужба - один электромеханик, подменить некому. И говорит мне дед, шел бы ты парень отдохнуть, жара, на тебе и лица нет. Послушался я деда, вышел, отдохнул, то да се, выхожу на мостик, а нам на встречу танкер Каспийского пароходства. Судоводители о своем:

-Привет, привет, все хорошо, расходимся левыми бортами...

И тут на всем судне, на всех репитерах, в том числе подсветка на авторулем, начинает мигать как в американских

фильмах- катастрофах. Я в машинное отделение. Пока мчусь, отмечая про себя, что мигает все. Я к главному распределительному щиту, нагрузка между двумя параллельно работающими генераторами перераспределяется как на качелях, но общая нагрузка на электростанцию не превышает номинальной мощности одного дизель-генератора. И вспомнил я Валеру Калунина и свою лабораторку в подвале мореходки. Генераторы включены в параллельную работу согласно требованиям прохождения узкостей. И регуляторы напряжения у генераторов те самые РУНЫ. Перевел я экстренно нагрузку на один генератор, перевел на ручное управление. Дизеля оказались ни к черту, но просев почти до 47 герц, движок не остановился. Перевел я генераторы на ручное управление, подрегулировал обороты и на ручном управлении ввел вновь в параллельную работу. А судно наше, между делом, стало на якорь, также как и встречный танкер. Борт о борт. Вот такая рулетка. С причиной произошедшего на суде, я разобрался. В помещении, где были размещены эти самые доисторические угольные регуляторы, оказалась выключенной вентиляция, температура окружающей среды на уровне - человек может и выдержит, а вот сопротивление угольных столбиков регуляторов напряжения нестабильно, что и приводит к автоколебаниям при параллельной работе генераторов. Проверял, знаю. Это я к тому, что, чтобы лабораторная работа не пошла, ошибка в монтаже цепей управления совсем не обязательна, достаточно разброса механических характеристика двигателей и внешних характеристик генераторов. Да и начать проверку не мешало бы с проверки функциональных возможностей РУНов. Хотя, кто знает, я очень давно не судовой электромеханик и даже не начальник электрослужбы. А может, кто обнаружил эту злополучную ошибку в монтаже? Право слово, я не нарочно!

Но до этих событий еще три года, а в этом юном возрасте это так долго. И мы успешно сдаем экзамены и группами разъезжаемся на практику. Теперь уже, как полноценные гражда-

не нашего государства, из числа не пораженных в правах. Без визы остался один Леша Ермоленко. История его печальна. С Лешей я встречусь пять лет спустя в Мурманске и даже сходим мы с ним на одном электроходе на полгода в Арктику. Нет, ребята больше нашего Лешки. Снимите шляпы, господа!

На практику первыми выезжает группа в Азовское морское пароходство. Это в Жданов, кто забыл, напомним ныне - Мариуполь. Гуляй Поле рядом. Я в числе пионеров.

Едем мы, как водится, просто едем, хорошо и весело. За дуайена у нас Вася Золкин. Вася до мореходки ходил на судах Азовского морского пароходства и вообще он сам из этих махновских мест. Так, что все у нас должно быть в порядке. В поезде познакомились с двумя парнями из соседствующей мореходки. Два года проработали в рыбаках на Дальнем Востоке, третий и четвертый механики. Хотят перебраться ближе к дому, и едут в Жданов устраиваться на работу в пароходство. Согласны на любую должность. Мы призадумались. Очень хотелось проработать на практике если не электриками, то хотя бы мотористами. Надежды оказались напрасными и наши и этих ребят. А мне запала в голову еще одна мыслишка, не распределиться, ли после мореходки в Измаил, это вообще где-то за колхозными садами.

Межрайсовый дом отдыха моряков в Жданове набит людьми, как улей. Относятся все к нам просто замечательно. Но работы нет. Ни для нас, ни для штатных работников пароходства. Жрать тоже нечего. Каждый день изучаем пароходскую малотиражку с позициями судов в мире. Не идут суда в Жданов, в Союз тоже не торопятся. Зима еще не кончилась. Пурга, а я хожу по порту на редко приходящие суда, кто бы взял на судно практикантом. Случается часами ждать окончания маневров по швартовке. Ветер. На судах встречают, иногда накормят, но на практику взять не могут в соответствии с международными конвенциями - за недостаточностью спасательных мест. То есть количество мест в спасательных шлюпках строго соот-

ветствует количеству членов экипажа и все!....В конце концов, пошли в Жданов суда. С итальянской линии. Фрахт, однако, на перевозку угля между портами в Черном море. Новость крайне малоутешительная. Старые пароходы польской постройки, предназначенные по проекту для перевозки угля. Ходят, однако, в Италию. Но не сейчас. Сейчас товарищи - каботаж. В Поти и обратно, в Поти и обратно. Вот такая песня. И попали мы с Борей Щербаковым на старый угольщик «Михаил Лазарев». Запроектировано было судно под паровые котлы на угле, и отходило оно свой срок в Черноморском морском пароходстве в Одессе, после чего переоборудовали котлы под мазут, передали суда Азовскому морскому пароходству и нас с Борей послали сюда же уму разуму набираться, на постоянный ток. Электромехаником на судне выпускник из нашей мореходки. Боря помнит его по училищу. Я - нет. Ходим, мы по Черному морю, как по спальне собственной жены. Море штурмит, как теща ругается.

Понял я, что штурм легче переносится в ходовой рубке. Никто меня не гонит, все судоводители очень даже как-то рады, после вахты приглашают на кофе. Есть мужики из нашей мореходки. Но общий кумир на судне - чиф. Николай Григорьевич Потапов из одесской Вышки. Чиф счел необходимым всему меня научить, иначе буду я серый как штаны пожарника. Спрашиваю, не знаком ли он с капитаном третьего ранга Котельниковым. Нет, говорит, но хороших людей в мире много. Надо только приглядеться. Начали с руля. Стою я на руле, и спрашивает меня чиф, есть ли у меня девушка. Аж три. Три это хорошо. А сказал ли я своим девушкам, что меня направили на пароход младшим штурманом. Поняв, что озадачил, чиф назидательно поучает, а ведь надо было. Что же это за дела. Моряка женщины должны любить. Вон какой вымахал, а любить не за что. Он то всегда так делал.

Девчонки в школе и поныне по нему сохнут, замужем давно, а при встречах рыдают. Ходим мы по Черному морю четвер-

тую неделю, и говорит мне очередной раз на мостице Николай Григорьевич, что нечего нам отираться на старом угольщике, переговорил он по радио с отделом кадров, направят нас на океанский балкер «Златоуст». Живы ли Вы, Николай Григорьевич, привет Вам от младшего штурмана, если помните такого! А если не помните, то тоже привет, и спасибо за науку, и за хлеб, и дружбу. Я Николай Григорьевич выполнил все, как Вы велели.

В Жданове времени в обрез, нас списывают, в кармане три рубля, кто-то из экипажа впихнул в карман уже на трапе. Подходили к причалу специально сдать на берег курсантов. Добираемся до отдела кадров. Нами не то, чтобы были недовольны, но морока с нами. Выписывают мне направление на «Златоуст» и потерял я Борю в этот момент. Уехал он домой, к жене, а я в Новороссийск, куда и предписано «Златоусту». Говорил я, что нельзя меня оставлять одного. Ко мне и позже надо было приставлять двоих замполитов, а тут из Жданова в Новороссийск, и это с тремя рублями в кармане. Еду я значит на второй полке, не изменяет память, общего вагона. Там меня и нашли попутчики, молодые мужики, откуда-то с Кавказа. В те времена мы страдали предрассудками гораздо меньше. Накормили меня они и обогрели. Маршрута, как добирался до Новороссийска, я не помню. А в Новороссийске бора. И крутая, я Вам скажу, бора. Не первый день и дуть будет необычно долго. Добрался я с рублем в кармане до морвокзала. Добрые люди объяснили, что стоит там дебаркадер для несчастных вроде меня. А вот, что надо бы обратиться в трансфлот, в связи с тем, что в кармане у меня дыра, никто не объяснял. Слыхал я, правда, что ходили туда мужики и вроде как безуспешно. Может, кто соврал или чего я не так понял. Но я уже, откуда-то, знал, что есть на дебаркадере тепловой узел и оказался к тому же там машинист, который постелил мне фуфайку. Там, мужики, проживающие на дебаркадере в ожидании своих судов, меня и нашли. Кто-то дня за три оплатил за койко-место и хлеб с водой у меня были.

Я не помню, чтобы была явная угроза выселения, но дежурные бабки вроде с оплатой приставали, что у окружающих вызывало бурю гнева. Сейчас это точно не помогло бы. Отлеживалась бы в тепловом узле. Дней через десять на мой дебаркадер вваливаются еще трое из нашей мореходки- механики курсом младше. Направление у них на судно, на то самое, куда меня не взяли в Жданове по причине недостаточности спасательных мест в шлюпках. Говорю я им, не прокатит у вас, ребята. Не верит мне никто, ну да и ладно. Ни сил, ни желания спорить с умными нет. К концу второй недели Великого сидения, утихает бора, с рейдом открывается сообщение. Появляется друг мой Боря, который благополучно побывал дома и мы с ним на рейдовом катере - на «Златоуст». Наутро, как в сказке, ветер прекращается полностью, и мы становимся под погрузку зерном на Гамбург. Перед самым отходом появляются наши практиканты - механики, поскольку прав я был насчет спасательных мест, которых на «Златоусте» в избытке. Грузимся в Союзе, как обычно неделю, и то сказать двадцать две тысячи тонн дедвейта, под выгрузкой в Гамбурге стоим сутки. Нужно еще провести частичную моточистку главного двигателя. А движок главный у нас «Цегельский-Зульцер» тягой в девять тысяч шестьсот лошадей. Больше тысячи лошадиных сил на один цилиндр. В Гамбурге каждый практикант чистит по цилиндуру. Мне, кажется, я и сейчас свободно поместился бы в этом цилиндре. На судне ремонтная бригада в составе ремонтного механика и четырех «негров».

Руководит преисподней дед - из нашей мореходки. Механики у него все инженеры, но дед авторитет непрекаемый. Электромеханик из Ленинградской Вышки, занимается с нами как с родными племянниками. И вообще в нынешние времена такое отношение к кадетам в диковинку. Было дело, знаю – расследовал в водной прокуратуре. Успеваем в город – вувзение. Маршрут крайне прост - в «Московит», «Франтек» и «Контек». Мир тесен. Выбираю джинсы, продавец требует

двадцать марок. У меня только осталось только восемнадцать. Разговорились, старый еврей оказывается родом из Одессы.

- Студент? И откуда это? О, из Херсона, да это же с Чумки в Одессе видно! А сам откуда? Из Комрата? О... да ваши гагузы семь шкур с меня драли за овчины. Знаю я вас, забирай свои джинсы. Восемнадцать марок, говоришь, ну тогда получи сдачи.

- Какие сдачи??!!

- Вы молодой человек, получите сдачи и не забудьте купить маме подарок и передайте всем привет от старого Яши. И не забудьте сказать, чтобы занялись Вашим воспитанием. Неприлично старшим указывать!

Вот так вот, купил я джинсы, четыре метра гипюра и маме открытки с видами Германии. Гипюр я продам в Новороссийске, и будет у меня, быть может, рублей шестьдесят, а может еще чего. И гипюр, товарищ БХСС я покупал специально для последующей перепродажи. На лицо законченный состав преступления, предусмотренный статьей 154 УК РСФСР. Вот так вот - спекулянт я. Нам товарищ БХСС всего этого не объясняли. Еще не объясняли ни нам, ни Вам, что и заработка плата у матроса была примерно как у уборщицы в конторе, это если уборщица не спала с обитателем кабинета. При визировании на парткоме, любили задавать вопросы о благосостоянии советского человека, и матроса можно было поставить вровень с секретарем райкома. И жилье у него бесплатное, и харч у него бесплатный. И зарплату в валюте, целых восемнадцать ам. долларов он получает. Почти как на срочной службе, если не считать еще зарплату в восемьдесят рублей. Или как в тюрьме, это если без зарплаты и валюты. Но если все это подробно, внятно и понятно разъяснить, да чтобы до каждого дошло, то разве будет конкурс в мореходку как во ВГИК? У практиканта денежное содержание в валюте составляет половину денежного оклада матроса второго класса. А шесть рублей стипендии мы потратили еще по дороге на практику. Да бог с ними, с бабками

этими. А вот заглянуть за край, увидеть то, что не каждому... это здорово. Особенно, когда тебе девятнадцать.

Идем мы из Гамбурга за рудой на остров святой Тамары, а это Экваториальная Гвинея, в аккурат, где погубил я свой эсминец при неудачной прокладке курса на ВМП. Второй помощник капитана Виктор Петрович Финк, мир тесен, помнит он Потапова Николая Григорьевича по мореходке, между делом рассказал мне о правилах плавания в этом районе, посмеялся и потребовал, чтобы я непременно попросился на пересдачу по курсу кораблевождения. Не понадобилось, по курсу кораблевождения у нас было «зачет», «незачет», а по ВМП у меня и так пятерка. Швартуемся к рудной эстакаде. А больше ничего поблизости нет. Эстакаду строили японцы, на этот раз помполит о возможных провокациях со стороны международных империалистов и сионистов не инструктирует, но предупреждает, что все местные женщины страдают разными нехорошими болезнями. Похоже, режим содержания обещает быть щадящим. Все старые носки и рубашки мигом обменяли на кокосы и бананы.

Народ собрался на прогулку в джунгли. Ну да, в джунгли. Видать никто раньше не пробовал. Больше не захотят. Ушли все во главе с помполитом. Ох, и интересный был военный, но об этом позже. Я припозднился, но, пока наши были еще в зоне прямой видимости, с ведома вахтенного помощника, помчался я следом. Лучше бы я этого не делал. И совсем не потому, что из джунглей потом пришлось выбираться вптымах. А догонял я своих по селению, которое прямо как в учебниках по географии,- хижины накрытые пальмовыми листьями. И говорили же на судне электрики, что бабы в Экваториальной Гвинее, предмет гордости всей Африки. И увидел я, мужики, голую бабу. Не врали. Первый раз в жизни вижу совершенно обнаженную женщину, стоит она перед входом в хижину, приглашает к себе и показывает, типа неплохо бы и покурить. Какой-никакой опыт обращения с противоположным полом у

меня уже был. И посему обращение это было вполне по адресу. Я ,мужики, не испугался, что меня съедят на ужин, к этому времени я познакомился с тезкой - местным аборигеном - электриком с эстакады, обучался он в учебном центре при нашем посольстве в Конакри. Понял я, ребята эти каннибализмом не увлекаются, и болезней дурных я не испугался, а испугался я и стыдно мне даже очень за это - потерять визу. И мучился я от стыда своего весь переход от Святой Тамары до самого города Николаева. А джунгли, что. Так пустяк. Ничего хорошего, выбираться только очень сложно. Больше не пойду.

В Николаеве списываются наши практиканты-механики, остаюсь я в кадетской каюте королем, Боря живет в двухместной- с электриком. Парень из того самого Энгельса, где во время войны в учебном полку был мой отец.

И приходит к нам на пароход в Николаеве второй помощник из наших придурков. Во-первых, до мореходки ходил себе электриком, так нет же, заканчивал на судовождении, во-вторых стихи пишет, стопудовый антисоветчик. Как сейчас помню:

*Не хочу романтики, не хочу чудес,
А хочу я женищину, чтоб была как бес,
Чтоб трещали кости, чтоб хрустел хребет,
Чтоб стеналя, милее тебя нет*

Вот так вот. Дальше я не запомнил. Так и это не все. Лет ему около тридцати, ушел он вечером в город, а приходит утром с девчушкой лет шестнадцати-семнадцати. Забрал со школьного выпускного бала. Решил обзавестись семьей. Объявил официально - женится. Такой вот диссидент. Все судовые дамы из колбасного переулка от возмущения вне себя - мало ему незамужних на пароходе, да и по возрасту больше подходит. Так вот и я туда же, только с другой стороны. Встречаюсь с этой барышней поутру на палубе, она ко мне и на ты.... типа ты бы, то с нами в город,...то да се.... Вова сказал, что ты с ним из

одной мореходки. Так я ее и направил, объяснив, что старше ее я больше чем на два года и практикант я предвыпускного курса, и ей ложкомойке- в перспективе, вообще ко мне следовало бы на Вы. Вот такой я гад. Боря ты помнишь эту историю, чем она закончилась? А негритяночка все в голове была...

Загрузились мы после руды чугунными чушками да на Роттердам. В Роттердаме очередная моточистка вперемежку с «Франтеками» и «Контеками». В моточистке я не участвую, расскажу позднее.

Однако, мне думать надо, плавпрактика последняя и надо шмоток, то есть одежду себе приобретать, так как забота о курсантах заканчивается с момента выдачи диплома. И в этот день в училище уже не кормят ,а вместе с подъемными выдают суточные и будь здоров - в дорогу! Помните? Хочешь в шинели курсантской, хочешь в бушлате... Так то. Говорил же Николай Григорьевич, такой большой, а любить не за что. Я и про негритянку с острова Святой Тамары, забывать стал.

Прознали про мою беду члены машинной команды

- Витька, нет проблем. Кати к помполиту, скажи, что мы дадим тебе денег на одежду. Потом рассчитаемся. Когда потом? Когда вырастешь.

Весь вдохновленный и воодушевленный я поднимаюсь к помполиту. Что-то тормозит меня, но понять не могу, что. Но идти к этому кровососу надо, потому, что по прибытии в Союз, а может и быть и раньше, придется отчитаться до последнего гульдена и цента. И откуда молодой человек у Вас денежка появилась? Уж не Родину ли Вы часом...?

Стучу дверь соответствующей каюты. Не помню, как звали этого военного. Ни к чему.

И говорю я ему так и так, надо бы мне к выпускку купить это самое пальто из болонии, не в чем на выпуск выходить из училища. Мужики денег дать обещали. Я все по-честному, и со всеми рассчитываюсь и чтобы по закону... Но разрешение, на случай проблем с властями, нужно Ваше. И, представьте себе,

что ответил мне ишак этот.

- А Вы, что молодой человек, разбогатеть решили. Вдруг и сразу?

Как ушел я от помполита этого комнатного, не помню, но слов его не забыл. Придет время, отвечу я ему сполна и при молчаливом одобрении капитана. Уходим мы из Роттердама, так теперь в голове у меня кроме негритянки еще и пальто. Ну да ладно. Крейсерский ход у нас порожнем через океан на Кубу узлов тринадцать, идем недели две. Это потом я буду ходить в моря по полгода на промысле, а сейчас ощущения очень даже необычные. Помполит постоянно настраивает судовую трансляцию на Москву, а через два часа все равно звучит «Голос Америки».

Приходим в Сиенфуэгос ранним утром, по судовой трансляции местное радио, музыка -никогда и нигде такого саунда слышать не приходилось. Погода с утра на изумление. Это к обеду солнце закроет туман от испарений. Хочется в город. В город никто не хочет. Покупать на Кубе оказывается нечего. А в джунгли ходили на острове Святой Тамары в предыдущем рейсе. Хватило. Грузимся сахаром-сырцом. Вдруг вызывают к капитану судового электромеханика. Через минут десять к судовому электромеханику - практикантов. Оказывается, терпит бедствие болгарский рефрижератор николаевской постройки «Хан Омуртаг». Электромеханика с практикантами на помощь болгарским братьям. Меня вообще распирает от гордости, у меня же половина родственников болгары. Советские.

Рано, оказалось, распирает. Но об чуть-чуть позже. Нам собраться, пять минут. Помогает боцман. В общем, болгарин стоит тут же неподалеку. А пробило у него дейдвудный подшипник, забортная вода поступает отсек гребного электродвигателя. Судно лишилось хода. Болгары устраниют водотечность, а что делать с гребным двигателем никто не знает. Никто не знает, а электромеханик Чечерин, такая была фамилия у нашего шефа, знает.

А мы умеем потому, что нам не страшно и заканчиваем мы мореходку. Промыли гребной электродвигатель горячей пресной водой, пропарили паром. А потом в двигатель, да именно в гребной двигатель, который оказывается двухякорным, про-меж якорей полез практикант Гринько. И подавал ему краско-пульпы заправленные авиационным бензином электромеханик Чечерин, а практикант Гринько промывал обмотки этим самым бензином. Час за часом. А брат болгарин - старший электромеханик рефрижератора, держит переноску, чтобы практиканту было светло работать. И так пять часов кряду. Стеклянный плафон электрического переносного светильника не лопнул, бензин не воспламенился и никто не сгорел.

Через пять часов, после начала проведения аварийных работ на гребном электродвигателе, вытащили меня на палубу и стали отпаивать молоком. Не знаю чем меня рвало, но цвет был розовый. Отлежался я в тенечке, кругом меня братья болгары. И спрашивает, то ли их помполит, то ли секретарь их парторганизации, и что это я так подозрительно похож на болгарина. И говорю я ему, что мама моя наполовину болгарка наполовину гагаузка. Народу сочувствующего мне было вокруг навалом, тут как корова языком слизала. Увел нас шеф наш назад на «Златоуст». Приходили вечером болгары с коньяком и рассказали в двух словах про коммуниста-интернационалиста Тодора Живкова. Лучше было бы мне про этого хорошего человека ничего и не слышать. Как и про Чаушеску. Иногда звонят из Московских представительств болгарских фирм бывшие наши сограждане, не разговариваю я с ними. Рекомендую обращаться в страны НАТО. Националист я. Русский.

Заполнили семь огромных трюмов наших сахаром сырцом, и пошли мы на Родину. В Новороссийск. Дней через пять после выхода из Сиенчуэгоса пришла радиограмма сначала с рефрижератора а потом и от болгарского морского пароходства ,что аварийно спасательная группа с советского корабля «Златоуст» в соответствии с предусмотренными процедурами будет

представлена к поощрению, а может к награждению. Формулировку не помню. Времени прошло много, да не так я и силен в болгарском. Особенно теперь, когда очки свои нахожу с трудом. Болгары свое слово сдержали.

Приходим в Новороссийск, списываемся с судна, а отпуск то, отпуск то на исходе..... Чувствую, профукаю я свою болгарскую награду. Я даже уверен в этом. Борьку жалко. Может быть, ему сейчас и понадобилась бы при оформлении пенсии? А у меня есть другие награды.

Почему телеграмма исходила из Болгарского морского пароходства я не знаю. Когда четыре года спустя был в болгарском Бургасе, видел я там болгарское рыбопромысловое Странство. Прямо неподалеку от причалов. Может, было учреждено позднее описанных мной событий - не знаю.

Хотел я главу эту назвать- Женихи. Вроде бы так везде называют четверокурсников. И нашим орлам некоторым это импонировало. Да не нравится мне это слово. Долго думал, откуда бы этот термин мог произрастать, потом вдруг осенило. Английское *bachelor* имеет два смысловых значения - *unmarried man*, то есть холостяк и *first university degree*, то есть бакалавр. Хотя какие мы к черту бакалавры. Так, женишки.

Глава 5 Последний парад.

Наш «пожиратель пространств» прет по Атлантике к Гибралтару. Народ мечтает о Лас-Пальмасе. Было бы неплохо. Там пальто, так в наше время порт этот на перекрестке морских путей и называли - Лас-Пальтугас. А пока вокруг Океан. Кто не видел, не объяснить. Тут брат, талант нужен. Про Океан и любовь не написал еще никто. Не случайно и в мореходке на эти темы наши преподаватели не распространяются. От болгар пришла телеграмма, следом за нами они тоже снялись домой на Варну. Надо понимать на малых ходах, пока выведут гребной на рабочие характеристики. Шеф наш горд. Мужик он питерский, эмоции особо не проявляет. Ну, мы то с Борей – именинники. Боря все больше про меня. Судно идет в Новороссийск, а потом короткий рейс и кажется - на гарантийный ремонт в Польшу. Нам с Борей предложено, на выбор кто хочет, можно остаться на короткий рейс штатным электриком. Списывается Володя Королев. Володя выпускник Одесской Вышки добирает плавцэнз. Всеобщий любимец и светлая голова, при желании давно ходил бы электромехаником, но нет в нем особого честолюбия. Нет в нем сомнений, что будет у него все в порядке. В свое время или немного погодя. Человек он неспешный. Так оно и случится. Моторист у нас есть, тоже из Вышки, выпускался на год позже. Тоже не спешит. После рейса остается четвертым механиком. Идея остаться на судне для меня заманчива почти также как и негритяночка на острове. Так ведь никто гарантировать, что рейс будет месяц- полтора, не может. Можно вообще не списываться до следующего лета, а потом вернуться в мореходку и закончить учебу в той же роте, только курсом младше. После этого можно рассчитывать на работу в Азовском пароходстве и быстрый карьерный рост. Пусть и не на нашем судне, наш «пожиратель пространства» уж очень велик, а международные конвенции предусматрива-

ют к соискателям на офицерские должности определенные квалификационные требования. Выпускник, не выплавивший определенный ценз в должности судового электромеханика, таким требованиям не соответствует. И рабочий диплом нужно сменить на второй разряд. Так что сразу после выпуска рассчитывать на должность электромеханика на «Златоусте» не мечтай. А мы и не мечтаем, все у нас будет своевременно или чуть позже. Досрочно хороши только воинские звания. Девчонкам нравится. На «Златоусте» в двадцать лет судовым электриком – в самый раз. В безвыходной ситуации представимся младшим штурманом, уроки Николая Григорьевича не пропали даром. Однако за несвоевременное возвращение с практики могут отчислить из училища и тогда точно - прощай Атлантика. Так, что от столь лестного предложения приходится отказаться. Ох, и долго оно потом будет вспоминаться. И манить будет своей несбыточностью как негритяночка в африканских джунглях, которая и десятилетия спустя иногда приходит по ночам. И на, что только были потрачены усилия моих воспитателей?

На судне подарок Уральского Златоуста - шикарная библиотека. На судах я таких больше не ходил и судовых библиотек таких тоже не видел. Разве, что в гостях... Восполняю свои недостатки в воспитании и образовании . И про театр читаю тоже. Надо сказать, что экипаж у нас как на подбор. Экипажей таких я тоже больше не встречал. Судовой токарь , «негр» из ремонтной бригады, вообще профессиональный актер – может читать классиков и современных авторов часами - были бы слушатели.

Народ развлекается, как может. Моторист с вахты второго механика прошлым вечером прошелся по коридору жилой палубы команды в женских колготках «на босу ногу». Колготки в Роттердаме покупал жене. Визг и хохот. Народ выглядывает из кают, но кто не успел, тот опоздал. Стриптиз вообще развлечение не для всех.

В Измаиле у помполита работы политвоспитательной хва-

тило бы до конца рейса. А там глядишь и в политдонесении отмечал бы. А наш военный не отреагировал. Видно не дошло до него. Агентурное обеспечение неважное. Об этом могу судить и по некоторым другим признакам. Когда мужики предлагали мне денежку на пальто, гульдены я видел еще до того, как третий помощник открыл судовую кассу и выдал нам наши слезы. Военный не отреагировал. А у вооруженного отряда партии с этим делом было строго. Застал, знаю.

Однако скоро и Атлантика останется за кормой. Приближаемся к Канарам. А у нас оказывается, вся питьевая вода ушла. Как ушла? Вот так и ушла. Куда, куда - за борт. Володя Королев отзывает меня в сторонку и предупреждает, что при подобных обстоятельствах нельзя ни вопросы задавать, ни разговор поддерживать. Нужно сказать, что болит голова, понос, все что угодно. Отойти в сторонку и забыть, что вообще кто-то на эту тему заговаривал. У Володи школа. Отец - герой войны, побывал в плену, за что впоследствии и был выселен вместе с семьей из Калининграда областного- приграничной зона, и переехал в Калининград подмосковный- там режим попроще.. Мне повторять не нужно. Первый раз меня уже предупредили лет в пять или еще раньше, когда я еще в кроватку писался. Точно не упомню. Собрали экипаж в актовом зале – это же и судовой кинотеатр, на старшем механике лица нет. Из услышанного, следует, что судовая администрация пришла к выводам, что питьевая вода выпущена за борт умышленно. Разбирательства не будет, но и запрос на заход в Лас-Пальмас делать не будет, проходим мимо. Рекомендовано прикусить язык, а в пищу употреблять будем воду собственного производства из опреснителей. Так вот, благодарите умельцев. Пил я воду эту потом и месяцами. Ничего хорошего, но что делать. Всем хотелось в Лас-Пальмас. Не попали, а жаль. И вообще, на Канарах я так и не побываю. Никогда, а как хотелось! Заодно и пальто бы купил, на этот раз валюты у меня хватило бы...

Однако, на этот раз, похоже, на Канары было не попасть ни

при каких обстоятельствах, а причина тому совсем даже другая. Везли мы с Кубы пассажира с женой и ребенком. Возвращался на Родину какой-то чин, его то на судне похоже и остерьгались. Разговаривал я с ним в Новороссийске, помог с вещами до гостиницы, а потом и на поезд. Правда помощников на поезд было достаточно и без меня. Ребята в пиджаках и в галстуках. Но человек просил, я и пришел. Понравилось ему у нас на судне. И экипаж ему понравился. Жалко не доведется больше через океан на пароходе. Но вот только ему, видите ли, тоже не нравится, что в мореходке образование дают не высшее. Он не против помочь, если я хочу учиться в Москве. Не готов был я к такому предложению. В Москве учился я, но много позже и, похоже, не совсем по тому профилю.

Ну, это потом, а пока еще в море мы и Канары остаются в далекой дымке по правому борту, и я понимаю неотвратимо, что негритянку надо забыть, а думать надо про пальто. Не то Саша Лушпаенко будет обзвывать ... страдальцем. А знающие люди, между тем, говорят мне, что капитан покупал такое пальто.

И с уверенностью утверждают, что командир пальто брал на продажу. Мне идея эта не очень, и есть тому причина. Где капитан и где я, посудите сами. Я капитана и видел то не каждый день, несмотря на то, что отидался на мостице у штурманов постоянно. Командир на мостик - я прочь, чтобы не видел он морду поганую мою. Вдруг не понравится. Но было одно обстоятельство, и оно оставляло надежду. Дело в том, что судно наше проектировалось с учетом последних достижений современной технической мысли, и что вступало в определенные противоречия с возможностями Народной Польши для их полноценной реализации. Не берусь судить в правомерности технических решений, которые использовались при создании элементной базы электрических систем судна, в том смысле, что решения эти копировали Западные, то есть украдены, и база эта самая – элементная, была очень далека от совершен-

ства, потому, что на самом деле была не очень удачной попыткой воспроизвести западные технологии в Польше, в стране в которой у меня оказалось столько друзей и родственников.

Так вот, значитца, в порядке реализации этих самых передовых идей, на судне были установлены автоматизированные швартовные лебедки. По три лебедки по каждому борту - на баке, на корме и по миделю. По замыслу проектировщиков, вроде бы достаточно зацепиться швартовами за причал, и лебедки сами подтянут судно к причалу. Ну, это самый экстремальный случай. А так, стоит судно у причала под погрузо-разгрузочными операциями, естественно, что высота надводной части борта меняется и палубной команде постоянно нужно потравливать или выбирать швартовные концы. А здесся и не надо ничего. Швартовы, по необходимости, автоматически потравливаются или выбираются. То же самое- при приливах и отливах. У нашей палубной команды эксплуатация этих лебедок почему-то вызывала затруднения. Не любил народ эти лебедки. А тут как тут, практикант. И справляется дурашка со всем этим так здорово. Справляется. До поры - до времени. Так, вроде, сам вызвался. Кто теперь вспомнит? Грешным делом подумалось, что не хотели просто люди возиться с этими лебедками. Но с другой стороны - боцман мужик был не такой. И помощником у боцмана мой тезка - парень из Ростовской мореходки, ходил вторым помощником на рыбаках, разжалован, и тоже не такой. Ему загубленную карьеру восстанавливать, а не филонить. Ну, короче, что-то было в лебедках этих, такое, что люди боялись этих лебедок. Придет время, пойму.

Ну, и вот силу всех обстоятельств по совокупности, включили меня в швартовную команду, и определили по авралам на швартовки носовую лебедку. Она почему-то считалась самой сложной. И считалось, что я с ней справлюсь, а больше и некому. Люди часто переоценивали мои способности. Меня и сейчас переоценивают. В основном друзья. Если я сам тому виной, пусть меня все простят. Короче, идем мы в Роттердаме

к причалу. Доки в порту узкие, судно на судне. У нас максимальная длина, если не изменяет память, двести пятнадцать метров корпуса. У кого память лучше, поправьте. Впереди буксир, по корме - два. Швартовная команда по местам, лоцман на мостице. Пацаны, мы рвемся к причалу. Мама родная, между двух судов по правому борту для нас прореха в метров двести тридцать, Точнее не скажу, сами поймете почему. Мне и сейчас кажется, что швартовной команде было не по себе. Чувствуем буксиры с нами не управляются... Швартовы- металлические тросы толще руки взрослого мужчины. Как только трос с барабана моей лебедки заведут на кнехт, мне нужно мгновенно поставить его на автоматический режим и затем, увеличивая тяговое усилие лебедки, в помочь буксирам, сначала остановить, а потом подтянуть судно к причалу.

На этом же принципе основана работа хорошей боксирной лебедки, так же работает современная ваерная лебедка. За исключением маленького пустячка. На автоматический режим они переводятся в состоянии статической нагрузки на барабаны. Да и элементная база, наверно, не польского производства конца шестидесятых. Это как гиревые весы, что в магазине. После остановки чаши весов вы можете увеличить либо уменьшить количество замеряемого товара. А до этого ни-ни. Ну, короче завели швартов на кнехт, тридцать тысяч тонн балкера в грузу продолжают двигаться прежнем направлении. Секунды растянулись в десятилетия, я помню все как сейчас. До судна у причала уже и доплюнуть могу. Похоже, швартов завели поздно. Не твое дело, пацан. Что происходит на мостице, слышно на всю палубу, а может и на весь порт. А происходит там неладное, заволновался лоцман. Такое происходит нечасто. Капитан на бак боцману, третьему помощнику и всем, кто там есть - а это значит мне, принять нагрузку на носовую швартовную лебедку, да поживей, мать вашу.... Если уж капитан Землянов заговорил в таком тоне, то надо решаться. Включаю я лебедку, выбираю слабину швартова и пытаюсь

перевести лебедку в автоматический режим, для чего сначала уравнять скорость потравливания швартова со скоростью движения судна, чтобы стрелка нагрузки на швартов хотя бы на мгновение остановилась, после чего совместить стрелки измеряемой и задаваемой нагрузок и сразу переключить лебедку в автоматический режим. То есть уравновесить чаши весов, гири с одной стороны и конфеты или селедка – с другой. Получалось, же, и всегда достаточно ловко. Всегда, но не сегодня. Все мои попытки уравнять скорости ни к чему не приводят. И сейчас иногда вижу во сне. Швартов свободно провисает и указатель нагрузки на нуле, пытаюсь выбрать слабину, швартов набивается и трещит – стрелка на циферблате мгновенно зашкаливает. В крайних положениях стрелки, лебедка на автомат не переводится, лебедка просто стопорится, чего допускать нельзя, - я это знаю, потому, что швартов убьется. Раз за разом, как в кошмарном сне, перевожу лебедку на автомат. Все тщетно. Шума на мостице все больше. Я уже в третий раз даю слабину швартову, затем выбираю. Стрелка нагрузок пляшет от нуля до максимально запредельного и обратно. Не поймать мне ее, это я понимаю со всей ясностью. Поймать ее мне не удается. На мостице паника, и вижу я краем глаза как с левого борта по корме приближается шведский танкер - газовоз. Похоже женский экипаж, на палубе одни девчонки. Машут руками. В другое бы время девчонки, а сейчас мы можем только изжариться на вашем газе. Вместе с вами. Надо что-то делать, а в таких случаях я всегда что-то делаю. Что-нибудь. Может быть, совсем и не то, что следовало бы, а то, что в сию минуту мне кажется правильным. Потом меня можно будет за это и осудить. Кому - всегда найдется.

Перевожу я лебедку очередной раз в автоматический режим, теперь уже не особенно заботясь о совмещении стрелок, и как водится со всеми возможными неблагоприятными последствиями. Становится лебедка на стопор, а швартов уился. Кто видел, что это такое, состояние окружающих поймет. Помню

как сейчас, от троса пар и кажется дым, трос трещит и звенит как струна Страдивари, а потом хлопок как от подствольного гранатомета, только громче, одновременно, как стрелы Чингизхана, туча игл сантиметров по полтора, а потом и обрывок швартовного конца, который с барабане. Никого не зацепило. Был в иглах я как еж. Странно, но в глаза не попало.... Воз наш, однако, остановился.

Это, пока я возился с носовой лебедкой, завели кормовые концы, которые вместе с буксирами и погасили остаточную инерцию судна. Пришвартовались мы как сумели. Отправил боцман меня с глаз долой отдохнуть. Какой тут отдых. Пошел я на корму. Сижу себе, никого не трогаю. Кисло, однако. Шутники из машины, подначивают, что скинутся на новый трос. Между прочим, стоит огромных денег. Оказывается, по судовой трансляции капитан вызывает меня на мостик. Не слышу я. Капитан сам спустился на корму. Вид у него неважный. Спрашивает, и чего теперь мы будем делать. Я и говорю, денег нет. Чего-то говорить надо, человек обращается, да не просто человек, а капитан Землянов. Ну, раз денег нет, говорит капитан, тогда пошли со мной. Привел он меня в свои апартаменты. Чего-то налил. Я выпил, но что, я тогда не понял. Такое со мной впервые. Нет потом такое будет, и не один раз, но только позднее...

Спрашивает меня капитан, видел ли я девчонок на газовозе, и еще о чем-то. Не помню. Ушел я спать, на моточистку меня не привлекали.

Так, что будет совсем труба, обращусь я к капитану, поговорим ... А надо бы раньше...

Проходим мы Гибралтар, попадаем в зону приема телевизионного сигнала. Телевизор это так здорово, особенно после перехода через океан. Экипажу все обрыдло, все в ожидании возвращения домой. Телевизор смотрю один я. Смотрю и думаю. Обращусь-ка я к капитану с просьбой продать мне пальто. А поскольку это достаточно неприлично, сделаю я это в

Новороссийске, перед тем как сойти на берег. Дел у капитана много, забудет он про мой неприличный поступок. Тем более, что деньги у меня есть.

Проходим Грецию, телевизор показывает лучше, чем дома. Черные полковники катят фильмы про ужасы Лубянки. Сюжеты понятны без перевода. Несчастный иностранный студент на каникулы приезжает в Москву. Без ума влюбляется в русскую девушку. И какие только сцены на экране. Негритяночка, пожалуй, рядом не стояла. А предмет страсти, страсти-то, на самом деле, оказывается чекистской «ласточкой». Устраивает она чужестранцу сначала лю-ю-бовь, очень неприличную, а потом скандал с битьем посуды и зеркал. А зеркало разбивается прямо как-то не по-людски. Тут же появляется сержант в малопонятной милиционской форме и штатские люди в пиджаках с галстуками и оказывается нас невинный студент в подвалах Лубянки. И уговаривают его злодеи наши, чего-то и уговаривают. Видно угрожают. Похоже, не безуспешно, потому, что, похоже, договорились. И передают его, значит наши негодяи ихнему амбассадору. Возвращается, значит, студент в Лондон и оказывается он совсем и не студент, а английский агент. А наши, значит, в дураках. Поначалу про наших злодеев и смотреть страшно. Особенно если жить где нибудь в Лондоне или пригородах Афин. Помполит на просмотр телевизора не реагирует, может, надоело или установка такая, что и понятно. Агитки у этих ребят - наш Агитпроп просто не прошли бы. На такие глупости в мореходке выработали иммунитет.

А вот в Измаиле был помполит, у которого на этот счет другое мнение. Когда суда остаются на зимовку в верховьях Дуная, развлечений кроме телевизора никаких, так помполит при сомнительных сценах экран телевизора в салоне команды закрывал нижней частью своего туловища. Вот так вот! И возможностей объяснить ему, что про него думают, никаких. Так, что наш военный товарищ еще ничего, терпеть можно. Правда и ему видно никто не шепчет на ухо, что практиканта в столо-

вой команды сутками смотрят антисоветчину.

И Греция остается по корме, втягиваемся в Мраморное море. Не попасть теперь уже туда больше никогда. Все не по пути. Проходим Босфор. Говорят при прохождении Босфора место помполита на корме с мелколаберной винтовкой. Чаек стреляет...!!?! Не видел ни разу. Но слыхал. От батумцев. Может шутка такая? Кто-то из наших ходил и помполитом. Теперь-то это уже не составляет государственной или партийной тайны, что в те далекие времена было равнозначно. Расскажите. И нечего стыдиться, другие времена, другие и песни. Мне всегда казалось, что уйти с судна, возможностей не счесть, особенно с мореходной подготовкой. И, ведь не разбегались вовсе и совсем не из-за наличия на судне официального соглядатая. Была у людей какая-то мотивация не делать этого.

Черное море встречает легким волнением, наше море от этого только краше.

Приходим мы в Новороссийск, собираем свои шмотки. Боря домой уезжает, кажется, поездом. Мне удобней на лайнере. «Победа» отходит сегодня поздно вечером. Берем мы с Володей Королевым билет до Одессы. Пассажирский помощник потом на «Победе» за этот билет меня едва не загрызет. Надо зайти к капитану, попрощаться, Володя настаивает. Да и про пальто. Позавчера к капитану жена приехала. Так ведь то позавчера. Звоню по телефону капитану в каюту:

- Практикант Гринько, по случаю...:
- Живой ногой ко мне!.

Понял, поднимаюсь к капитану в поднебесье. У капитана апартаменты большие, слышно гости - помполит тут же. Приумолкла крыса лагерная, прислушивается. Работа у него такая... Приглашает капитан за стол. Отказываюсь самым категорическим образом. Пароход у меня на Одессу, уже под парами, товарищ капитан, не опоздать бы к отходу. Желает мне капитан всех благ на прощание, а я ему про пальто, которое он вроде покупал. У капитана вид, как тогда... в Роттердаме. И что же

ты парень натворил. Отдал я уже пальто это бедолаге одному. Ты, что же это в Роттердаме молчал. Так говорил я товарищ капитан. Кому? В соседнем помещении умолкли, прислушиваются. Обращался я к помполиту. Капитан мой в растерянности и пальцем показывает, что помполит сидит рядом. Сука он лагерная. Понял я все, товарищ капитан и что жена его рядом, тоже понял, пусть слушают. Я даже рад этому.

- Деньги были товарищ капитан. Предлагали члены экипажа. С возвратом, конечно. Нужно было только разрешение, но помполит запретил, помполит сказал, не хотите ли Вы, молодой человек, часом, разбогатеть. Вот так вот, вдруг и сразу.

На лице капитана отвращение вперемешку с удивлением. Спрашивает, может чего надо или чем может помочь на прощание, едва ли доведется еще увидеться. Нет, товарищ капитан, есть у меня все и провожают меня члены экипажа.

Попрощался я с замечательным человеком. Коль жив капитан Землянов, привет Вам, товарищ капитан. Купил я себе пальто.

И напились мы с Володей, а на отходе «Победы», у трапа, принял меня пассажирский помощник, который доставит меня в Одессу без головных болей.

Отпуск проходит быстро, да и то сказать половина его прошла на «Златоусте». Опаздываю я из отпуска на неделю, может чуток дольше. Дипломатично докладываюсь командиру в крайне нейтральных тонах, что курсант Гринько с плавпрактики прибыл.

Смотрит капитан третьего ранга Грибков на меня хитро и говорит, что не та у курсанта Гринько квалификация, чтобы вратить старому волку, и в наказание следовало бы его на второй год оставить, да не предусмотрено такое учебной программой. Но мы уже не боимся командира. Потому, что, оказывается, мы его даже любим. Странно все как-то устроено в этом мире. Накануне расставания начинать что-то понимать. Тогда когда, оказывается, это никому уже и не нужно. И телеграмма, оказы-

вается, из болгарского морского пароходства пришла сначала в министерство морского флота, и уже потом в мореходку, и о дислокации «Златоуста» известно, что судно ожидается через две недели в наш Мухосранск. Во, сколько новостей и сразу.

Все пребывают в приятном заблуждении, что я исправился, стал хорошим и нахожусь на судне вместе с Борей. А поскольку, я в очередной раз не оправдал ожиданий, то мне тоже не следует много чего ожидать. Ну да ладно, объяснительной записки писать не нужно, известное дело, поднаторел я в этом - наказывать нас не планируется. А так командир меня поздравляет и говорит, что не подвел я его и училище. И вроде поступил я все правильно. Боря тоже опоздал. Спустя непродолжительное время на послеобеденном построении мне и Боре Щербакову объявляют поощрение, кажется, от имени начальника училища. Вот если бы от ministra, тогда надолго все могло бы быть иначе. Надолго, а может быть и навсегда.

Согласно программе обучения у нас практика на судоремонтном заводе. Курорт. Не помню, чем я на этой практике и занимался. Мечтал и читал книжки. Попал я на китобой, который в межнавигационный период готовится к очередному восьмимесячному промыслу в Антарктике. Два раза в неделю у меня суточная вахта, стеречь судно. Остальное время, по вечерам, полная свобода. На Суворовской, как то уже не так и увлекательно. Хозяйничают тут четверокурсники, но нам совсем не тесно. Мы их просто не замечаем. Салаги, чего уж там. Недавно встречался на даче с Володиным Сашей из нашей роты, курсом младше, так он меня за это слово чуть не убил.

Я, кажется, упустил последний шанс вылететь из мореходки с треском. Причинное событие имело место быть без моего участия. Слышал я о происшествии этом и раньше, но в детали посвятил меня Коля Выдриган совсем недавно. На судоремонтной практике на судах жили только те, кто волей обстоятельств оказались на штатных должностях. В том числе и я. Я на своем корвете, кажется, был вахтенным матросом. Во всяком случае,

в этот день. Нет, что-то я делал и по программе практики, но после рабочего дня иногда оставался на охране судна. И вот в один из таких дней однокашники мои полные ощущений радости жизни решили прямо в экипаже воздать должное Бахусу. Не нужно думать, что такое случалось часто. А чтобы, что-нибудь подобное ранее просто и представить себе невозможно, в том смысле, что в экипаже вдруг в нескольких местах одновременно решили выпить и при этом, не таясь. Прямо психоз коллективный, да и только. Дневальным по роте пятого курса электриков случился Юра Ермоленко. Кто бегал за вином теперь уже установить непросто, потому, что и в живых то уже не все. Выпивали в кубрике окна, которого выходили на козырек над столовой. Пили все, в том числе и дневальный. Похоже, кому-то очень умному пришло в голову выбросить пустую бутылку в окно.

Но поручиться можно, что не наши, а где-то в другом кубрике и даже на другом этаже. Наша мореходка в этом смысле пользовалась заслуженной дурной славой. Но старшие курсы этим не баловались. Теперь уже трудно предположить все обстоятельства дела, и как все происходило, но на этаже роты оказался начальник ОРСО Матвиенко. Команда «смирно» и все остальное сильно припозднились. Выпивохи, как могли, по-быстрому пустую посуду в сумку, и Миша Масенков с ба-гажом уже на козырьке уничтожать улики. Однако - поздно, вошедший Матвиенко попытку уйти от возмездия пресек на месте. Думается мне, был бы с сумкой не Миша, последствия были бы тяжкими. Но Миша наш был нашим талисманом. Пока капитан третьего ранга приценивался к Мише, да вел с ним беседу, откуда-то донесся звон разбитой об асфальт посуды и Матвиенко счел за благо побежать дальше. Капитан третьего ранга Матвиенко был не дурак и грозен был не со всеми. Иногда он бывал ласков. Вот только в сумке среди пустой посуды оказался загранпаспорт Коли Выдригана. Унес начальник ОРСО в попыхах Колькин паспорт. Ну да Коле загранпаспорт

понадобится не скоро. Закрутила жизнь, завертела, особой личной неприязни к Мише, Матвиенко не испытывал, да и понимал ОРСО что полномочий у него не хватит чтобы достойно выкрутиться из складывающейся ситуации, так и к роте нашей претензий заявлено и, на мой скромный взгляд, исключитель-но из-за случившегося расклада карт и событий.

До выпускных экзаменов меньше четырех месяцев, мы на финишной прямой к нашему триумфу. Уже очень скоро наступит день, ради которого мы терпели многочасовые строевые занятия, многокилометровые марш-броски и построения, наряды, кормили нас «шрапнелью», «кровавой Мэри», прочей дрянью, и терпели много чего другого, чего хотели бы забыть и чем скорей, тем лучше. Но пока мы все еще курсанты, правда, о-о-очень привилегированные. На выпускном курсе можно было бы учиться все пять лет подряд.

Преподаватели, явно сочувствуют нашему будущему и, наверно, чтобы приобщить делятся с нами легендами нашей мореходки.

Зачем курсанту голова? Наверно, все знают, что после войны экипаж мореходки располагался неподалеку от второго учебного корпуса на проспекте Ушакова по другую сторону улицы. Отопление было в экипаже печное. Так коронное развлечение курсантов в день стипендии было биться об заклад, кто головой выбьет из печной кладки кирпич. За чекушку. Эту историю нам рассказал преподаватель экономики морского флота. Замечательный мужик, напомните фамилию и имя отчество. Светлой памяти, замечательный мужик, из послевоенных выпусков. Как помнится, был замполитом училища. Таких бы замполитов каждому. Запомнилась еще одна история. В то время для бывших фронтовиков протез непреодолимым препятствием для обучения в мореходке не считался. Был такой парень на протезе. Ремонтную практику в те времена проходили на судоремонтном заводе в Одессе. От общежития до СРЗ пешком не добраться, а в трамвай в послевоенной Одессе на

остановках просто не попасть. Уж на одной то ноге уж точно затопчут. Наши практиканты ходили на рельсы, как белорусские партизаны, между трамвайными остановками, где фронтовик садился на асфальт, а на рельс укладывал протезированную ногу. Трамвайщицы хохму эту знали, и, под обещание подбирать курсантов между остановками, просили больше так не делать. Трамвайщиц тех больше нет, курсантов тоже, а вот история жива.

Веселые истории это хорошо, однако, народ призадумывается, а что же там, за порогом. Стал я свидетелем одного очень несвойственного для нашего брата разговора. Один из собеседников - Валера Калунин, второго - пытаюсь вспомнить уже годы, чтобы заклеймить. За предательство. Не могу вспомнить, а разговор то был в моем присутствии, хотя я в нем участия не принимал, не была еще выработана позиция, которую можно было бы отстаивать. А зря, может быть, укрепило бы душу! И говорит Валера, что вот выпуск на носу, а потом моря, причалы, пароходы и все, что с этим связано. Как бы вторым был не Саша Лушпаенко. И отвечает этот второй Валере, что да, конечно, потом будет некогда, нужно срочно решать все проблемы, чтобы не оставлять на потом. Это в смысле девчонок. Придурки. Однако сомнения уже висят в воздухе как грозовые тучи и точат душу, и без этих разговоров.

Между тем, командир наш, капитан третьего ранга Грибков, по всему видать, уходит на пенсию. То-то не видно. Как-то пусто без него. Не придавали мы значения его заслугам, а ведь были они налицо.

И, уходит он как-то неожиданно, похоже, неспроста. Похоже, допекли старика, но на этот раз не мы. Теперь, когда до выпуска осталось меньше полугода, с таким послужным списком, как у нашего командира, и в отставку - представить нельзя. Что-то говорит мне, не поладил он со строевым отделом. Допекли все-таки фронтовика. Из-за нас.

Приступили к учебе, публика потихоньку сатаает. Для

выпускных курсов дело обычное. Выдали нам часть вещевого аттестата, что следовало получить еще полгода назад, когда на практике были. А имущество это нам вроде, как и надо, а вроде и вовсе ни к чему. Нам бы деньгами. С деньгами у нас неважно. А денег нам нужно немеряно, не хватает денег. Слыхали мы, что наши предшественники год назад снесли свое имущество в складку. Поступили так и мы. Отмечаем мы прощание с командиром, и вроде как нового офицера нам в командиры определили, из молодых, капитана - летчика. Летчика так летчика, вот только минера и фронтовика нашего жаль. Столько мы ему крови попортили. Вспомнить стыдно и рассказывать не хочется. Накрыли мы стол, как оно водится, в кубрике. Кто был главным организатором, не помню, но проявил он явную незрелость, потому, что кубрик этот был как раз напротив входной двери в роту. Кажется, был чей-то день рождения, и дело происходило в нашем кубрике. Но не мой. Мой день рождения мы отметили в Атлантике. Значит, мероприятие затеял кто то из наших. Как бы не Боря Ритунский.

А думаю я так вот почему. Только мы причастились к сладенькому, как влетает дневальный и говорит, ротный старшина Афонькин передал, в роту направляется новый командир. Будет с минуты на минуту. Приготовиться так приготовится. Как успеется. Ну мы и подготовились, в том смысле, что расселялись. Кто куда. Алкоголь, однако, кажется, со стола убрали. Слышно как дневальный подал команду «Рота, смирно». Публика замерла по местам рассредоточения. Минут через семь - десять раздался какой-то непонятный грохот, потом громко хлопнула входная дверь. Дневальный велел расслабиться и разрешил от мест отойти. Оказывается капитан, приняв рапорт дневального, как по наводке, сразу прошел в кубрик, где накрыт стол. Обнаруженное безобразие пришло ему явно не по вкусу. Капитан решил, что это специально к его приходу. Наверно, мои догадки о причинах отставки нашего командира правильные. Возмутился летчик, моряки издеваются. И взял

он со стола трехлитровую банку с маринованными огурцами, наверно, хотел эффектно выбросить, надо думать для пущего авторитета. У него почти получилось. Банку эту он бросил, не глядя в угол кубрика, где у нас платяной шкаф. По странному стечению обстоятельств, в этот самый момент, шкаф открывается и летит эта банка прямо в голову Боре Ритунскому, который спрятался в шкафу этом, с бутылками. Попадание было в яблочко. Боря от неожиданности упал, а капитан от растерянности оторопел. Дверь шкафа таким же невероятным образом опять закрылась. Капитан, не приходя в себя, молча покинул роту. И я его больше не помню.

Дали ему роту попроще. И вообще, его посыпать к нам было неумной шуткой. Хотя, сдается мне, что человек он был очень хороший, и мы поладили бы. История эта за пределы расположения роты не выходила и дальнейшего развития не имела. Видать отказался он от нас под благовидным предлогом. Направили к нам ротным совершенно замечательного офицера, возрастом постарше, но с ним тоже приключилась какая то беда, нас до выпуска он довел, но, говорят, прослужил недолго.

Училище готовится к очередному осеннему ежегодному всенародному празднику – годовщине Великого Октября. Нас это касается в последнюю очередь. Сводили нас несколько раз на плац. Все уверены, что мы непревзойденные строевики и училище не подведем. Да и то сказать, сколько пар обуви стоптано за четыре года. Возможно, чему-то мы и научились.

Странное дело никто ни куда не отпрашивается. На парад так на парад. Невероятно, но, оказалось, участвовать в торжественном прохождении по главной площади города совсем не обязательно. На парад идут исключительно желающие. В шеренгах по двенадцать места хватило всем. А пустующие места тех, кто решил, что он свое отшагал, заполнили резервом из младших курсов. И это было действительное последнее событие в нашей общей судьбе, когда мы еще были вместе как патроны в обойме. Под аплодисменты жителей высывавших на

центральную площадь и главный проспект города наши башмаки последний раз торжественным маршем печатают шаг по асфальту навстречу судьбе, туда, где у каждого она будет своя персональная судьба. Уходим мы, девчонки, под аплодисменты ваших легких ладош. Помните нас. Мы были настоящие, а что не получилось, так с нас всех и за все спросится. С вас тоже. Ответим. Только порознь и каждый сам за себя.

Все. Конец всем бесконечным построениям, переходам, нарядам и взысканиям.

После торжественного марша последний раз поблагодарят нас за службу, и мы последний раз на едином дыхании заверим,
- Служим Советскому Союзу!

Что мы и сделаем. Да, видать, господа, воля была не наша.

Пока мы еще в строю, а дальше - врозь, училище само по себе и каждый из нас сам по себе. Будут у нас еще государственные экзамены, но ведь это каждый сам за себя. А вот наша общая судьба этим парадом и закончится. Будут в этом городе у каждого из нас свои собственные дела, где каждый сам за себя. Но эта история уже из другой песни и она уже не про нашу мореходку. А наша общая судьба на этом «Служу Советскому Союзу» закончилась.

Глава 6

Распределение

Время движется бесповоротно и безоглядно. Вот и парад последний наш позади. Готовимся мы к тому, чего так долго ждали все эти долгие годы. А может совсем не так долго, но ждали и с нетерпением. Время - как песок сквозь пальцы. На носу распределение и тут же государственные экзамены. Результаты предстоящих госэкзаменов ни у кого сомнений не вызывают. Сдадим. И мне говорит мне моя юная самонадеянность, что я сдам их очень хорошо. Сдам и все. Только много ли будет проку? Вопрос большой. Ох, как большой! Лучше и не думать. И ведь, совсем не упредили. Нет, краем уха можно было услышать, что не всегда и все ладно в королевстве датском, но кто этим разговорам придавал значение. Однако грядущие крушения все пока еще впереди. Не сейчас. Пока судьба нас любит и на носу распределение. Вопрос непростой. Казалось, от принятого решения будет зависеть вся последующая жизнь. Но это только кажется. В действительности, это всего лишь очередное юношеское заблуждение. Ерунда все это. Все это лишь только мечты и ничего в них нет... Все предопределено и будет идти своим чередом и своим порядком. Как обычно – наперекосяк. Если только, конечно, Ваш папа не член.... Вот в этом и есть, наверное, главное отличие мореходного училища от высшего инженерного морского. Ой, не ходите, девки в мореходку... там комары кусаются. Потому, что охамевший инспектор отдела кадров тронуть выпускника Вышки поострежется, а выпускники мореходки ему так, разве, что только не пыль на сапогах. Расходный материал. Списывается с учетов по мере передачи на производство, если только конечно, не... таланты. Достается, конечно, ребятам из Вышки. Тем, кто попроще.

Вообще-то, конечно, встречаются среди наших и таланты. Но это совсем не про нас. Про таланты и как они раскрывают-

ся - дальше.

На повестке дня - распределение. По всеобщему мнению мероприятие первоочередной важности. Именно сейчас взвесят наши прегрешения и поощрения, наши учебные баллы, заслуги, а также заслуги и возможности наших ближайших и не очень близких родственников. И мы пойдем по жизни с гордо поднятой головой и дипломом в, таком же пустом как голова, портфеле.

В целях обеспечения всеобщей наглядности и беспристрастности оценки наших заслуг, которые, по утверждению нашего командира до этого дня были только в нашем воображении, и наших шалостей и проказ, которые запомнились командирам, а также нашли отражение в наших личных карточках учета взысканий и поощрений, отправили нашего Борю Ритунского рисовать таблицу учета трудодней. Боря старался, кто-то ему, наверно, помогал. Видел я эту таблицу размером со школьную доску. И фамилии там наши по ранжиру согласно бальности заслуг. Процедуры не помню, но помню, что в соответствии с Бориными подсчетами предложили мне для освоения и покорения Черноморское морское пароходство и город Одессу в придачу. Вообще-то в народе это место оценивалось по высшему разряду, не попасть бы только на пассажирские перевозки. Там труба, то есть пароход белый, жизнь – черная, экипаж – соответственно.

Я счел за благо согласиться, притом, что на душе тучи ходят хмуро. В Одессе лучшие суда Черноморско-Азовского бассейна, разве, что только танкеров нет. Так, танкера только Батуми и предлагает, а туда даже из Грузии ребята не стремятся. Там обманывают еще больше, чем где-либо. В пользу заслуженных людей, а там их много. В Новороссийск направлений нет. Есть Измаил, есть Батуми, Жданов - есть, а Новороссийска - нет. Надо думать, Новороссийск предпочитает выпускников Вышки или еще чего. Ничего не поделаешь, ведь это почти Кавказ, а это еще интересней, чем Одесса. Сынок мой обучал-

ся в Макарке, а племянничек в Новороссийской, ныне, академии - просветили.

Жданов - это хорошо и уже почти знакомо. В Жданове у электриков и продвижение нормальное – много среднетоннажных судов, на которые наших направляют , при прочих равных, вполне охотно, электромеханиками. А это мечта всей недолгой жизни. Однако, в Жданов, всего четыре места, и я в Бориной таблице сразу за этой самой группой «махновцев», которую, по-праву, вошли наши многострадальные старшины. Нет, Одесса это прекрасно, но есть у меня секрет, которым я ни с кем не хочу делиться. Скрывать мне есть чего. Но этот секрет таков, что мне наплевать на все другие. Мне наплевать, что у покойной моей бабушки, родственник в студенчестве был причастен к какой-то там политической партии, за членство в которой расстреливали без суда и следствия, мне даже наплевать, что был он в партии этой по глупости юной функционером, мне наплевать, что живет он где-то на Западе. Мне, временно, наплевать, что за это могут закрыть семафор. На Севере работы много. Все это потому, что тронулся я рассудком, взыграла у меня кровь, стучит в висках и темнеет в глазах. Я жениться хочу. Нет, Вы, видали! Это я то, непонятно каким образом, дотянувший до выпуска, решил жениться. Нет, я молчу, и хожу мрачный так туча. Я не хочу в Одессу. Одесситы ходят в море по полгода, а то и дольше. Мне с ними не по пути. Думу думаю, а мыслей нет. Нет на меня Сашки Лушпаенко. Этот, диагноз поставит сразу и верный.

Подходит ко мне такой же задумчивый Валера Вернигора и затевает со мной очень интересный разговор.

-Из Комрата ты Витя, и чего тебе только искать в Одессе! Измаил, ведь, начинается сразу за вашими колхозными полями, а мне туда на автобусе всю ночь трястись, поменялся бы ты со мной распределением.

Недолго уговаривал меня Валера, в Измаиле рейсы редко дольше двух месяцев, да и ехать из дома мне туда может часа

три, а то и два. Сейчас уже и не вспомню. Посулил мне Валера бутылку, а мне и хватит. Очень снисходительно с Валерой я согласился.

И надо было это все тебе, Валера. Развелся Валера, думаю я, из-за этой Одессы. Потому и бутылку не поставит. А я, из-за Измаила этого самого, не женился, в соответствии с тогдашними устремлениями. И винить некого. Потому, что с Одессой этой, нам с самого начала, было не по пути. Надо было сразу в Вышку.

Ходим мы по мореходке последние денечки, как мухи осенние и не иначе потому, что догадываемся мы, что за предстоящей победой этой, для большинства из нас, вершины с пропастями, которые преодолевать нас не научили. А для кого и вообще бездна.

В Измаил распределяются Витька Майнозов, гордость наша и отличник, Юрка Ермоленко, Суслов Володя, Толя Корж, Боря Ритунский и я слуга покорный!

И Вити Майнозова, ребята, в списках больше нет.

И доходят слухи, что Боря, по немощи своей, а может и по злому умыслу, ошибся в подсчете баллов и прибавил себе ровно, чтобы попасть в Измаил. Боря об этой ошибочке позднее, с глазу на глаз, поведал мне сам, уже в Измаиле. Ловкость Боре не помогла. Оставил Боря флот достаточно рано. Имели ли смысл так суетиться ?

Но, что, любопытно, человек, который в списке оказался после Бори, шума тоже поднимать не стал, а молча уехал в Чеморпуть на строительство морских портовых сооружений и дноуглубительные работы.

Так, что там Боря. Какие к Боре претензии? Боря трудился, потел, баллы считал, рисковал, можно сказать, репутацией, а вот когда в Измаиле вдруг обнаружились по распределению нашей мореходки подснежники, в отличие от Бори, ни дня в ней щей не хлебавшие, и представьте себе, в пароходстве сделавшие карьеру, вот это достойно восхищения. Вот это школа!

Учили ведь где-то этих людей. Надо думать в семье и школе! Гвозди бы делать из этих людей, не было бы в мире крепче гвоздей. Про этих людей кто бы написал. Успех гарантирован. Мне не справиться. Там действовали механизмы, окутанные тайной и интерес к ним со сторон холопов, времен марксизма-ленинизма, - верх неприличия. Да и теперь, при подобных обстоятельствах, приличные люди любопытство считут за хамское свинство.

Ныне уже и правила другие. Много лет спустя, имея полномочия задавать вопросы от имени государства, спрашивал руководителя одного из крупных судоходных компаний, как могло случиться, что простой и честный труженик, правая его рука по финансовым вопросам, на следующий день после пересечения государственной границы, сподобился за два десятка миллионов американских баксов приобрести балкер, который и назвал то собственным именем. Мой визави, высматривая пылинки на своем целомудренно чистом столе, развел руками, типа дело это не его. Он то государев человек, отдавший половину своей жизни морю и обкому партии, возмущен провалом государственной программы возрождения Российского флота. А информацией о противоправных действиях своего заместителя он не располагает. А откуда деньги то это вообще личное дело каждого. А вы говорите Боря! Очень важно, чтобы траектория Ваших душевные колебания и смятений соответствовала колебаниям генеральной линии партии – это при коммунизме-ленинизме, а в годы демократии – чтобы не выходила за пределы того, что называется парадигмой мэн стрим ов кэш фло. Иначе Вы всегда будете на празднике жизни посторонним. Аутсайдер – слыхали? В струе надо, в струе...

Залив с разной степенью интенсивности свои печали по поводу прощания с любимым городом и мореходкой, разъехались мы по городам, а кое-кто и по весям нашей необъятной. Приехал я в Измаил и узнал, что, пока правил я тризну по прошлому, люди предусмотрительные уже и комиссию медицин-

скую успели пройти. Причин печалиться по этому поводу не было. Уж очень все напомнило увиденное на плавпрактике в Жданове. Работы нет. При этом кругом разговоры, что стране нужны электромеханики, а Родина присыпает электриков. Как можно было понять с самого начала, инспекторам отдела кадров в равной степени не были нужны и электромеханики. Потому, что места все на судах инспекторами были освоены без учета государственного распределения выпускников мореходных училищ. Более того, места эти были уже распроданы не единожды и нужно бы объясниться с соискателями, оставшимися за бортом. А мы еще и поумнеть не успели. Нас учитьвать в планы инспекторов не входило. Люди только собрали новогодние подарки. И даже если бы мы были поумнее, мы опоздали.

Надо сказать, что мнение о всемогуществе инспектора отдела кадров, очень сильно преувеличено. И всегда имеется альтернатива .Но нам ведь никто по этому поводу ничего не говорил. Нам за четыре с половиной года не успели вдолбить в голову несколько простых истин, которые являются в этой жизни краеугольными. В том числе никому в голову не пришло объяснить, во первых при любом исходе событий, они могли бы сложиться гораздо хуже, а потом события эти всегда имеют свойство развиваться по наиболее неблагоприятному варианту. Все зависит от того, как смотреть на вещи. У вас свобода выбора. Вы можете считать себя жертвой обстоятельств, а хотите - счастливчиком которому повезло добраться до очередного рубежа, о который и предстоит разбить себе нос.

Уж очень у нас не любили супостата, в противном случае о законах капитана Мэрфи, с адаптацией к местным условиям, кто-нибудь да рассказал бы. Да, что говорить, борцы с космополитизмом еще позавчера требовали называть амперметр токометром, а вольтметр –напряжеметром. Такая вот лингвистика. Тут уж не до законов какого-то Мерфи. А с другой стороны, может нам чего, и говорили, да слушали мы плохо. Бытовал же

в курсантской среде закон подлости.

Но вот о том, что надо же дать, мы уже догадывались. Но некому было объяснить кому и сколько. Придет время, разберемся сами.

На улице Дунайской у здания, в котором размещается отдел кадров пароходства, как муравейник, а у меня даже медкомиссия не пройдена.

Настроение поднимаем вином местного производства с разной степенью интенсивности в зависимости от наличия наличных. Стресс. Я правлю тризну по своим совершенно не оправдывающимся надеждам. Народ проходит проверку знаний в службе судового хозяйства и все больше неудачно. Очень забавно услышать какие задаются там увлекательные вопросы! Какова высота оси вала турачки брашиля! Угадайте, товарищи электромеханики с трех раз! Как бывший руководитель службы электрохозяйства, прошу всех кто прочитает эти строчки, сбросить на мой электронный адрес фамилию сумасшедшего включившего эти вопросы в экзаменационные билеты по технике безопасности. Заодно можете назвать и их сторонников. Мы устроим им утешительный забег в сторону сумасшедшего дома. Берусь обеспечить спортивнителем.

Между тем нас, кажется, нашли, чем отвлечь от мрачных дум. Ненавязчиво увлекли идеей поступления в одесскую Вышку. Не без умысла. Будет еще один повод для сегрегации. Оторвался я от своей зубной боли, вырвав один и опломбировав два других зуба, сдаю вместе с другими ребятами вступительные экзамены. А нас много, почти все из нашей мореходки. Есть и из других, но почти все абитуриенты мореходчики или речники. А посему, на каждый последующий экзаменов число абитуриентов убывает. Кого в море отправят, кто не может появиться на экзаменах по причине головной боли. На один из экзаменов не попал и я. Поводов для огорчения было много, так, что на последнее обстоятельство внимания я не обратил вообще. В высшую мореходку я поступать буду еще дважды

и однажды даже закончу ее. Когда придет время. А сейчас у меня еще одна беда. Инспектор отдела кадров со слажвой улыбкой и звучной фамилией Ушаков, передал меня на съединение толстой бабе- Яге, как кажется по фамилии Зелинская или что-то похожее. Управляется баба Яга пассажирскими судами, четыре, из которых, ходят с расписанием курьерского поезда, по реке на Вену и морским пассажиром с нежным названием «Осетия». Думаю, всем понятно, что попал я на «Осетию» и понятно почему. Потом что «Осетия» стояла на ремонте, потому, что «Осетия» ходила по «треугольнику» Измаил – Ялта – Варна – Измаил, потому, что попадать туда никто не хотел, потому, что это было божье наказание. Потому, что поделом мне.

Строил я планы, что-то думал и гадал, а вот у бога спросить не решился. А ведь слово себе давал, в день получения диплома поставить святому Николаю свечку.

Глава 7

Город славы русского оружия

Исправно, с чемоданом книг, как и заповедал незабвенной памяти Михаил Александрович Федотко, или как повелось среди простонародья – Миканит, прибыл я по тем самым, приснопамятным трамвайным путям, на Одесский СРЗ, где встретил меня у трапа вахтенный начальник, потомок древней инсургентской фамилии Леня Кобылянский. А Леша в моря то ходит уж третий год и все не дальше Болгарии. Никак не решатся, уполномоченные на то лица, выпустить Лешу за пределы мира социализма! от Фамилия у Леши не та. Так и Леша им в ответ. Не хуже меня, только реже. Однако Леше на столетие вождя присудили медаль соответствующую. Придет время, Лене все это зачтется, а пока служить нам с ним родному Совпасфлоту.

И совсем даже ничего не случилось, потому, что наверно так оно и должно было и случиться. Первым делом поинтересовался, нет в экипаже наших. Как оказалось, наших было. Притом, что никто из них этим обстоятельством совсем даже не тяготится. А нашими были, прежде всего, легендарный капитан Раховецкий Владимир Николаевич. Широко известная личность и знают его по всей стране. Начиная от передовика – бригадира полеводческой бригады в Буджацких степях и до представителей слуг народа всесоюзного масштаба включительно. Придет время, с некоторыми из них познакомлюсь и я. Такова специфика работы в советские времена на пассажирских судах загранплавания. Пассажиры элитные - экипажи горемычные.

Но что немаловажно старший судовой электрик и мой коллега Владимир Васильевич Седов – заочник нашей мореходки. Я в авторитете. Несмотря, что происходящее никак не сообразуется с моими жизненными планами, в тему и на новую жилплощадь я выехал на белом коне. Понял я, что знания мои

понапрасну не пропадут, во-первых, и во-вторых книжки в чемодане, как и советовал Миканит, привез я с собой не напрасно. Потому, что заочники самых разных учебных заведений выстроились у двери моей каюты в первый же вечер. С пивом.

Штатный электромеханик, пообщавшись со мной пару дней, тут же смотался домой, а меня приказом по судну назначили исполняющим обязанности судового электромеханика. Ни много, ни мало. Ну да ладно, судно - у причала, а кроме меня на судне два опытных старших электрика, вся карьера которых прошла на «Осетии». Да и Ленька Кобылянский сказал - не боись. Электромеханик на радостях стал настаивать, чтобы я занял его каюту. Не стал я этого делать - у меня и рабочего диплома то нет. И обедать в кают-компанию я не хожу. Ни к чему мне от моих новых товарищей отрываться. Все это привилегии временные. Мне и без них неплохо. Особенно если бы не было других неразрешенных проблем. А пароход наш проектировался, по-всему, как госпитальное судно. Обнаружил смежное с румпельным отделением помещение с табличкой «морг». В машинном отделении стоят преобразователи противоминного размагничивания, ну, все как учили в мореходке. С обмотками размагничивания разбираться не придется, а вот задание на проектирование рулевого электропривода принесли уже во второй вечер. С пивом. И контрольную работу по электрическим машинам - тоже с пивом. Жизнь налаживается, господа!

В трудах по подготовке к навигации проходит недели три. И вот однажды во время обеденного перерыва звонит мне в каюту Леня Кобылянский и просит подняться к нему в «скворечник». Прихожу я в каюту второго помощника и слышу от Лени, что придется мне ехать в Ильчевск, приходит туда завтра танкер-виновоз «Антарес», где вторым помощником Ленькин приятель. Оказывается, ехать в плавларек очередь электромеханику, а поскольку я замещаю отсутствующего, отдуваться мне. Ну ладно бы в Одессе. Наверно справился бы, но Ильчевск?!?! Не дрейфь, говорит Ленька,- Ильчевск, это приду-

мали революционеры, а так это всего лишь гагаузский поселок Хаджибей.

- Леня, может турецкий?-

- А велика ли разница? Обрати внимание не Уолфишбей, а всего лишь Хаджибей. Это как Комрат. Ты представь себе, что кругом колхозники-гагаузы да болгары и нет проблем. Да их и в Ильичевске их навалом. Ты главное форменную фуражку не забудь, чтобы на проходной в документы не вчитывались.-

Я долго себя уговаривать не стал, но попросил связаться с «Антаресом» по радио. Едва ли получится, сказал Леня, но он попробует. Но меня все равно ждать будут. Это традиция.

Поехал я в Ильичевск. Автобусом. Вот чем возвращался, если меня поправят, спорить не стану. Все началось с того, что «Антарес» был уже на отходе и третий штурман, а им оказался Боря Орехов, с нашего курса и узнал меня сразу, уже оформлял отход. Боря мне совсем и не удивился, потому, что посылка для «Осетии» уже готова, а пустую канистру он у меня все-таки заберет- в обменный фонд.

Моя канистра была литров на 10 скромнее, потому, что Боря передал мне емкость литров на двадцать, и еще успел сказать, что канистра эта осталась от кого-то из нашей роты. Шмурдяк унесли в обменном фонде. Если, что он отдаст им нашу канистру. Меня все это очень устроило, потому, что с вином канистра для «осетин» была уже на причале. Еще Боря через проходную с вином идти не велел. Боря, Боря, где ты? Маневр я понял и начал искать пути отхода. Я тогда еще точно не знал, что на каждый квадратный метр режимной территории порта три пары настороженных глаз уполномоченных на то надзирающих лиц. Но, слава богу, во-первых эти самые лица не очень ладят друг с другом, во-вторых вчерашние курсанты даже с большой канистрой алжирского вина , по мнению местных спецслужб, едва ли представляют угрозу экономической и иной безопасности страны. Вообще-то я о многом уже догадывался конкретно, потому что за плечами была мореход-

ка. А ведь как все это квалифицируется по закону не учили. Наверно, потому, что считались мои действия правильными.

Пока я интуитивно разрабатываю пути эвакуации, моя совершенно неподъемная канистра в убежище, куда ее определили ребята с «Антареса». Я на судно и подниматься не стал, у меня забот, трезвому бы справиться! Присматриваюсь, не получится ли через забор, в противном случае точно нужно знакомиться с местным народонаселением. О вербовочном поле я тогда еще ничего не знал, но думалось, что если прикинуться несчастным, сердобольные единоплеменники в таком деле как вино могут и помочь. Святое ведь дело!

И надо такому, навстречу с пустой канистрой на всех парах сияющий Коля Бонифатий. Коля получил назначение на землечерпальку «Кубань 1» и теперь по настоятельной рекомендации старших товарищней обмывает первую командирскую должность, чтобы карьера не застоялась. Коля сделает все правильно, как положено и с карьерой будет все в порядке. А начнет Коля это неправедное дело со слугой Вашим. У Коли в мореходке был еще один титул. Колю называли «конь Троянский». Это потому, что Коля всегда подставит плечо плохо держащимся на ногах собутыльникам и доставит в экипаж. На этот раз Коля доставит и меня- с моим багажом на судно в Одессу, а сам в Херсон за шмотками и на пароход. А увидимся мы с Колей следующий раз через тридцать восемь лет. Коля будет большой и важный, почти такой, каким когда-то был папа-генерал. А Сашки, Колиного брата с радио-, с нами больше нет. А хороший был парень.

Вина с «Антареса» у нас хватило ненадолго, потому, что коллективом было принято решение, что вином распоряжаться буду я. Я привез, я и хозяин .А хозяин я известный, да и норовили все, чтобы выпил я с каждым. Короче, чтобы народ узнал мой норов, времени много не понадобилось. И двадцати литров алжирского шмурдяка тоже хватило на все. Дня через три, может чуть позже, приехал штатный электромеханик. Очень

осуждал меня за непрактичность. Как выяснилось, очень он уважает это дело. В смысле винопития, и мне следовало бы дождаться, когда он приедет. Он бы толком всем распорядился. И тут я впервые добрым словом вспомнил капитана третьего ранга Матвиенко и испугался за себя и свое будущее. Я ведь тоже собираюсь стать электромехаником и если суждено мне стать таким же, как наш шеф, умереть мне холостяком. Или в разводе. А ведь я решил жениться. И решил умерить я, понятно, откуда появившуюся у меня, прыть к этому зелью. Правда и этому желанию, так же как и некоторым другим моим особо заветным мечтам, случиться было не суждено. Я догадывался о своем будущем, и хоть было страшно, от этого было только веселей.

К началу пассажирской навигации на пароход стал подтягиваться экипаж в ремонте не задействованный. Надо сказать, что, если только не изменяет память, на двести пассажиромест, на нашей «Осетии» сто человек экипажа, причем на каждую особь мужского пола, две души противоположенного. У нас даже мотормен Вера, заочница судомеханического факультета Одесской вышки. В Советском Союзе, да кажется и во всем остальном мире, после второй мировой войны женщин в машинном отделении больше не было. Нет, Коля Колесниченко, солист судовой концертгруппы и по совместительству третий механик, иностранных пассажирок в круизах в машину вводил. Освобождали мы ему для этих целей центральный пост управления, но это одно дело, а наша Вера-это совсем другое! Вообще, экипаж у нас был еще тот. И если где-то на свете в машинной команде даже и были девчонки, то второго такого экипажа, дорогой читатель, все равно не было. Хотелось бы рассказать о своем белоснежном круизере предварить маленьким замечанием. У нас в экипаже действительно много представительниц слабого пола, но для слабосильных любителей сладенького и поклонников «Декамерона» Боккаччо, хотелось бы заметить, не дождется, в том смысле, что нашим девчонкам

присущи все те же недостатки, что характерны и для всей той половины общества, которая традиционно считается прекрасной. Девчонки, кто с «Осетии»? Привет Вам от Лейтенанта!

Все они любят цветы, шоколад и очень-очень хотят замуж. И еще они мечтают о любви. Желательно большой и чистой, но об этом благоразумно помалкивают. И я за это их уважаю. Девчонок на судне с каждым днем все больше. Все с кем я успел познакомиться, готовы стирать и гладить мне рубашки. Свободно. Но я вовремя успеваю заметить, что на судне это не принято. За исключением особых случаев, фигурантом которых быть я положительно не желаю. Не надо песен и не будет слез. Нет, мне всегда погладят, если застанут в гладилке, по той причине, что в мореходке рубашек не носили, что глажусь я долго или плохо глажу. Спасибо девчонки. За то девчонок наших по достоинству оценивает береговая публика. Сокурсники очень любят к нам на экскурсию. Приходят вот так вот, и забирают. И девчонки идут охотно. Часто замуж. Манером примерно как в женских подразделениях израильской армии. Ну да бог с ними с девчонками, я не особенно ими и интересуюсь, во всяком случае, страдаю не больше других. Есть у нас на судне много еще чего такого о чем бы ввек не догадаться, если не попасть на «Осетию».

Пришли нам пассажирского помощника капитана. Только что с войск. Мужик не сразу понял куда попал. Но выпить не дурак, контрразведчик по предыдущей жизни и освоился быстро. Похоже, сильно его удивляет, что никто его не боится. В армии видно было иначе. Судя по внешности, с анкетными данными у него все в порядке. Пару раз отступившись, он стал осторожнее, и больше его заметно не было. В том смысле, что человек, похоже, он был неплохой. Почему мы должны были бы его бояться, я тогда так и не понял. Насколько я понимаю, никто из членов экипажа антигосударственной деятельностью не занимался. Что касается челночных рейсов в Ильчевский порт, так в ремонте сексотов и не держат. Нет смысла. Они тог-

да все в отпусках. Так выгоднее. Да впадлу должно быть бывшему контрразведчику выискивать, откуда это мы вино берем. Да налили бы мы и ему. Теперь уже житейский опыт подсказывает, что не усмотрел бы он в иностранном происхождении вина причину губить чью то жизнь. Притом интерес для него должны были бы представить совсем другие личности. Уже позже, когда стали мы возить иностранцев по Черному морю по маршруту меж Кавказом и Балканами, а бесстыжий Коля Колесо стал по ночам водить иностранок в центральный пост управления, кто-то донесет чекисту, капитан объяснит своему пассажирскому помощнику, что, несмотря на суровость советских законов, в стоимость билета входит полный сервис и контрразведчику не стоит излишне беспокоиться, если этот сервис выходит за пределы его официально прописанных обязанностей. А то другого парохода для него в пароходстве может не найтись. В капиталистические страны видать его не пущают! По анкетным показаниям. Вдруг сбежит. Паспом может и пытался что-то предпринять, да главный штурман министерства, тоже наш выпускник, родной брат Владимира Николаевича. Отступил от Колеса паспом. А ведь мог найти себе занятие по душе.

Меня девчонки предупреждают, что несмотря на мою незаинтересованность, ждет меня любовь большая. Цыганка на-гадала. И ржут при этом всторонку. Любовь будет, говорят от врача судового. На ремонте ему быть не положено, но вином из Ильичевска говорят, угощал я его. Был он в Одессе и заходил на судно переночевать. Совсем не помню. Говорят, зовут врача судового Владилен Владиленович. Интересовался он, не успел ли я завести себе подружку. Переговорил я с людьми знающими. Доктор наш оказывается, кроме прочего, секретарь партийной организации, родом из Кишинева и к тому же, как теперь принято говорить нетрадиционной сексуальной ориентации. Очень страдает от недостатка мужского внимания. Ну, в наше время все это называлось гораздо короче и определенней.

Теперь якобы это слово употребляют только в целях оскорбить слух досточтимой публики! И так наш доктор педераст и положил он на меня глаз. Но Володя Седов утверждает, что если в присутствии секретаря парторганизации по пьяной лавке невзначай пожаловаться на импотенцию, то доктор от предмета своего вздохания отступается. Деликатный человек. Есть у нас на судне кроме секретаря парторганизации и помполит. Но не интересует Владилен Владиленович ни комиссара, ни райотдел КГБ, ни военную контрразведку в лице нашего отставника, ни МВД во всех его ипостасях. А помполита я и видел-то всего пару раз. Хороший был человек. Я его вином из Ильичевска не угощал. Ему кто-то в каюту носил. В навигацию пару раз я его видел. Пользовался заслуженной любовью иуважением экипажа. За то самое.

Наконец-то одеваем мы наш теплоход и выходим на ходовые испытание и сразу на девиацию, это где-то у Тендровской косы. Херсон где-то совсем рядом-рядышком, пешком дошел бы. Да нет мне визы в Херсон.

Проходим мы успешно ходовые испытания, девиацию и в Измаил. Ждет нас круиз по маршруту Измаил - Констанца – Варна – Сухуми – Измаил.

Катаем речников-олжан из Горького. Волжане оставили о себе добрую память еще с сорок четвертого года, когда под конец войны речников командировали в Измаил для восстановления судоходства на Дунае. Местных специалистов просто не было, кто на фронте, кто в Румынии, город то приграничный, а остальная часть народонаселения и не без оснований к тому требует проверки на лояльность. Местное население в значительной своей массе бежало в эти места еще при Екатерине Второй. Так никто население это на лояльность с тех пор и не проверял! А остальные, так вообще, нерусские!!?? Необъезженные. Ветераны, кто помнит те времена, рассказывают, что экипажи на отход собирали на пароходском автобусе с милиционским газиком по винным шалманам по принципу наличия у

задержанного загранпаспорта. Волжане были в первых рядах. Развозили людей по баржам и запирали под замок, пока отдел кадров подготовит документы на пересечение госграницы, а баржи выведут на Измаильский рейд. Публике предстояло похмелиться дунайской водицей. Во, дела! Хорошо не море, не качает. Такая вот традиция, мы дорожим ею и поныне. Спасибо братья волжане.

Приняли мы на борт волжан. Волжане прибыли со своими традициями. Все в униформе и чины по всему не малые. Наш паспом в полуобморочном состоянии слишком к истерике. Чему и где инструктировали его, с нами, он де делится, но проблема понятна и нам. Фуражки - аэродромы с дубовыми ветками, в которых появились на судне наши волжские собратья, вообще носят только Румынии и притом высшие армейские чины. Они это дело уважаютшибко. А волгарей мы знаем еще по мореходке, народ волгари упрямый. Сталинград на том стоял. Мужики свои традиции тоже помнят.

- В сорок четвертом ходили по Румынии кто в чем, никто бостонов шить не требовал, а тут форма речников кому-то не нравится, ну и что, что такие фуражки носит румынский генералитет! Да Волжское пароходство.....-

Пришлось помочь паспому с разъяснением некоторых положений международного права. - Вот если бы это была официальная делегация Волжского пароходства на уровне Министерства речфлота РСФСР, или, по крайней мере, были бы Вы, товарищи, членами экипажа, а «Осетия» была в реестре Волжского речного пароходства! А так ведь, товарищи, вам ведь в Бухарест за посудой, а потом в Варну за меховыми, не так ли? Да и оккупационные войска из Румынии давно выведены.-

Согласились волгари, фуражки сняли, а что там у них под плащами, поди разберись. Чаушеску от его суверенных прав гордость распирает. Расстреляют Чаушеску, но позже, имейте терпение. Да и тогда пассажирам, если они только не члены официальной государственной делегации, появляться за кор-

доном в форменной одежде сходной с военной, будет горячо нерекомендовано. Во избежание недоразумений.

К моему удивлению мой румынский вызывает у некоторых членов экипажа улыбку. Я только теперь начинаю замечать, что у многих моих новых знакомых не очень уж и славянские черты лица. Ну да, это уроженцы Измаила и других приграничных с Румынией и Болгарией районов. Здесь почти в каждом доме разговаривают на нескольких языках. Гуляем по Констанце. Город чудный, денег нет. Нет, нам что-то причитается. Может по три-четыре доллара, может кому больше, кому меньше. Но на эти деньги в Констанце можно купить по литру местного шмурдяка без закуски, а может с закуской, проверить никто не рискует. И все, господа! Но город красивый. Рассказывают туристов пересекающих Румынию по железной дороге, о нищете местного населения верить не хочется. Придет время, на себе испытаем, убедимся. Вспомнятся рассказы литераторов времен Великой Румынии о нищете села и «богатстве» города. Традиция, однако. А пока мы гуляем по Румынии, наслаждаясь доверием представлять Родину за ее рубежами. Полные надежд, что все это только начало и впереди безоблачное будущее. Совсем недавно наш карманний лайнер ходил в Испанию, Италию, но все это одиночные рейсы, которые почему-то показались недостаточно выгодными для Одессы. «Осетия» и в Констанцу заходит совсем нечасто, и города вроде никто не знает и строгости большие, но по странному стечению обстоятельств вся мужская часть экипажа, уволенная на берег, собралась в парке у ночного казино. По обмолвкам можно понять, что заведение некоторым членам экипажа знакомо. Третий помощник капитана, мужик из Одесской мореходки вполголоса рассказывает мне о каком-то своем знакомом, который якобы в казино этом по случайности выиграл баснословные деньги, которые пришлось промотать, потому что на таможне не отчитаться, откуда деньги. Для меня, очевидно, что его румынский безупречен. Да и то сказать, рос я с молдаванами до пятилетне-

го возраста, а потом пришлось одолевать великий и могучий. Понимать румын, понимаю я хорошо, с прононсом, похоже, тоже все в порядке, а вот выражаясь, видать, забавно.

Мужики шепчутся с солидного вида румынами и вдруг шумок,- в сторону нашей компании приближается пассажирский помощник. Румыны куда-то испарились, подходит паспом и сразу с претензией, с какой это стати собрались такой большой компанией.

- Гуляем, товарищ «Смерш».

Паспом изменился в лице. Кто к нему обратился столь непозволительным образом, он не понял. Слабое знание оперативной обстановки и контингента. Вопросом, каким образом паспом оказался у казино, мы не задавались. Могу предположить, что место это было известное не только в Констанце, но и в других городах. Посмеялись мы над ним, жаловался он капитану и комиссару. Нам ставили на вид, но без оргвыводов. А авторитет свой паспом, за время моей работы на «Осетии», на желаемый для него уровень так поднять и не сумел. По пьяной лавке, проникновенно глядя в глаза пару раз говорил, догадываюсь ли я, какому числу людей он помог в жизни. Я в помощи не нуждался, меня и не проняло. Но навело на мысли, что похоже надо учиться, не то наступит время, и буду я выглядеть как наш паспом. Деревянный, как Буратино. А еще как электромеханик. И учиться, почему-то захотелось в университете. Не доведется, увы. И сейчас спустя десятилетия, обучая богатых людей как стать еще богаче, по-прежнему, сожалею о том же. Как знать, может быть, и жизнь сложилась иначе. И проекты, и антикризисные программы писал бы кто другой. Для меня. Хотя едва ли. Фотик Костанди утверждает, что для этого винтик какой-то нужен, которого у нас и нет.

Дождались мы наших волгарей, приняли на борт и дальше на Варну. Хотелось узнать в самом ли деле Бухарест такой красивый город, но узнать не представилось возможным. Но вот, что в Румынии покупать нечего, разве, что посуду, слышал. От

наших круизеров.

Отходим от причала в Констанце и наутро мы в Варне. Чудный город, чудная природа и чудная погода. И парк вдоль моря. Какой парк, господа. Разве, что с Херсоном и сравнивать. Хотя надо заметить, в этом вопросе мне соблюсти объективность крайне затруднительно. В Херсоне я заканчивал мореходку и предки отца из Казачьих Лагерей, а территория между Констанцей и Варной – Добруджа, - родина предков по материинской линии. Поделили территорию бывшей деспотии между Румынией и Болгарией в знак благодарности перед Румынией за ее участие в Русско-турецкой войне 1878 года. Уж лучше не участвовала бы. Меньше проблем досталось бы нашему поколению. Да кого минет чаша сия? Скажите мне, и я пальцем укажу в кого бросать камни.

Я уже рассказывал, что в экипаже много девчонок. Я крайне приятно удивлен, меня все спрашивают, собираюсь ли я в город. В смысле, девчонки подходят и спрашивают

- Витя, ты в город идешь?

Популярность моя вскорости поугаснет, но это когда меня узнают поближе, а пока вот так, как есть. Наташка, даже паспорт свой принесла и отдала мне в руки. Я растерялся не очень, но оценить не сумел. Заберут у нас Наташу, придет в гости на судно парень из Одесской Вышки и заберет Наташку. Замуж. Вот так вот, сразу. Очень хотелось бы, чтобы все у них получилось.

Гуляем мы по Варне, а денег таки нет, и не предвидится. Начинаю понимать, что означало бы пароход белый - черная жизнь. Однако, есть парни, работают на «Осетии» не первую навигацию. Не убегают, попали с пассажиров обслуживающих Венскую линию. Хотят вернуться назад, ну, а пока Балканско – Черноморскую линию пытаются обустроить под насущные потребности. Обратили внимание, что туристы меняют рубли на местные левы в специальных кассах-обменниках. Документы, якобы там спрашивают, но не очень строго как-то. Только

местные чекисты «пасут». Попадешься, «братушки» вломят по первое число. Можно еще сигареты продать. Если купить в Измаиле пару блоков и продать в Варне, то на пиво вполне даже и хватит. Притом в наваре будешь, потому, что болгарские сигареты в Болгарии раза два дороже, чем в Союзе.

Однако, «Осетия», судя по рассказам, находится по сравнению с другими пассажирскими судами загранплавания в привилегированном положении. В последний день каждого круизного рейса устраивается вечер интернациональной дружбы. И тогда в судовом баре, называется, почему-то, музыкальным салоном, членам экипажа дают пиво. За рубли, под запись в долговую книгу и вдоволь. Пиво - пильзенский «Праздрой». Это значит, что восемь-десять бутылок и средняя степень очумелости, и похмельная голова наутро - гарантированы. А барменом - Наташка. Это правда, ненадолго. Наташке скоро замуж, но вот какими курсами можно попасть в бар я понял. Вообще-то, как оказалось, можно и водки. Только очень не хочется подводить девчонок. Товар то валютный, а я не такой и алкоголик. Но все это в последующем, при обслуживании иностранцев, потому, что с волгарами интернациональную дружбу крепить не предусмотрено программой. Нет, концертгруппа исполняет для них песенки, и танцы-обжиманцы каждый день, для них бар и ресторан, а вот у экипажа, согласно тогдашнему законодательству, за кордоном иметь при себе советские рубли не положено. Правда ребята половине успели понравиться пассажиркам, оставивших мужей на Волге, и у них все тип-топ. Так и надо им, речникам этим, хоть они и с Волги. Придет время, своего они не упустят.

Изумил Ярыгин Сашка. Володя Седов его едва не присибет. Сижу в каюте играю со знакомым матросом с романтическим прозвищем Шевалье в шахматы. Шевалье срочно отслужил электриком в БЧ-5 и вообще он из Херсона. Мы со временем его тоже сделаем человеком и станет он судовым электриком. Но со временем. А сейчас просит меня Ярыгин

выйти из каюты, поговорить нужно. Выхожу, слушаю. Одет как-то Саша не так, как я привык, ну да не мое это дело. Говорит мне Саша, чтобы завязывал я с шахматами, а минут через пять, чтобы был на корме у шпиля. Отправляю я Шевалье, выхожу на корму, откуда-то из-за контейнеров на причале выскакивает Ярыга и через борт перебрасывает пакет. Пакет как пакет, не идти же к комиссару с вопросами. Беру я этот пакет и несу в каюту. Как-то никто и не встретился или, может, просто я не заметил. Судьба хранила. Примерно через час вижу на судне я Сашу и говорю ему – Забирай пакет! Он мне и говорит, пусть, мол, лежит. Ну, пусть, так пусть. А потом спрашивает, где я его спрятал. Удивил, однако. Говорю я ему, что пакет его у меня в каюте. Товарищ мой весь с лица сошел. Почему я не спрятал пакет в румпельном отделении или еще где? Ну и отвечаю я ему, что играть с ним в карты я не садился, но если он очень хочет, могу я его пакет отнести комиссару или еще кому могу передать. На хранение. А Сашкин папа - бывший старшина НКВД, Сашка ходы и выходы знает и валюта у него, как оказывается, хоть и болгарская, но водится. Сталкивался я с таким случаем еще один раз, но тогда речь шла о том, что мама работает в КГБ. В Херсоне. И валюта была другая. Правила, оказывается, для каждого случая свои. А Саша в Измаиле за пакетом приехал на «Шевроле». Машина трофейная, папа из Германии привез или у кого в Измаиле присмотрел?

Возвращаемся мы в Измаил, прощаемся с волгарами и начинается работа «Осетии» по обеспечению круизной линии «порты Дуная - порты Черного моря». Иностранцев прибывших на речных лайнерах принимаем мы в Измаиле, катаем по фирменному маршруту Измаил – Ялта - Варна и возвращаем в Измаил. За мной закрепили оборудование по обслуживанию ресторана. Из этого следует, что шеф-повар, а именно на этом титуле, Гена настаивает, кормит меня красной икрой. Представьте себе ложками. Из миски. Он готовит икру, эту самую, по какому-то особенному рецепту, кажется с луком и майоне-

зом. Съесть можно много, и у меня с тех пор, кроме как от помидор, аллергия еще на красную икру и рыбу красную. Когда иностранцы из соцстран, Коля Колесо, по ночам водит иностранок в центральный пост управления на экскурсию, когда из капстран, иностранцы меня угождают спиртным. Нравлюсь я им почему-то. Утверждают, что я похож на Джанни Маранди. Может, догадываются о буйном моем характере и рассчитывают на алаверды? Братцы, я бы с удовольствием, но не можем мы по закону иметь при себе за границей деньги, да и в баре не дадут при таком раскладе, хотя я иногда и ухитряюсь ответить на угождение. Не велено нам говорить, что не при деньгах мы. В очередную стоянку приходит ко мне в гости Юра Ермоленко. Успел он сходить дважды в Средиземку. Пленти ов мани. Гуляем. Но беда, мне с судна не сойти, экипаж то местный, так я в Измаиле на стояночной вахте бессменно. Юрка говорит, что наша измаильская публика преисполнена ко мне сочувствием за мое прозябанье на каторге. И он особенно гордится, что не стенаю я. Выпили мы с Юркой, бутылки коньяка оказалось мало. Только Юра побежал в монопольку, спускается ко мне в каюту Владилен Владиленович - старый педераст. Он уже знает, что я импотент, ко мне вопросов нет. Но вот влюбился он в приятеля моего. Вот как только увидал, так и влюбился. А как его зовут, а придет он еще или нет? Нет, вообще он с Юром успел познакомиться. У трапа. Но он весь нетерпение, очень он хочет.

- Ну вот столечки, ну во только чуть, чуть! Поговорил бы ты Виктор, с товарищем своим!

Ну, да, Владилен Владиленович, взглядов мы придерживаемся широких, только когда все это нас не касается. Пошлет Юра нашего секретаря партийной организации в городской садик, где у туалета и собираются озабоченные его товарищи по интересам. Интересно, члены партии среди них были? Вот бы партячейку! Такое вот голубое сало!

Ни слова не придумал! Но рассказывал, и рассказ этот, у

слушателей во времена оные, доверия большого не вызывал. Да и то сказать, в новинку нам такое достижение цивилизованного мира.

Нам вечер представитель Коминтерна не испортил. Предупредил я вахтенного штурмана, предупредил я и вахтенного механика, оставил вахту и ушли мы с Юром в ресторон. Все отнеслись с пониманием. В ресторане было весело и были девочки. По преимуществу из Голубой Дивизии. Так в Измаиле называли, дам, так называемого полусвета, которые оказывали известные услуги морякам-иностранным. Впрочем, и сейчас наверно сие спецподразделение благополучно процветает. Нет, процветает весьма условно, но за уклонение от общественно-полезного труда к уголовной ответственности дам, никто не привлекает. Может быть, они общественно-полезным трудом занимаются где-то по совместительству? Что-то такое туманно предполагалось, но про наших ласточек мы тогда еще не знали. Или то чем они занимаются, что ни на есть общественно-полезное дело? Сидят дамы в вестибюле «Голубого Дуная» вдоль стеночки. Надо сказать никого не трогают. Наши с ними не общаемся. Проходишь мимо, в сердце заползает тоска. Тоска. Хочется в Херсон. Посидели мы в лучших традициях, и играл нам ресторанный оркестр весь вечер и половину ночи про город у моря и песни Челентано.

Спустя уже годы узнал я случайно, что партайгеноссе наша решила свою проблему. Может и не лучшим образом, но без участия моих знакомых.

Теперь, когда воспоминания о нелепых поступках давно ушедшей юности вгоняют в краску чаще, чем позор повседневная реальность, а в телевизоре утверждают, что все то, что нам так не нравилось, всего лишь вариант нормы, рассказ о веселом гомосеке едва ли кого позабавил. Сам я их на флоте больше не встречал. Разве, что только много-много лет спустя, да и то по крайней служебной надобности. И не на флоте. Но об этом речь нескоро.

Ходим мы по Черному морю, как шахтерская лошадка по кругу. В Болгарии к нам каждый раз приходят гости из числа местного народонаселения. У нас вообще то своих болгар в экипаже хватает, но гости от нас ничего особого не требуют. Капитан из, только ему одному известных резервов, устраивает иногда в баре совместные посиделки. С выпивкой. Знакомая землячка-болгарочка из ресторанный команды, сказала, что хочет со мной познакомиться студентка из числа активисток местного отделения Болгаро-Советской Дружбы. Теперь, когда мы приходим в Варну, у причала каждый раз ждет Цветана. Ох, не ходила бы ты Цветана! Ей невдомек, спишишься я скоро, и курсы мои будут пролегать ох как далеко от чудесной страны Болгарии. А она еще долго будет приходить на причал к приходу «Осетии». И будут у Цветаны неприятности. Прости, Цветана, своих ортодоксальных земляков. И меня прости, не виноват я. Не буду я больше общаться с иностранками. Люди везде одинаковые, если только это не родная мама. Пройдут годы и мой племянник, известный в Болгарии актер, захочет жениться, так поставят ему непреодолимым условием принятие ислама. Такое вот у этой короткой истории продолжение в условиях новых реальностей. Ходим мы по морю, считается –работаем. Как работаем, так и платят. Мне мои друзья периодически указывают, что якобы не делом я занимаюсь, потому, что дохожу я на «Осетию» до конца навигации, а потом надо будет становиться в ремонт. Если я не спишишься с судна во время, это создаст проблемы для моих товарищей. Перед межнавигационным ремонтом менять электрогруппу в полном составе никто не станет. Бегать до Болгарии, это куда не шло, а перспектива сидеть всю зиму на Одесском СРЗ, совсем никого не воодушевляет. И девочек не будет. А поскольку мне нужно получать рабочий диплом и вообще меня ждет большое будущее то мне и ветер в спину. Ох, и большое же это будет будущее! Я и списываюсь, официально для оформления рабочего диплома. Может и самое время, негритянка со Святой Тамары уже почти не снится.

Глава 8

Море Средиземное

Следуя советам друзей и разумению собственному, списываюсь я с «Осетии». Выходных дней к отгулу у меня накопилось немеряно. На пароходе нашем, имея в виду не особенно высокую его престижность, полагается за каждую отработанную неделю два выходных дня к отгулам. Нет, еще совсем недавно на всех судах минморфлота полагалось по два оплачиваемых отгула за каждую отработанную рабочую неделю, то есть выходные за субботу и воскресение. Но потом распорядители душ и выразители чаяний народных масс решили, что плавсоставу морских судов за отработанную неделю достаточно и одного выходного дня, то есть отгул отработанного воскресения. На реке вроде бы так и оставалось по два выходных, но поскольку у моряков заработка плата при прочих равных условиях, выше на десять рублей, да в загранку часто они ходят, хватить им за отработанный месяц и четырех оплачиваемых выходных дней, которые они и проведут в пьянстве, а может в семье. Это как у кого устроилось. Утверждают, что профкомы и парткомы принимали решение по данному вопросу единодушно. Так вот на нашей «Осетии» у меня этих дней набралось много, потому, что для экипажа «Осетии» нашей скончухи. Трудно на «Осетию» экипаж подобрать. Нет, ходит меж Одессой и Измаилом лайнер еще меньше, озерного типа. Теплоход «Белинский» называется. И проблем с экипажем на «Белинском» не было. Так ведь на лайнере этом кроме Коли Козубенко из нашей мореходки никто больше и не ходил. А Коля наш, дело известное, пример всем. Когда на берегу у нас заканчиваются деньги, Коля нас кормит обедами. Пройдут годы и Коля скоро станет механиком наставником пароходства.

Набралось у меня месяца два времени свободного, провел я его, сообразно таланту и опять в Измаил. Не очень хочется мне в Одессу на СРЗ, да как-то не вздрагиваю я по этому

поводу. Решил я, что жизнь для меня пакостей приготовила много и нет большого смысла пытаться всем им противостоять до времени. Пожары будем гасить по мере возгорания. У меня тоже в кармане карты. Сам я возможно и не догадался бы, но я же не один. В Измаиле у меня замечательный дружок- Витяка Майнозов. Витя мореходку закончил с красным дипломом и вообще кругом справный. С Витей мы подружились накануне выпуска из училища – вместе в октябре семидесятого рванули в самоволку в Комрат. Дня на четыре и не попались! Витя не только умница большая, он еще и умелец народный.

Так вот Витя сразу после выпуска получил рабочий диплом и соответственно сразу же был направлен на морской буксировщик типа «Сильный». Были такие суда в Советском Дунайском пароходстве. Таскают баржи с рудой по маршруту «Херсон-Измаил» и «Николаев-Измаил». Но это кому как повезет. Попаду я, в конце концов, попаду на буксировщики, но только не в Херсон. В Херсон визы мне так и не будет. Но все это очень нескоро, а пока возвращаюсь к нашей Бабе Яге, которая командует пассажирскими судами. А Бабка мне и говорит железным голосом,

- Молодой человек, вам совсем и не сюда!

Ну, да Ушак-Паша обещал меня забрать после навигации назад на сухогрузы средиземноморских линий, но у меня сердце не екнуло, потому ведут меня совсем в другой кабинет – к инспектору, который управляетя рудовозами и теми самыми буксировщиками, которые типа «Сильный».

- Нуте- с! Молодой человек, Ваш рабочий диплом и на судно! Проверку знаний, надеюсь, прошли?

Дней у меня к отгулам было примерно сорок- пятьдесят. Погулял я, как мог, а вот документы на рабочий диплом сдать не удосужился.

- Иван Иванович! Справка у меня с Каспия не прокатила, рабочего диплома я так и не получил.-

Объясняю, как могу, почему справка моя о плавании на

Каспии дефектная и вообще, проверьте. Инспектор долго не сокрушался, спросил только в порядке ли у меня паспорт моряка. Ну, а раз все в порядке, приходит послезавтра «Хорол», под погрузку на порты Ливии. Медкомиссия у меня в порядке, остальные документы - тоже. Так, что иду я электриком. Инспектор делает многозначительный вид, типа в противном случае пошел бы электромехаником. Так я ему и поверил! И как, оказалось, был я неправ. И дело совсем не в том, что инспектор мечтал сделать мне карьеру.

Приходит «Хорол», электромехаником Тищенко Володя, выпускша шестьдесят восьмого года. И говорит Володя, что он рад, рад и я. Будет у кого поучиться. Да вот беда, прослужить мне с нашими ребятами придется недолго. Уехал на следующий день Володя в Херсон, домой к жене. Погрузку металло-прокатом ведем без электромеханика. Готовлю судно к отходу. Нужно сказать, что главная задача, которую поставил передо мной шеф, не попасться ни на чем, за что могли бы списать с судна до его возвращения. Поэтому, что он про меня уже слышал. Спрашивает, почему не женился. Нет у меня ответа, Володя, поезжай в Херсон.

Володю я не подвел, дождался. Вернулся Володя из Херсона через четыре дня и, по семейным обстоятельствам, списался с судна. И тут понадобился мой рабочий диплом. Во всем пароходстве не оказалось ни одного электромеханика, которого можно было бы запереть на наш пароход. А уж как Володя плевался! Нет, нашли человека. Не знаю с каким желанием шел он к нам на «Хорол», но ситуация ужасающая. Ходил он на судах типа «Тисса». Матросом. Мореходку закончил в Одессе у рыбаков – заочно. Когда в разговоре ненароком заходит речь о том, где он стажировался, шеф отвечает в полгода и в сторонку – на СРЗ. Не дай бог кто услышит. И где только диплом купил? Похоже, что ему неизвестна даже процедура получения рабочего диплома

Когда в Италии выйдут из строя одна за другой грузовые

лебедки, и увижу я, каким методом шеф пытается их ввести в работу, попрошу я его подвинуться. Чтобы не угробил лебедки окончательно, да сам невзначай не зашибся насмерть.. Шеф тыкал в контакторы палкой, чтобы выяснить причину не-поладки. А может, чтобы продемонстрировать, что хоть что-то делает .Как знать? Нет, в жизни встречу я и других заочников, но не электромехаников, а если и электромехаников, то только не таких. Этот был уник. И только не нужно говорить, что это мореходка такая. Ерунда это. Человек такой. Да подход-отход в механико- судовой службе, видно, был согласно заведенному порядку.

Ну, да ладно. Есть в нашем экипаже и нормальные люди. И не только из нашей мореходки. И Сашка Лозович. Сашка матросом. Чего-то тот намудрил, типа меня, со справками о плавании. Нарабатывает ценз по-новой, или на буксиры опасается попасть. Говорят с буксировщиками возврату нет. Стармехом у нас Эдуард Александрович Черчес, выпускник Мурманской Вышки. Интересный мужик и кажется очень грамотный. Его тоже запомнят, и наверно о нем еще расскажут. За бугром он, как и многие из наших. В Германии. Подрались мы с ним на спор. Он меня победил. Такие вот развлечения. Эдуард Александрович, я реванша не требую. Для меня очевидно, что , высшее образование полученное впоследствии едва ли укрепило мои мышцы и череп, да и остальные элементы каркаса тоже. Только турниры с Эдуардом Александровичем устраивать мы стали позднее. Уже после рейса, когда познакомимся ближе. Пока мы играем в шахматы. В шахматы он у меня тоже, того. То есть, я у него может, и выигрывал, но редко- редко. Если Эдуард Александрович будет утверждать, что никогда, считайте, говорит правду. И в бильярд я того. Но вот в карты! Эдуард Александрович, со старым мошенником в карты играть сядете? Потом, когда шахматы и бильярд приелись, а в карты играть надоело, я предложил бокс. Я же глупый знать не мог, что Эдуард Александрович перворазрядник и чемпион училища. Нет,

он, кажется, предупреждал, так ведь, наверно, неубедительно. При мне же он никого не колотил. Но турниры будут позже. Пока идем мы вниз по Дунаю. Слева Килия, справа Килия-Веке, дальше Прорва, Змеиный справа и на Босфор. Неприятности начинаются почти сразу. То ли корректуру карт района плавания не провели, третьего помощника поменяли на самом отходе, то ли извещения своевременно не было, или третий помощник сплоховал, но попали мы в зону учений турецких торпедных катеров. Катера те и торпеды ихние похоже того же класса, что и наш «Хорол». При своевременном обнаружении торпеды, а заметил ее Сашка Лозович заблаговременно, можно было бы отвернуть от нее или даже держать по корме в потоке гребного винта, есть и такой маневр. Торпеда то турецкая. Только наш «Хорол» тоже не эсминец. Уткнулась турецкая торпеда нам в борт и всплыла. Во бы спереть, так ведь бусурман подлетел и давай по английски, да по английский. Ну, тут мы турка на лопатки и положили. Вякнул я с борта турку пару слов, тот весь и обомлел. Это я крикнул по гагаузски, что мы по-английски не того. А кто меня помнит, тот скажет, что шум от меня больше, чем от Матвиенко с мегафоном. Недоброжелатели, при необходимости, могли бы сравнивать меня и с судовым тифоном. Турок от неожиданности перешел на русский. Вот такой вот инцидент. Похоже, все-таки, что турки с навигацией тоже не особенно дружили, потому, что конфликт, в конце концов, был разрешен мирно. На входе в Босфор поднимался к нам представитель супостата, о чем-то толковали с капитаном. Как можно было понять, говорили ли по-русски. Так то. Интересовался турок, много ли на борту его соплеменников, чем вызвал у капитана самое глубокое недоумение. Я потом еще в Италии буду изъясняться на местном наречии, чем у ребят из мореходки вызову живой восторг.

Просижу я весь Босфор у главного распределительного щита. Но меня это совсем не огорчит, потому, что мне больше по душе Дарданеллы и Мраморное море. Море как море, а вот

сам пролив действует на меня гипнотически. Чем-то места эти напоминают далекое детство. По правому борту на траверсе памятника турецкому аскеру выложенному на склоне горы, капитан Землянов подавал сигнал, приветствуя мужество павших. Так ведь это Землянов, потому и вспоминается. Потому Землянова помнят. Не сигналят наверно потому, что немного в сторонке, совсем рядом, Галлиполийские лагеря, и сигнализировать здесь аполитично. А может, не знает никто о высадке Антанты, ни о том, что в Антанту входила и Россия? Трудно сказать, Россия то была царская. А вот Staff Captain Птица в курсе дел, ему родители рассказывали, потому, что это история нашей Родины, потому, что это и наша история. Не у одного же меня дед воевал. У нас в школе про высадку в Дарданеллах знали все, про Гелиболу тоже.

В конце времен люди наперегонки с собственной тенью мчатся отречься от собственного прошлого, если только не рассчитывают на реванш. Нет, мой дед воевал на австрийском и в Дарданеллах и на Босфоре не бывал. И почему в Дарданеллах на траверзе турецкого аскера и русских Галлиполийских лагерей щемит сердце? Место, наверно, такое. А может память генетическая?

Родину люди защищали, и до конца. Турки и русские. Каждый свою. Англичане тоже. Наверное, потому. Вечная им память. Не учили этому в мореходке.

Выкатываемся мы из Дарданелл, застарелая как болезнь шутка, все ли проверились на водотечность, потому, что после Мотопана лечение триппера у судового лекаря платное, как во всем цивилизованном мире. У нас валюта в цене. Закрадывается подлая, совсем не социалистическая мысль, попасть бы сюда как-нибудь на рыбацком баркасе. Яхты не будет никогда, но вот перестроить большую спасательную шлюпку, поставить под парус и вперед. Не выйдет. В Архангельске капитана с интересной фамилией Ню, после подобного высказывания затаскают по профилактическим мероприятиям. Перестроит мужик

спасательную шлюпку под самопальную яхточку, а на досужие вопросы любопытных скажет, что хочет смотаться на Запад. На резонное замечание, что арктическим морями далековато будет, капитан не менее резонно ответит, что внутренними водными путями выведет в Черное море, а там и Стамбул с Дарданеллами недалеко. Уполномоченные на то лица решили, что самое время начать профилактирование. Профилактировали долго, нудно и как обычно наперекосяк. Расстреляли бы сразу, что ли?

Поднимался на мостик, смотрел штурманские карты. Местность в Ливии, куда мы идем называется Триполитания. Так мы под выгрузку в Бенгази, потом в балласте до Триполи, откуда берем генгруз и на Туапсе. Груз интересует экипаж не особо, разве, что второго помощника да боцмана. Мы не коммерсанты, а может совсем даже наоборот и мы как раз коммерсанты. Потому, что кто из нашей мореходки, тем нужны джинсы, замшевые куртки и если хватит денег хорошо бы ковбойские сапожки. В те далекие годы по нашему разумению это классно, что одновременно означает красиво и престижно. Сейчас в этом я, почему-то больше не уверен. Наверно, что то в жизни изменилось. В лучшую ли сторону, а может, просто, состарился? Вот остальному экипажу нужны мохер, гипюр, парча и галоши. На селе товар самый ходовой. Кажется мне, что экипаж наш больше ничем не интересуется. Если только не старший механик. Но дед статья особая, мы ему не ровня. Что касается пряжи и тканей, вопросов у читателя не возникнет, что же касается галош, то тут для любого разумного человека потребуются пояснения. Галошами моряки называли женскую обувку. Не думаю, что обувь эта предназначалась для покойниц, потому, что была она очень замечательных расцветок, красивого, это берусь утверждать и сейчас, фасона, но, однажды надев ее и выйдя на прогулку, нужно было быть готовым, что домой вернувшись босиком. Обуви этой в средиземноморских портах на базарах было горы. О том, что обувь эта из картона, продавцы

предусмотрительно не предупреждали, бывалые члены экипажа об этом тоже предпочитали помалкивать. В Ливии туфельки стоили пол-фунта за пару, это примерно пару долларов, если конвертировать через рубль. По нашим возможностям цена не бросовая, но приемлемая. Моряк имел право в год при пересечении госграницы беспошлино перевезти двенадцать пар этой обуви и сорок метров ткани и на эти деньги потом пить, гулять, содержать семью, ходить по ресторанам, а еще мог на внутреннем рынке приобрести несколько пар ГДР-овских приличных костюмов. Не для VIP- персон, но приличных. Одна пару туфелек можно было продать за 25-35 рублей, а приличный костюм, если повезет, можно было купить за 120 рублей, шикарный английского пошива – за 180 рублей. Но мы предпочитали шить в мастерских и совсем не потому, что дешевле, а стандарты капиталистических штанов нас не удовлетворяли. Нам казалось, что в мастерских шьют лучше. Сейчас и в этом я совсем не уверен. Некогда существовавшие порядки по истечению времени вызывают все большое недоумение.. На судах таможенный режим был таков, что моряк мог привезти только то, что не подлежало таможенному обложению. Все остальное было ферботтен и расценивалось как смертный грех, Потому, что моряки все, что было сверх предусмотренного указанными нормами, прятали, где только могли и вполне естественно, что все после этого приобретало характер контрабанды. Как поступали помполиты, простым смертным неведомо. Комиссары в строю есть? Поделитесь воспоминаниями, расскажите.

У одного помpolitа в Измаиле, кстати, обнаружили контрабандный гипюр под одеялом. Сдается мне, что комиссар был весьма одиозной личностью и компот устроили ему уполномоченные на то лица, чтобы не терпеть подонка в своих рядах. Встречались среди уполномоченных и такие. Не часто, но встречались. С какой стати стали бы ворочить постель помpolitа. На моей памяти такого, вообще ни с кем не было. И слыхать не приходилось. Оперативное прикрытие в любом

случае было высококвалифицированным. Поздравляю. Не все же капитана Ню гнобить, за чью то глупость.

Итак, идем на Бенгази. Я и раньше слышал, что арабы вроде как не того. Ну не совсем мягко говоря цивилизованные. Есть люди и есть еще кто-то. Так, - расходный материал. Это как капитан третьего ранга Матвиенко и остальные. Из наших парней в арабских странах никто еще не бывал, что же касается остального экипажа, то мнений кроме как оскорбительных в отношении арабов и не слышал. Подходим мы к Бенгази, входим в порт с лоцманом и сразу к причалу. После швартовки выхожу на палубу, порт как порт. Как-то не по себе .Чисто, аккуратно. Странно все это. Ходим мы по центральным улицам. Восток есть Восток, и если об этом не забывать, то ничего особенного в глаза и не бросается. Ну да со стен везде своих сограждан и иностранцев приветствует вождь революции и руководитель джумхурии, тогда еще капитан, Каддафи.. Джумхурия -это государственное образование в цивилизованном обществе вроде республики. Правда, что такое республика и цивилизованное общество это тоже вопрос еще тот, и понимают его не все одинаково . И у нас тож. Партийная пропаганда зато хватает

Так Восток ведь. К тому же у нас страна всеобщей грамотности. И нет в этом никакой иронии. Именно потому у нас больше плакатов и меньше портретов.

Полные презрения к арабскому роду-племени селяне мерчутся по городу в поисках дешевых товаров. Оно и понятно, и самим хочется кушать и семью нужно содержать. Если удастся в течении года сделать четыре полуторамесячных рейса за кордон, считай, улыбнулась удача. Откуда предубеждение к местному населению я пойму достаточно скоро, как только увижу нелепые попытки помpolitа в проведении контрпропагандных мероприятий. Странно, но профанность этой публики никого не волнует. Один мой коллега убежден, что в диете наших сограждан промывание мозгов было крайне необ-

ходимым продуктом в силу нашего отставания в экономике. Не время и не место об этом спорить, однако в такой деликатной сфере, как оболванивание соотечественников, можно было бы подобрать людей и по грамотней. У нас же контрпропаганда это постоянная тупая демонстрация фанатической преданности. Наш военный товарищ в этом преуспел, ему бы в компанию партнога с «Осетии». Во, был бы tandemчик! Экипажи давно все поняли правильно и кому это не впадлу, копируют помполитов - им то визу не закрывают, они ведь анекдотов не рассказывают. А если и рассказывают, то самый остроумный о том, что Форд разбрзлся а Картер остался. Это после известных выборов в Штатах. Особой неподготовленностью отличались помполиты в Советском Дунайском пароходстве. Правда говорят и батумцы не отставали. Поэтому особенно забавляет, когда за границей остаются именно помполиты. Статистики никто не вел, но, на мой взгляд, больше всего предателей было именно среди этой категории плавсостава, ну и среди народца подремучей, на просвещении которого сэкономили государство и родители. Не спрашивайте, по ком звонит колокол.... Спросите, где были все те комиссары, когда пришло время. Я отвечу - стояли за прилавками. Родиной торговали и партбилетами.

Однако, как оказывается все не совсем, так и просто. Не нужно сильно приглядываться к нашему деду, что высмотреть семитские черты. А ситуация на Ближнем Востоке с библейских времен, мягко говоря, неоднозначная. В Ливии совсем недавно был очередной исход евреев, который сопровождался массовой конфискацией имущества беженцев. Но все это покрыто глухим молчанием. Не узнал бы и я об этом, но приходили на судно молодые офицеры – ливийцы, выпускники одного из Ленинградских военно-морских училищ. Один из парней увидав нашего стармеха и рассказал мне эту грустную историю. Были у него соседи – евреи, уехали после очередной войны на Синае. Он сочувствует и мне это странным совсем не

кажется. Между тем, узнаем мы, что в Бенгази один из старейших университетов средиземноморья. А металлопрокат мы, похоже, доставили для металлургического комбината. Идет строительство. Город фактически состоит из двух поселений. Старого города, по арабски традиционно называется мединой, и Нового города. Ну да мы особенно по городу и не ходим, а в старый, и вовсе не рекомендовано. Не с нашими деньгами, да и город все-таки арабский. Не Румыния и вовсе не Болгария, и даже не Европа.

Заканчиваем грузовые операции и снимаемся на Триполи. Настигает нас на переходе пыльная буря. В воздухе кругом песчаная пыль. Песок везде. Мало того, что ничего не видать, так еще и не работает наше древнее навигационное оборудование. На экране локаторов сплошное пятно. Становимся на якорь. Нам наплевать. За каждый день причитается валюта, не большие, но все же деньги. Да и каждый рейс за границу может оказаться последним. Мало кому не понравишься. Работать в нашем государстве почетная обязанность, а работу на судах загранплавания и вовсе нужно расценивать как почетную награду. Это очень хорошо понимали речники. В их экипажах из каждого можно было извянуть образ героя нашего времени. Образец человека будущего. Когда пришлось побывать на судах речников, показалось, что побывал в маэцзедуновском Китае. Речники в рестораны на стоянках не ходят, про вино и девчонок у них говорить не принято. Это вам не Северное морское пароходство. Прошу не путать с нашими дунайцами. И имейте в виду, речь не о сорвиголовах с сибирских рек, которые на своих плавкурятниках, сегодня заполонили не только Балтику, но все средиземноморье контрабандными сигаретами российского производства. В те далекие времена район их плавания ограничивался внутренними водными путями. Для них, также как когда-то для нас, груз значения не имеет. Танки или строительный песок, неважно, важно, чтобы коробки с сигаретами можно было закопать или еще как, но чтобы не попасться.

Отстаиваемся мы посреди моря примерно неделю. Похоже, пароходство требует завершить доставку груза или метеопрогноз изменился, но кругом ни зги, а мы снимаемся с якоря и на ощупь, средними ходами движемся к Триполи. На самом подходе к порту развиднелось. Мы входим в порт и идем к причалу первыми. Эти сумасшедшие арабы сразу начинают погрузку. Куда подевалась их легендарная лень? Мне же лебедки настраивать.

На следующий день с утра я с Сашкой Лозовичем и Валерой Бабушкиным, который у нас третьим помощником, идем в город. Прочитал Валера в лоции, что в городе большой историко-краеведческий музей. На картах определились в местонахождении, и надо такому случиться не только музей оказался, где ему и быть положено, но еще и радушные хозяева гостеприимно распахнули перед нами все двери. Может быть, музей был закрыт для посетителей, но кроме нас в огромных залах больше ни души. Не видно даже служителей. Перед нами сразу извинились, что гида и переводчика не будет, но мы можем осмотреть весь музей без каких-либо ограничений. Все экспонаты снабжены подробными пояснениями, в том числе на английском языке и втroe мы весьма бойко все это читаем вслух. Благо никому не мешаем.

В голове подлецкая мысль, в которой и самому-то страшно признаться. Все экспонаты, оружие самых разных систем, в том числе вполне современные револьверы лежат прямо на полках! Никто ведь не присматривает. Забирай, что хочешь! Мы тогда не знали еще, что такое шариатский суд и, что самое широко применяемая кара в мусульманском мире за кражи - усекновение руки. Ну да, и мне ведь об этом рассказывали на курсе истории государства и права и совсем не в мореходке. Ничего мы не трогали. А оружие мальчишкам в руки всегда хочется. Особенно до тех пор, пока не придется стрелять по живым мишням.

Погуляли мы по городу, обзавелись вожделенными джин-

сами и другими обязательными аксессуарами молодого джентльмена бывающего за рубежом, чаще чем дома. Больше и в город вроде незачем. Зато гости у нас. Это добрая традиция, когда суда посещают представители различных зарубежных представительств. Все они хотят селедочки и черного хлеба. Злые языки, правда, утверждают, что труженики эти больше любят водочки попить на шару, а из желания сэкономить валюту слопать готовы и кирзовье сапоги боцмана. Как тут правду узнаешь, в машинную команду они за селедкой ни-ни. Но замечено, что с судна уходят с пакетами. Ушли и наши гости, а мы в соответствии со всеми нормами морского и международного права с грузом апельсин снимаемся домой. На Туапсе. Между тем, замечаю я, что кто сходил в Триполи в музей, к арабам относятся как-то не совсем, так как остальные члены экипажа. И в Союзе я этих патриотов в ресторане по случаю прихода тоже не видел. Ну и что. Люди, хоть и одинаковые все, да видать как пальцы на одной руке, друг от друга отличаются. Есть среди них поумнее, а встречаются такие, как и мы. Это совсем не критерий, как к ним относиться.

Идем мы в Туапсе с дедом в ресторан. Ну да, дед с электриком, а чего нет? Проигрался дед в карты, вот и ресторан. Расплата за неосмотрительность. Деду всего лишь чуток за тридцать. И жена у него красавица. Но когда рано утром приехала на судно, Эдуарда Александровича она не застала. Потому, что у нас ночь была длинная. Из ресторана вернулись на судно. Развлечений больших не было, и когда допили коньяк, устроили мы рукопашный бой, который пришлось остановить по техническим причинам. Оказалась у меня бровь рассечена. В качестве компенсации ходили мы в бильярдную. Кто помнит в Туапсе это место? Мы с дедом играли где-то в бильярд и почему-то платили за поломанный кий, а под утро дед пошел встречать жену, а я на пароход. Глаз у меня к утру заплыл совсем. Вот такой конфуз случился, но все разрешилось благополучно, и участники этой истории были благосклонно амнистированы.

Живем.

Наши небогатые накопления сделанные в результате нехитрых и почти законных коммерческих операций по обеспечению народонаселения товарами народного потребления оставлены в местных увеселительных заведениях. Те, кто поумнее, распорядились своими средствами надо думать на лад иной, но деньги все равно на исходе и мы с чувством знакомого морякам облегчения снимаемся с грузом металла на Алжир. В Беджаю или Бужи. Это кому как. Жизнь прекрасна, товарищи офицеры. Любить нас пока не за что, но жизнь налаживается!

Пути хоженые- перехоженные приводят нас в Беджаю. Виды прямо с судна как для туристических буклетов на «Осетии». Народ пошел гулять на склоны гор. Есть на что посмотреть. Я на свою голову остался на судне. Да и работа. Выгрузка собственными грузовыми устройствами. Сомневаюсь я сильно в своем шефе. Сижу себе в каюте, книжку читаю. Вызывают по спикеру к трапу. Вахтенный матрос Пашка из Рени говорит, что комиссар ищет. Нужно ему чего-то. Иду, понурив голову. Оказывается у нас гости, а у меня опыт. Два лейтенанта алжирских ВМС. Базируются они восточнее, в Аннабе, а так учились в Питере, пришли судно посмотреть, не буду ли я столь любезен. Буду и даже очень. Потому, что будут к тому причины. На судне нашем кроме тараканов любопытного ничего и нет, но это ничего. Я угощу ребят чаем, поговорим о том и сем и ладно. Разговариваем, парни вспоминают Питер и тамошних девчонок. Али и спрашивает меня, не мусульманин ли ты Витя. Нет, Али я не мусульманин, но предубеждений к иноверцам не испытываю. Ну, тогда Али и говорит, Витя мы выпить предлагаем не чаю совсем, и у нас с собой.

Парни, а что насчет запретов? Фаттах, машет рукой, типа прекрати, мы сегодня, Витя, русские, а это значит, пьем даже в подводном положении, как капитан третьего ранга Маринеско, который и вовсе молдаван. Ну да, ребята ведь учились в Ленинграде. Спрашиваю, знают ли гости ливийских парней,

которые приходили к нам в Триполи. А как же, если, что следующий раз можно встретиться всей толпой. Они парни русские и традиции чтут. Выпили мы неслабо, под закуску, что достал сменившийся с вахты у трапа Пашка. Пашка вообще личность историческая и кто ходил на рудовозах помнят Пашку. Пашке неудобно - помполит прислал присматривать. Ох, и ошибся же помполит! Как он будет сокрушаться за свою доверчивость. Боком выйдет помполиту это поручение. Я ему сочувствую. Я парень хороший. Меня мама учила порядочности. Ну да следующий рейс, многим чуть боком и не вышел. Выгружались мы в Рени, это на Дунае, чуть выше по течению Измаила. Пашкина родина. Неприятности начались с того, что я тоже накупил галош. Аж десять пар и все это с чемоданом апельсин привез в Комрат. С апельсинами ничего, хотя на проходной охранник- молдаванин головой качал неодобрительно, но вот с галошами, спрос на которые ажиотажный, как выражается Коля Выдриган, вышла конфузия. Хотели заявить претензию. Но это позже. Это в смысле претензии. После того как галоши расползутся. Дома пробыл я недолго, вернулся на судно через пару дней, а выгрузка закончилась и уже грузимся на Тунис. Оказывается, шефу при перешвартовках помогали электромеханики всех стоящих в порту судов. Или почти всех, кто имел к этому возможности. На, что мне было указано. Оказалось, ренийские докеры даже чай пьют и обедают, не покидая кабин портовых кранов, и даже нужду справляют с использованием средств малой механизации. Зимой, когда порт Рени закрывается из-за ледостава, ренийских докеров отправляют в командировку в Одессу, где они срывают все расценки, за что неоднократно были биты одесситами. И мы с этими ударниками комтруда, чуть не попали в историю. Были проблемы с открытием крышек трюмов. А я уехал домой. Обошлось. Но не все. Сменился у нас частично экипаж. Третьим помощником теперь не Валера Бабушкин а Саша Калинин. Механика прислали очень интересного, ремонтного. Сварщик он из базы

ремонта флота. Подразделение называется может и иначе, но суть его именно такая. Любопытный такой. Все поговорить норовит. Старческая логгеря? Есть такая болезнь - выражается в словесной невоздержанности. Все станет понятным, когда расскажет, что служил в охране лагерей для пленных. А может не пленных вовсе? Хотя, наверно, все-таки пленных. Рассказывал, что эсэсовцы, которых он охранял, ссылаясь на цвет своей формы, утверждали, что они железнодорожники. Хотя и прочитать об этом можно было. Я читал. Цвет черный. В общем, товарищ был подготовленный. Все ему хотелось услышать от меня конкретный комментарий притом, что все услышанное казалось ему невнятным и хотелось ему, что бы я как-нибудь сказал, да не так как написано в газетах. Невдомек ему было, что люди имеющие отношение к издательскому делу, к тому же еще и университеты заканчивали. А ему и среднюю мореходку не довелось. А зачем? В охране лагеря не надо было, на базе ремонта тоже. С маневрами местного значения знакомыми дрожками так и добираемся до Туниса. И здесь тоже неладно. Местная погранично-таможенная служба обнаруживает, что у нас на камбузе, где вроде бы кладовка должна быть, дверь заварена. Требуют открыть и все тут. Становится понятным, зачем нам сварщик. Разговор на повышенных тонах часа два, потом власти убираются подобру-поздорову. Это радиист, предварительно запершийся в радиорубке, с Москвой связался. Еще через час прибывают представители посольства, и сварщик идет заниматься своим основным занятием. Сварка у него получалась лучше, чем выполнение сопутствующих поручений.

В Тунисе на берег не схожу. А кто ходил, вернулись разочарованными. Цены не ливийские. Выгружаем мы металлопрокат и берем курс на Сицилию. Мы слыхали, это там где мафия. А еще там плащи болонья. Но кое-чего, мы все таки не знали.

Слава Калинин жалуется на свою херсонскую тещу. Не устраивает Сашкин темперамент тещу. Вот так вот. Невоздержан Саша. Это в смысле секса. Мы ребята неженатые, что

такое теща и все с этим связанное не знаем. И присоветовать ничего не можем. Женимся, во дела будут. За работой, да карточной игрой, от Туниса до Италии всего ничего. Но вот на Сицилии мы себя покажем. Всю свою необузданную сущность. Все. Не то, что комиссару - чертям станет тошно. А пока мы играем в карты.

В Рипосто пришли мы на рассвете. Стали мы к причалу, который буквально на глазах освободило однотипное судно Каспийского морского пароходства. Систер-шип «Зангелан». Давно, надо думать, на иголки пущен, а вот вспоминается. И все благодаря бакинским парням. Мы долго будем ощущать последствия их захода в Рипосто. Начиная с первого дня. Все вокруг почти как в Неополитанских сказках Горького. Груз будет готов к вечеру и прямо с утра мы в город. Кто помнит те времена, тот помнит, что в город можно только в группах. По троє, максимум по четыре человека в группе. По троє это, чтобы не сразу было понятно, кто на кого стукнул и не более четырех, - чтобы не очень привлекать к себе внимание. Иду я в город со стармехом и вдвоем. Ходили и вдвоем, но, как правило, в каких-то не совсем ординарных случаях. Многое зависело от руководителя группы. Что дед придумал, не знаю. Благоволил он ко мне. Так вот пошли мы в город со стармехом. И куда повел меня Эдуард Александрович?! Если Вы дорогой читатель решили, что в бордель, то ошиблись не очень. Потому, что дед сначала угостил меня пивом, потом повел в секс-шоп а потом и в местный собор. В пивбар - опять проигрался в карты, а вот в секс-шоп, потому, что туда категорически нельзя, а потом, подумать страшно - в собор, это потому, что туда не рекомендовано. Пиво было хорошее, особенно потому, что в меру. В секс-шоп я больше не заглядывал лет тридцать. Давление у меня от этого. В церкви понравилось, но и в церкви после этого бывал я нечасто, за границей и вовсе больше не доводилось. А вообще городок, в который пришли мы за грузом лимон, очень даже невелик. И, несмотря на железный занавес, приход советского

судна заметное событие в местной общественной и экономической жизни. Особенно благодаря побывавшим здесь перед нами бакинцам. Примем и мы на борт тысячи три с половиной тонн сицилийских лимон, чем очень даже осчастливим сицилийских крестьян, и предположительно поддержим сицилийскую мафию. Но в этом рейсе будет очень много еще и других событий, которые, слава богу, в судовых журналах отражения не найдут. Конечно же, цивилизованная Италия разительно отличается от варварского ближнего Востока. Секс-шоп, пивбар и церковь отнюдь не главные отличия восточной и западной цивилизаций средиземноморья. О том, что мы в Италии, понастоящему мы почувствуем, как только вернемся на борт нашего банановоза.

Вон как Европа обернулась. Если в Африке в гости все больше младшие офицерики из числа закончивших ленинградские ВМУ норовили, да все больше со своим, то тут полная кают-компания итальянцев и все за столом. Чай пьют с белым хлебом судовой выпечки, сливочным маслом и джемом. Большинство оказались учащиеся местной рыбтюльки, но есть и девчонки. О девчонках разговор особый и пойдет он позже. Но вот выделяется из публики маклак один с повадками бакинского мелкого спекулянта. Джулиано, одновременно производит впечатление слегка подвыпившего молдавана, только земляки мои ведут себя приличней. Похоже, комиссар перебрал, потому, что стол накрыт никак не без его ведома. И говорит мне Саша Лозович, что просится наш итальянский друг посмотреть пароход и просится он в машинное отделение. Процедура вроде бы обычная, только вот в машину провести некому. И все с ведома и разрешения. С ведома так с ведома. Веду я итальянского сочувствующего делу пролетарской революции в машинное отделение. Смотреть там нечего, только Джулиано все больше и больше тянет в сторону механической мастерской. Я, кажется, начинаю понимать, чего надо стороннику Еврокоммунизма, потому, что зажужжал он как-то « жж... жжканнджжеляннн».

Понимаю, чего то он на «Зангелане» приметил. Проходим в мастерскую, а у токарного станка в металлическом контейнере гора латунной стружки, которая привела экскурсанта в экстаз. Такое возбуждение я встречал в жизни только однажды. Когда Юрка Ермоленко приходил ко мне на «Осетию». У доктора от вожделения глаза на лоб лезли. Джулиано не без оснований полагая, что едва ли может быть понят несчастным чужестранцем, жестами пытается что-то объяснить по поводу большого количества женщин, пива и машин. Не переусердствуй Джулиано, меня обучили, и уже завтра восстановлю я свой статус главного переводчика. Так вот, я совершенно не помню, каким образом происходила утилизация стружки черного металла, но вот латунная стружка собиралась и по приходу в Измаил всю ее сдавали в металлом. Якобы дорогая она. Что значит дорогая, я тогда на самом деле не понимал. Потому, что речь шла о рублях. Был это тот самый случай, когда рубль стоил много дороже ам. доллара, а мы этого и не понимали. Никто. Это в смысле условности существовавших в стране тарифов, цен и прейскурантов. А вот, что для итальянца стружка представляется ценность, я понял сразу. Он готов был предложить самого себя. Целиком или частями. Спасибо, но виду я не показываю. Уступил бы, даже если бы тут же расстреляли. Но не тебе. А вот Джулиано из машинного отделения я вывел и постарался с ним больше не встречаться. Но итальянские приключения только начинались, и чтобы описать их, времени понадобится больше, чем простояли мы в Рипосто. А простояли мы не то, чтобы очень долго, но достаточно. Хотя по мне, можно было бы еще столько. Мне скучать не по кому, а от мамки я уже отвык. Да ладно, в Италии отстаиваться любили все советские моряки.

У трапа стоит Сашка Лозович. На пару с Калининым, как заправские милиционеры пытаются выловить Джулиано и выставить с судна. Надоел он помполиту. Да и сварщик у нас интересный.

Спрашиваю у Саши, что происходит. Так вот говорит Саша, были люди в городе. Помполит водил, брал с собой Пашку и еще кого- то. Где наша делегация побывала, Сашка не знает, но с обратным визитом навестили нас итальянцы. Чай пить с пирогами и сливочным маслом. Таки и переполовинят нам запасы этого продукта, который любят они очень с джемом. Видать на «Зангелане» приучили. Груза еще нет, но был грузоотправитель. С ним и маклак этот - Джулиано прибыл. Хотя вроде бы и общего между ними мало. Разве, что итальянцы оба. Обещаны нам экскурсии, прочие развлечения. И учащиеся местной мореходки с ними. Непонятно, но прояснится все очень скоро. Груз не готов, так грузоотправитель во избежание ненужных трений устраивает необременительные для него мероприятия. Будут опекать нас местные коммунисты. Плотно. И надо сказать спасибо им за это. Было весело, но недолго. Пока не надоело, да судовые запасы не начали иссякать. Откуда студенты? Как оказалось, дочка у грузоотправителя преподает в мореходке. Можно понять, что черчение, но на ум почему-то приходится рисование. Трудности перевода. Но о Мари потом. Ходим в город. На выданные несчастные лиры приучил я херсонцев как покупать местный шмурдяк. Ходили в кино. Смотрели знаменитый американский фильм «Средиземное море в огне». В большом зале человек пятнадцать. Это вместе с нами. Фильм о том, как бравые американские парни на быстроходных десантных баржах типа LCA Mk 2 разъезжают по средиземноморью. Примерно как мы, но во время войны. И денег у них заметно больше. Возвращаемся на судно. Кругом итальянцы. Ну да, студенты с девчонками. Да вот пришли двое парней, один местный мореходчик, а второй- судовой электрик Сандро. Сам он местный, а судно стоит в Катании. Пришли из Ильичевска. Сандро и приглашает в город. Plenty of money. Да кто отпустит. Отговариваемся, как можем. Пашка, между тем, выпросил у меня ключ от каюты. Глазки у великана горят, но без комментариев. Сомневался я не долго. Пашка на повариху

заглядывается, но у той вроде одноместная каюта. Ну да не мое дело, бери Пашка, я добрый! Выпили мы еще литр местного кисляка и разошлись. У себя следов посещения каюты постоянными я не заметил. «Маячок» на месте.

На следующий день с грехом пополам начинается погрузка. Ветхие лебедки наши ломаются то и дело. Мне на время грузовых операций покидать судно запрещено напрочь. Ну да итальянцы ребята нормальные, сами принесут. И поговорить есть с кем. Правда меня не называют как у арабов *Engineer efendi*, так вполне устраивает меня и имя данное мне при рождении. Мари спрашивает, что мне нравится из того, что она исполняет на пианино и теперь у нас лагерь гарибальдийских партизан. С вином. В молодости деликатным я был, и спрашивать о размере заработной платы считал верхом неприличия. Теперь в своей правоте я не уверен. Но и тогда были люди, которые думали иначе, чем я. Поинтересовался кто-то у местного стивидора размером заработной платы. Не помню, может быть долларов сто или двести в неделю. Теперь и ребенок понимает, что деньги совсем не большие, но по судну поползли слухи, которые дошли и до комиссара. Комиссар бросился гасить пожар. Методом коврового бомбометания с максимальным охватом площадей поражения и народонаселения. Умнее придумать не мог, иначе как на каждом углу и без повода оглашать, что заработка плата у стивидора помесячная. Пытался я намекнуть, что в Италии месячные только у женщин. Не понял военный. Или сделал вид?

Девчонки пришли. Мари с подружкой. Паша как жеребец на привязи. Признался он мне, что сон он потерял из подружки Мари. Да, у Пашки болезнь это давняя. Была при нем, и тогда когда с ним познакомился. Проживал я с ним в одном номере гостиницы. Пришло отселиться.

Мари говорит, что для членов экипажа будет автобус. Папа обещал экскурсию. Не поеду я Мари. Вахта у меня. Мари все устроит, папа с команданте все обсудит и с вахтой тоже все ре-

шится. И подружка тоже будет. Секреты раскрываются по мере созревания плода. Уже вечером Пашка – великан с выющейся прической, что так нравится девчонкам и лицом невинного младенца, что вызывает доверие помполита, весь вечер уговаривает поехать на экскурсию. Он уже знает. Экскурсия уникальная. В Катанию. Не поеду я в Катанию. Лебедки нужно обслуживать. Ну и ладно. Может именно потому и случится, то, что сделает рейс этот незабываемым и неповторимым. Во многих странах успею я побывать до того как стану персоной не-выездной. Но запомнил я Сицилию и Мари. И не совсем Мари тому причиной. Потому, что созвали экипаж на экскурсию в Катанию. И помполит съездил. Очень доволен, прибарахлился. И дало это повод части экипажа почувствовать себя обделенным. А поскольку намечался еще один день без грузовых операций, то подали нам автобус очередной раз. Автобус шикарный, дороги тоже. На этот раз желающих, похоже, немного. Половина экскурсантов - итальянцы, потому, что поедем мы вдоль побережья и на Этну. На вулкане мохером и гипюром не торгают. Вот только если в ларьке у подножья открытки с видами вулкана. Экспедицию возглавил дед, а итальянцы вина набрали домашней выработки. Поехали мы веселее. Я и сейчас храню фотографии, как мчусь по снежному склону с Мари. Иногда рассматриваю. Мадам Горшенина, начальник кафедры иностранных языков много лет спустя, не согласится со мной, что самые красивые девчонки украинки и итальянки. Она настаивала на том, что краше француженок не бывает, а поскольку ее мнение по этому поводу самое правильное, и на Этне она была с мужем, выставит она меня с занятий. Это ей, я для Витьки Логина, переводил с французского. Правда вскорости простит меня товарищ полковник, потому, что вернусь я с букетом цветов. Уж очень привлекательна была начальник кафедры или болезнь это у меня? Хотелось бы товарищ полковник сказать, что я по-прежнему настаиваю на своем мнении, и также думают моя жена и мой кот Борис. Это потому что три

сына у меня, а по количеству сыновей и количество невесток, и одна из них – итальянка по происхождению. Здорово было на Этне. Хорошее вино было. Вот ощущение только какое-то незавершенности и нереальности всего. К вечеру возвращаемся на судно. Мари предлагает в город. Может быть, с дедом и получилось бы, да только без денег стыдно. Иностранцы и представления не имеют о нашем денежном содержании. Думают, наверно, что мы просто очень бережливый народ. Одеты мы вроде вполне прилично.

- May be tomorrow, Mary! Sorry! На вахту мне, Мари. Сегодня, завтра и вахта forever!

- Тогда till tomorrow!!!

- By, by!

Поднимаюсь я по трапу. Комиссар вернувшихся считает по головам и сверяется со списком. Я еще не понял, но чувствую, что Мари больше не увижу и кажется, догадываюсь, в чем дело. Судя по встревоженному взгляду, потерял помпакого-то. Прохожу к своей каюте, в закутке она у меня. Никто меня не видит. Я ключ в скважину. Не открывается дверь. Замок заблокирован вторым ключом с внутренней стороны. Я обомлел. Когда страшно, доходит до меня мигом. Можно поднять гвалт и потом долго отмываться. Можно добела. Можно даже стукачком стать.

- Пашка, проваливай немедленно! Помпа тебя застукал!

Только теперь я соображаю, что на экскурсии не было подружки Мари. Пашки тоже. Быстро убираюсь в электромастерскую, которая, к счастью в двух шагах. Запираюсь на замок. Пытаюсь думать, что делать, а в голову лезут одни глупости. Интересно, Паша писать ее водил?

Судя по всему нет. А чем кормил? Не лимонами же. В каюте только лимоны. Я употреблял лимоны весьма специфически. Выдавливал сок и разводил наполовину с сахарным песком. Ну да бог с ним, чем он кормил, водил ли писать! Сообразуясь с инстинктами, срочно переодеваюсь в рабочую одежду. А по

громкоговорящей связи, всех прибывших с экскурсии требуют в кают-компанию. Подымаюсь и я, и уже в робе. Встревоженный дед, вопросов не задает. Он понимает все как Иисус. Без слов. Намекаю я ему, что на месте инсургент, но мне надо бы в машинное отделение, а поскольку дальше коридора гребного вала некуда, то мне нужно именно туда, чтобы не попасться на крючок. Пока помпа не начал дознание. Отправляет меня дед в машинное отделение восстанавливать освещение в коридоре гребного вала. Состояние дейдвудного подшипника проверить ему нужно. С тем я и ухожу. Остальное знаю со слов Саши Лозовича. Вывел Пашка подружку свою к трапу, где и застукал его помполит. Истерика была неконтролируемая. К скандалу подключились и местные товарищи. Ушла Пашкина подружка под улюлюканье и свист докеров. Так, что на пароход к нам больше не придет, и Мари я тоже больше не увижу. А вот про судового электрика Сандро еще вспомню. Много лет спустя, в Новороссийске. Женился он на русской девчонке из числа друзей моих знакомых. Знать Горшенина не очень была и не права, когда спорила со мной. А из класса она меня она выгнала, когда я перешел к обсуждению физиологических особенностей представительниц прекрасного пола разных рас и народов. Вспомнил вдруг про негритянку с острова Святой Тамары. Видать не следовало.

Закончили мы погрузку, язык не поворачивается сказать, с грехом пополам. Потому, что греха то никакого как раз и не было. Ремонтный наш механик пытался заикнуться о латунной стружке, да его быстро успокоили. Вспомнил Сережа Подлевских, третий механик из нашей же мореходки, что у ремонтного механика в кладовке лежало килограмм пятнадцать баббита. Целое состояние. В сохранности ли оно? Ремонтный механик приумолк да и прикусил язык. Потому как баббита и нет вовсе, а люди то видали! Куда подевался?

Снимаемся мы домой. А куда мы денемся с подводной лодки? На фига нам вся эта заграница, когда у нас свой дурдом и нам в нем проще.

Глава 9

Голубой Дунай или вальс «Дунайские волны» (История штурмана Лени Круцких).

Леньке накануне тревожных событий снится Дубровин. Дубровин Михаил Сергеевич или «Милочка». Милочка вообще-то преподаватель теоретических основ электротехники и судового электрооборудования и бывший авиатор. Занесла судьба ненароком в мореходку. Но к чему бы сон в руку? Сегодня Милочка в форме советского пограничника со знаками различия полковника и держит он в руках Ленькин загранпаспорт. Ленька точно знает его это паспорт. А Милочка суворым гласом вопрошає – Курсант Маркитан, Вам почему оформлен паспорт на имя Круцких? На Ваш счет инструкций не поступало. Вам определена карьера судоводителя, и заметьте, под собственной фамилией. Не пытайтесь меня дурачить. Будя...-

В этом месте Леня набирает полную грудь воздуха и пытается крикнуть, что это только сон и просыпается. И так всегда. Нет, иногда он просыпается раньше. До того еще как поймет, что это всего лишь сон. Все зависит, что обещает день грядущий. Если день предстоит сложный, то просыпается раньше. От ужаса. Иногда Леня просыпается под вальс «Дунайские волны». Это от ощущения радости. Но «Дунайские волны» – это дома, а вот Дубровин может застать везде. Божья кара. И поделом. Это Ленька первым вслух заметил, что Дубровину оценку ставят в графу, которую укажут курсанты. Ему все равно. И кто в классе сидит, Дубровину тоже безразлично. Со временем узнает Леня, что преподавал Дубровин где-то китайцам по бригадному методу, где и приобрел свои привычки. Для экономии времени по методу этому учебная группа делится на бригады. К доске выходит любой ее представитель, а оценки преподаватель ставит сразу всей бригаде. Только вот, всего этого Ленька не знал, когда однажды вызвался к доске за Вассику Маркитана. Учился Ленька великолепно, но к всеобщему

удивлению и своему собственному стыду, схлопотал двойку. Решиться на повторное выступление для реабилитации было нелегко. Потому, что страшно... Заметьте – дважды на одной и той же паре называться Маркитаном. Это же надо. А Вы, лично, к такому готовы? Тельняшка промокла. Со временем, однако, дело будет поставлено на поток. За что и кара.

Однажды, когда классный куратор решит помочь подопечным на экзамене, то обнаружит, что в аудитории все незнакомые лица. Придется наставнику удовлетвориться объяснениями, что это «хвоститы» с других специальностей. Пересдача. Для рекогносцировки перед экзаменом. Используются в качестве живого щита. И еще чего-то говорил старшина. Старшина пел как соловей. Преподаватель, однако, уже что-то слышал и похоже неладное, но виду не подал, и вмешиваться, тоже не стал. Сам недавно был курсантом. Случалось всякое.

Исправил Леня Маркитанову двойку. На четверку. Однако, по ночам стал являться Дубровин. Иногда. Как черт с болота. У Лени много чего случится такого, что не до сна будет, не то, что сны видеть. Но и годы спустя, время от времени, почему-то не кот в сапогах и не серый волк... Теперь вот, нате вам, и вовсе с полки упасть можно. Дубровин и пограничник. Пограничников и так хватает. Ленька прошелся по карманам. И паспорта моряка на руках нет. Сдал его Ленька как и положено. А проснулся Ленька на второй полке плацкартного вагона Одесса-Измаил уже перед самой станцией. Приехали. Измаил - не было крепости неприступней.... Вообще-то Ленька в Измаиле уже бывал. На плавпрактике. А теперь вот надолго, как бы и не навсегда. Потому, что это Измаил. Потому, что Дунай. Потому, что это мечта. А Милочка видать приходил неспроста. Вообще-то Милочка личность легендарная. Но каким образом он оказался в мореходке видать останется тайной. Ходили глухие слухи, что обладал он какими-то особыми способностями. Об этом говорить было не принято, только подразумевалось. Не то сочтут за идиота. О методах отбора в загранку, точно ни-

чего не известно. Лучше помалкивать, не то пролетишь мимо кассы. В смысле визы. И так залетов хватает. Но вот то, что Милочка держал в руках оголенные электропровода под промышленным напряжением, видели не единожды. Несмотря на непривычные образовательные технологии, общий уровень учеников Дубровина совсем не ниже, чем у прославленных корифеев. Вот Милочку забыть и не могут. Наверно за чудаchestва. Хотя Ленька предпочел бы, и забыть, да вот- во снах приходит. Прямо девушка любимая. И все к неприятностям. Да бог с ним, пусть приходит. По-быстрому умыться и вон из вагона. В такси и прямо на Дунайскую 7, в отдел кадров. На прощанье, смущенной проводничке - три рубля на конфеты. Мила и обходительна. Запомни моряка, девчонка! В недрах пароходства Леньку, похоже, уже ждали. Направление к капитану порта за загранпаспортом и назначение на теплоход «Краснодон» инспектор вручил одновременно. Похоже, он Леньке даже обрадовался. Время отпусков еще не прошло и пойдет Леня потому старшим рулевым, что вполне соответствует существующему на Дунае порядку. Стажировка называется. «Краснодон» поведет состав барж на Средний и Верхний Дунай. Конечный пункт назначения веселый город Линц в Австрии. Там Леня джинсы свои приобретал. И рубашку тоже. Отход назавтра. Сбор экипажа в 14.00. Восемнадцать часов на обустройство личной жизни. Какая, тут может быть личная жизнь, в кармане осталось пять рублей. Заплатить за ночь в гостинице и ужин в кафешке при гостинице моряков. Но переночевать можно и на дебаркадере, там говорят дешевле и буфет с вином. А можно вообще на судно и тогда ужин в ресторане. Найти бы только кого из своих. В пароходство добираются все порознь. Направился Ленька на малых ходах к межрейсовому дому моряков. Так по странности гостиница называется. Решил не омрачать начало карьеры мятым физиономией. Жизнь она длинная. Как оно все еще аукнется, да и Милочка вот приснится... В гостиницу разместили Леньку без

проблем. Сказали, что номер двухместный и проживает там Пашка. Пашку все знают. Из Рени он. Рени Леня знал, а Пашку нет, и соседство его не воодушевило. Поднялся в номер, а оттуда женский визг. Леня не брезглив, но когда дверь открыл кучерявый великан с лицом заспанного поросенка из старшей группы детского садика, Леня понял, что ночевать ему на судне и вечер проведет он в ресторане. Потому, что обе кровати в номере были уже заняты. А у Круцких в такие игры не играют.

«Краснодон» принял состав и вышел в рейс штатно. У дунайцев иначе и быть не может. Какказалось.

Речные самоходные суда в пароходстве по функциональному назначению подразделяются по группам. Буксиры- толкачи - самая большая по численности группа судов. Толкачи - название какое-то неблагозвучное .Придумали, однако. Есть в пароходстве еще и буксиры, в народе прозванные за стремительный профиль рысаками. Прямо эскадренные миноносцы речные. Есть еще сухогрузы и танкера, в обиходе известные как самододки, а также пассажиры. Но этих судов совсем немного.

«Краснодон» - толкач. Толкачи есть не только на Дунае. Но на Дунае толкачи имеют конструктивную особенность, приводящую непосвященных в изумление. Очень низкая ходовая рубка. Это потому, что в Европе много мостов постройки начала столетия. Когда в Альпах и Карпатах тают снега или льют проливные дожди и без того невысокий просвет под мостами резко уменьшается. С высокой ходовой рубкой под мостом просто не пройти. Низкая ходовая рубка на рысаках проблем не вызывает, так даже удобнее, а вот наблюдение за судоходной обстановкой при толкании состава длиной 280 метров с такой рубкой просто невозможно. Поэтому рубка на толкаче выдвижная и на свободных участках реки выдвигается как перископ на подводной лодке. Скворечник, одним словом. Толкач оборудован мощной буксирной лебедкой и может тащить баржи на буксире и тогда это воз, или толкать перед собой и тогда это состав. Как на железной дороге. Для тол-

кания состава в носовой части судна предусмотрены упор и сцепное устройство. При любых обстоятельствах толкач ведет караван. Караваны на Дунае чаще формируются в виде составов. Такой способ требует меньшей численности экипажа и времени на формирование. Капитан Невара в этом деле признанный мастер. Слава о нем от Енисея до Рейна. Леня еще узнает. Будущему штурману много чего еще предстоит узнать. Определили Лене место в каюте и в столовой, а также вахту. Стоит Леня на руле с 8-00 до 12.00 это утром, и вечерняя вахта с 20.00 до 24.00. Прощай, молодость называется. Когда на судне происходит самое интересное, Леня на вахте. Но это не все. Еще должность у Лени переходная. Ступенечка на пути к капитанским шевронам. Рулевые на Дунае, как правило, заочники старших курсов мореходных и речных училищ, готовящих штурманов. А старший рулевой, это рулевой, которого готовят на штурманскую должность. Закончить училище и стать штурманом - не совсем одно и тоже. Даже совсем не одно и то же. Потому, что диплом штурмана на Дунае право дает только претендовать на эту должность, а чтобы занять ее , нужно пройти через много разных процедур. Иногда на это может потребоваться целая жизнь. Вот такой вот вальс. Дунайский. И обязанности у старшего рулевого иные, чем у остальных рулевых. За старшим рулевым закреплены все стояночные вахты, в том числе и за рубежом. Но Ленька понимает все правильно. И вахта у него...Врагу бы ее уступить. Потому, что Леня старший рулевой. Чистилище, и пройти его необходимо, даже если у Вас папа.... Во всяком случае, так было, пока не ввели на толкачах должность четвертого помощника капитана, главная обязанность которого готовить вахте кофе и учить фарватер. Почти как на военном флоте. Но все это в покрытом от всех мраком будущем. Ныне, спустя почти полвека, в рейс могут выпустить и с двумя судоводителями на борту - с капитаном и помощником. По европейской речной системе стали ходить и вовсе по два человека- капитан и механик, только вот

режим этот мало кто выдерживает. А в том далеком прошлом, которое осталось за туманами нашей юности, старший рулевой Круцких на случай маневров, а также для осуществления несложных представительских функций, в иностранном порту должен неотлучно находиться на борту . При всей внешней не выигрышности перешвартовки и формирование караванов требуют особой квалификации. До мастерства, которое ждут от Лени, воды утечет в Дунае много. Ну и квалификационные экзамены – тоже не завтра. Но за штурвалом Леня стоит уже вполне уверенно. Первые ощущения от несения вахты на руле теперь и вспоминать не хочется. Вахтенный штурман, разъяснив навигационную обстановку и ориентиры, которых придерживаться, оставил рулевого на мостице один на один со штурвалом. Как показалось, с караваном тоже. Состав, казалось, в безмолвии двигался, безотносительно воли рулевого. Как во сне. Было очевидным, что караван все больше и больше отклоняется от незримой линии, которой приказал придерживаться штурман. Или только казалось? Течения на Дунае сильные и фарватер изменчив. Леня это усвоил твердо еще в учебном классе. И при таких обстоятельствах понадобится совсем немного времени, чтобы превратить теплоход в землеройную машину мощностью в две тысячи лошадиных сил. В детстве, впервые забравшись за руль двухколесного велосипеда, будущий штурман чувствовал то же самое. Но вахтенный помощник, похоже, никуда и не уходил, а наблюдал за рулевым из-за спины. И Леня, кажется, никаких непоправимых ошибок не совершил. Или не успел совершить, кто теперь скажет? Леня допытываться не стал. Придет время и поймет Леня, что это школа. Так всех и учат. Таким же способом, когда придет его время, учить рулевых будет и он.

Как и всякая другая транспортная артерия Дунай во всех локациях описывается также как и течет, от истоков к устью, но отличительная особенность Дуная в том, что километры фарватера исчисляются начиная с устья. Дунай — единственная

река Европы, измерение которой ведется в обратном направлении - не по течению, а против него. Нулевой знак находится в месте впадения в Черное море — это и есть точка отсчета. До румынского порта Браила расстояния исчисляются в морских милях, а далее вверх — в километрах. Местами глубина Дуная достигает 60 метров. Но глубины на Дунае переменчивы, и сесть на мель не проблема. Проблема слезть с нее.

По навигационным условиям Дунай принято подразделять на Нижний, Средний и Верхний. Нижний Дунай простирается от Прорвы до Турну -Северина. Турну- Северин поселение на месте римской крепости Дробета – начало «Железных ворот». Это 931 км от моря. То самое место, где турки перегораживали цепями Дунай для сбора мыта и взимания мзды. Потому и «Железные Ворота». С правого борта Румыния, слева братья-славяне. Югославия.

Вообще Дунай река международная, границ много. И Дунай в пароходстве не принято называть рекой. Дунайцы вообще обидеться могут. Потому, что Дунай это Дунай. И так на всем протяжении - Дунай, Туна, Дуна, Дунэря или Дунав. Всяк на своем языке. А народов на берегах его проживает, не в каждом справочнике узнаешь. Политика. А каждому – Родина. Плавание по Дунаю заграницное, как на море, и глубины позволяют морским судам подниматься вверх. Только сноровка надобна. Поэтому морские суда по Дунаю поднимаются не часто, но до самой Чехословакии. О трудностях плавания на Дунае говорить не принято. Многолик Дунай, а местами бывает, неистов и гневен, как и его народы. Народы промеж собой вроде бы и ладят. До поры...

Испокон стояли здесь крепости и воинские лагеря. Римские, турецкие, австрийские. Кельты, римляне, гунны, германцы, авары, славяне, венгры... Каждый помянет прежде тех, к потомкам, которых себя причисляет. Нередко без особых к тому причин. Так, по принципу личных симпатий...

Бог весть кого еще суждено видеть этим берегам. Персид-

ский царь Дарий I пошел с мечом против местных племен, но, позорно бежал с остатками своих войск. Простите, братья персы....Мы вроде и не причем. Недалеко за озером Ялпуг в Буджацкой степи, где супостат поил своих лошадей и ныне стоит курган, на котором находилась ставка царя. Не прислушался к гласу скифских посланников Дарий. И Александр Македонский не послушался....Потеряв в безводных степях свои когорты, поставил в Килие памятник языческому богу Зевсу и ушел восвояси за Дунай. Не поклоняемся мы языческим богам, Александр. Гнется, да не сломается разноплеменный народ, пока Дунай вспять не побежит. Ибо худших врагов сам себе народ и плодит. В лице правителей собственных...

Прошли времена и Тиберия и Траяна. А в низовьях Дуная водораздел промеж горячих голов и теперь проходит по признаку принадлежности к потомка Траяна или Децибала. При том, что в жилах каждого кровь и того и другого. Крестоносцы были, турки....Одна память и осталась, да старые развалины. Все ушли, развалины на память. Вот Македонский на память оставил каменного истукана, американцы- радиацию.

Среди выпускников негласное соперничество, кто раньше станет старшим рулевым. Но чаще это дело случая. А вот последующее зависит от личных психофизических качеств соискателя, в том числе от внимательности, памяти и усердия. Совсем не случайно однокашники со специальности «Судовождение на морских путях», реки боятся как чумы. И потому Ленька Круцких не рыдает. Он даже рад, что на должность старшего рулевого назначили его - Леньку. Со временем свободным не очень, ну и да ладно. Дела амурные на Амуре, а здесь Дунай. Правда в Австрии диковинка есть, и понаблюдать можно. Ближе к Вене по обоим берегам нудистские пляжи, бери бинокль, наблюдай, не хочу. Но Васька Маркитан сказал, что похабство это и вообще лучше «Плэйбой» разглядывать, чем озабоченных жирных немок. А Васька зря... Девчонки совсем и ничего. Насмотришься, аж, в голове шу-

мит. Рассказывают, что с палубы пассажира туристы однажды такое увидали, что чуть судно не опрокинули, а потом покаютам разбежались... Интересно, испугались или еще чего... После обеда засыпаешь непроизвольно, книжку почитаешь и опять на вахту. А после вечерней вахты, сам господь велел. Экипаж свободный от вахт ночью отдыхает. В машинное отделение в гости не пойдешь, там ревет, мостику с его вибрацией позавидуешь. На мостик после вахты тоже не тянет, за день настоишься, ждешь смены, как шахтер выходных. Правда, Леня в промерочной команде. Есть такая в судовом экипаже. Дунай река широкая и многоводная, да вот обстановка навигационная на ней такая же переменчивая как и на других реках. Это на море- НАВИПЫ, НАВИМЫ , компасы и гирокомпасы. Леня в этом разбирается. Подготовка в мореходке была специфическая. Кораблевождение на морских путях преподавали тоже. Придет время мальчишки дослужатся - будь здоров. Но это все море. А вот извещения об изменениях в навигационной обстановке на реке всегда приходят с запозданием... На то и промерочная команда. Это означает, что когда нужно промерять глубины на фарватере, Леня с футштоком на носу разъездного катера. Прямая обязанность. Это кроме несения вахты на руле. Есть у Лени и другие обязанности, но как объяснили люди знающие, главная его обязанность - присматриваться к обстановке и определиться с местом в экипаже. Он больше не курсант, но пока и не командир и должен привыкать к новому положению в этой жизни. Правда, понятно оно пока не очень. Леня и помалкивает. Его дело под козырек и выполнять, а еще лучше выполнить еще до того как прикажут. Вчера.И еще, по дальше от начальства, меньше замечаний. Вот границу в Союзе закрыли без больших проблем. При виде пограничников вспомнился Дубровин, но проблем не возникло. Но вспомнилось. Было дело, на практике снимали моториста – гагауз, чего-то не ладно было с паспортом. Догонял потом перед самым Будапештом. Васька Маркитан еще успел неделю поработать

на штатной должности отсутствующего. Обошлось. Потому, что в порядке у Лени с паспортом.

Вон, слева по борту румынский пограничник на бричке обьезжает свой участок. В распутицу - верхом. Ни много, ни мало семь километров. А на сложных участках фарватера скорость каравана не на много больше пограничника на бричке. Не случайно рассказывают легенду, что где-то здесь свалился ночью механик с баржи за борт, никто и не заметил. Всю ночь бежал за караваном морячок, пока с толкача не заметили и не подобрали. Давно замечено, не охраняют румыны свою границу. Ни с нашей стороны, ни со стороны других сопредельных государств. У Чаушеску денег не хватает. Рассчитывается с международным валютным фондом. Но пограничники вредные. На практике долго стояли в Галаце. Карантин был по холере. Вина хотели купить у местных цран. Так у пограничника у трапа от возмущения глаза на лоб полезли. «Голера!!,- Голера?!!» Обменял чай-то местный родственник все-таки селедку на вино. Так пограничников этих едва не ползвода понабежало. Кушать просят. Селедку. Вина даже притащить обещали. Пришло объяснять - Голера. Повариха, правда, из вилковских липован, смилиостивилась- накормила. Жалко все-таки. Может, не дай бог, родственники какие. Земля-то из поколения в поколение переходит им рук в руки. Ну, вот так вот, границу не охраняют, а формальности будь здоров. Да и то сказать – охранять-то от кого? Если только от собственных сограждан. Румыния начинается почти сразу после Рени. Румынский Галац просматривается чуть ли не из Измаила. Границы здесь Украины, Молдавии и Румынии почти соприкасаются. А живут по берегам все больше русские староверы. Вон опять липоване на шняках своих просятся отбуксироваться до дому. Далеко отнесло рыбаков течением. Машут, зацепиться надо бы. Как тут не поможешь. Хоть и иностранцы, да единоплеменники. Румынские пограничники ругаются, ну да не увидят ночью. А увидят- отговоримся. Скажем, что не заметили, как

прицепились бродяги. Мы и не знали вовсе, что русские это. А уж, коль русские, так вы приятений при нас то с людьми поаккуратней. Обидеться можем. Может непонятно чего? Цвет флага не заметили? Не повезло вам. Советский Союз - флаг красный. Вот в прошлый рейс, говорят, моторист был в экипаже, все наречия знает. Он разъяснил бы вам. Вежливо. Комсомольский билет показал бы...вместо пропуска. Про Сталинград рассказать мог и про Крым. А, вообще, милости просим на борт. Кофе, чай? Это вначале только душа убегала в пятки, а потом привыкаешь...

Рулевую рубку трясет сильней, чем кабину вертолета. Ленька пробовал, знает. Дунайцы в ресторане официантку просят первую рюмку полной не наливать. После рейса у рулевых еще два дня руки трянутся, расплескать боятся.. А во время межрейсовых стоянок экипаж на судне спать не может. Тишина спать не дает. Недели две, вахты, промер глубин, другие сопутствующие обязанности и будет «Краснодон» в Австрии. На вахте Леня много о чем успеет передумать. Очень скоро река становится пограничной между Румынией и Болгарией. Проплыvает по левому берегу Силистра. Раньше где-то здесь жили гагаузы. Потом коммунист Тодор Живков объяснил всем, что народа такого нет, а есть Аспаруховы болгары. Гагаузы ихние потомки. Здесь в 971 г. Святослав Рюрикович вместе с союзными половцами бился против византийцев. Интересно, что он делал в этих землях? Чего хотел от православных? Загадка для потомков. И почему ушел? Святослав Игоревич ушел, а гагаузы остались. До поры. Терра Карбункул, венецианские негоцианты места эти называли, ныне Добруджа. Далее верх по течению по левому борту начинаются сербские земли. Югославия. На следующий день к вечерней вахте подходит караван к рейду порта Турну-Северин. 931 километр от нулевой версты у входа в Сулинское гирло. Здесь заканчивается Нижний Дунай. Или начинается? Какая, в самом деле, разница, в любом случае, после Катаракт пойдем по Средне-

му Дунаю. Катарактами место это называется. Водопады - по румынски. Это место турки и перегораживали железными цепями, откуда и название - Железные Ворота. Караван становится на якорь. Подходит катер агентства. Почта для капитана и прочие формальности. Свежие газеты. Еще два года назад здесь караван распускали, и начиналась лоцманская проводка через Катаракты. В этом месте Дунай проливается через предгорья Балкан, Альп и Карпат. Берега высотой до ста саженей. За штурвалы буксировщика и барж становились лоцмана. С правого борта Румыния – с левого Югославия. Судоходный канал - вдоль югославского берега. Скорость течения такая, что тащить единственную баржу помогает паровоз. Проложенная вдоль канала самая короткая в мире железная дорога работала без перерывов на обед. Движение регулируется светофорами. Движение в одну нитку. Одностороннее. Где-то слева по борту в садах и минаретах над оранжевыми черепичными крышами и крепостными стенами стоял остров Аде-Кале. В справочниках написано, что переводится как Остров- город. Люди, объясняющиеся на тюркских наречиях, утверждают, что название следует переводить как «поименован городом». Поселение и остров до 1912 года принадлежали Турции. При строительстве плотин румыны, что смогли, перевезли на остров у города Турну-Северин ниже по течению. Однако, не впечатляет. Нет больше Аде Кале. Ушел под воду. И у нас такое бывало. На водохранилищах. Везде свои Малоги. На берегу в скале можно было увидеть узкий тоннель в рост человека. Якобы при Траяне прорубили, чтобы с тыла противника врасплох застать. Тропа Траяна. Интересно где тот противник был? И кто поймет ту тактику. Врут наверно. И тропа Траяна под воду ушла? На выходе из горного участка повторное формирование каравана. В прежние времена «Железные ворота» караваном проходили дни за три-четыре. Понастроили плотин со шлюзами, и не узнать места те. И железной дороги той больше нет. «Краснодон» теперь справляется без лоцманов. Два шлюза.

Один у румынского берега, второй со стороны югославского. Светофор приглашает в свободный. При необходимости движение можно организовать двухстороннее - как на шоссе. Прохождение Катаракт вместе с составом займет 10-12 часов. Сразу после Железных Ворот начинается Средний Дунай и бежит он уже по территории Югославии. Велико-Градище - таможенные формальности. Живут здесь сербы... Живео, Србија! К советским сербы относились хорошо всегда. Здесь снабжаются водой и свежими продуктами. Дешевле нет. Далее по маршруту движения Белград, потом и Нови - Сад, мосты которого разбомбят американцы. Караван на сей раз проходит столицу Югославии транзитом. Первый пункт назначения - порт Вуковар. Маневры просты, когда отработаны. Оставили две головные баржи на рейде, и дальше с остальными - на Бездан, где закрывается граница с Югославией. Это Хорватия и отношения строже. Может из-за Тито. Хорват он был. Объяснил бы кто, чего вожди не поделили? Но только не комиссар. Тот объяснит. Вмог визы лишишься, если будешь много спрашивать, а ответов у помполита не будет. Оно Лене надо. Перед крутыми излучинами Дуная нужно выходить на связь со встречными караванами. Вот только на иностранцах рации чаще не работают. Нет их, что ли? Крутые повороты в тумане преодолеваются в авральном режиме... На баржи вызываются шкипер, боцман и рулевые. При отсутствии встречного движения и при ясной видимости пройти излучину не проблема. Ну а при наличии встречных судов уступать дорогу обязан идущий снизу. И всегда речники уступают фарватер морякам. Профессиональная вежливость. Прошли бы только, да и ладно. Принято считать, что у моряков на Дунае проблемы не с речниками....Но бывает и по другому...

Уже через 20 километров после югославского Бездана - порт Мохач и венгерские власти принимают караван под свою юрисдикцию. З помощник на катере выезжает в порт. Задерживается недолго и караван опять снимается с якорей. По бор-

ту проплывает Дунайварош с его крупным металлургическим комбинатом, работающим на советской руде и шихте. Но сегодня «Краснодон» идет мимо. В составе баржи на Комарно и Линц.

На подходе Будапешт. Это 1647 км от сулинского устья. Зона повышенной опасности. Мостов много, а у мостов Маргит и Арпад к тому же узкие пролеты. По борту проплывает остров Маргит – случайный луч прожектора выхватывает из ночи юные парочки. И куда родители только смотрят? Время за полночь. Европа. Мадьяры так и называют Маргит - остров влюбленных. Выше по течению на высоком правому берегу судостроительный завод «Обуда», на котором построен «Краснодон». Стоял Леня там в ремонте. На практике. Денег было немного .Сообразно статусу. Зато девчонки тоже сообразно статусу. Студентки из университета. Капитан Руденко строгих порядков не устанавливал. После вахты в город - свободно. Главное условие - чтобы без международных инцидентов. С представительницами прекрасного пола - тоже, чтобы без инцидентов. Гуляли по Маргиту. До утра. На бесконечной вахте приятно вспомнить. Наверно потому, что было хорошо и наверно потому, что без инцидентов. В Комароме оформляется закрытие венгерской границы. Так и называется - закрытие границы. Подходит катер с капитанской почтой и свежей прессой. На утренней вахте по курсу Комарно. А это Чехия. В Комарно расположено отделение чехословацко-советской дружбы коллективным членом, которого является и «Краснодон». Ох, и много пива было чешского выпито во благо этой дружбы. Хорошие парни чехи. В Комарно на рейде остаются две баржи с рудой. Пополняются запасы питьевой воды и хлеба. На толкаче собственный хлеб выпекать нет никакой необходимости. Лавки на каждом километре. Это вам не море. В Комарно измаильчане вплоть до 70-х принимали на борт лоцманов на Линц. Но как только освоили фарватер, перешли на самостоятельную проводку. Сразу после оставшейся по корме Братис-

лавы - Австрия. Берега ухоженные, пейзаж завораживающий. Пастораль. Особенno, пока не начнешь догадываться, чьими стараниями красота эта нечеловеческая создавалась. Уложены берега тесанным гранитом, для спуска к воде оформлены ступеньки. Кто бы сказал, сколько же здесь пленных полегло. И где лежат. Не увозили же покойников в крематорий. Порушить бы все. 1920 километр. Вена. С рейда город просматривается плохо, левый берег почти не заселен, просматриваются небольшой микрорайон с телебашней и центром ООН. Стоит «Краснодон» в Вене, в ожидании таможенников. Всем известно, еще турки перекрывали Дунай железными цепями для взимания мзды и мыта. Мытари одно слово. От слова этого таможня и берет свое начало. Кто в мореходке не учился, тот не знает. Мыто государю, мзду в карман. Мытищи - тоже от слова мыто. Австрийские таможенники - парни интеллигентные, и в дурном не замечены, но гостеприимством подученного элемента не презируют. И не секрет это в полицайпрезидиуме да ничего фараоны не поделяют. Традиции. Где как, а у нас Дунай - река дружбы. Тут развернись неловко, хлопот не оберешься. Нехай себе следуют традициям. Вон все на мадьяр жалуются. Австрияки народ миролюбивый, мало, что язык немецкий. Тут и хохлов- русинов хватает. Как впрочем, по всему течению Дуная. И все на таможне. Только не в Венгрии. Там одни мадьяры, да румыны бычат. Потому, что Румыния для румын. В Венгрии вроде русинам и ничего, только на таможне что-то их не видать. Так-то. А так наши везде, говорит шкипер-моторист Федченко, до самого Берлина, так, что Леня ты не турбуйся. И там тоже наши братья- славяне, сорбы- лужичане. А младший лейтенант Круцких и не турбуется, он точно знает, если бронебашню на бак и четыре бронелиста по бортам, не выдала монитора краше Червона Украина. Славным традициям Дунайской флотилии Черноморского флота дунайцы наследуют достойно.

Дело Лени - проводить в кают-компанию. Таможне почет всегда и везде. Их остерегаются и часто без особых к тому

причин. Таможня есть таможня. Притом, что при оформлении формальностей может чего и обломиться. Наверно, не такое и неприятное дело. Не пренебрегать же гостеприимством хозяев. А на «Краснодоне» с этим делом все хорошо прекрасная маркиза, все хорошо.... Наши таможенники тоже не прочь порой да кое-где. Вообще вверх по течению семь государств и потому пунктов пропуска столько же. Рейс до Вены прошел без особых происшествий. При таких обстоятельствах таможенные формальности, давно превратившиеся на Дунае в рутину, сопровождаются гешефтом. Дело Лени соблюсти протокол. Что это такое учителя рассказывали...в мореходке. На уроках по основам морского и международного права. Да Владо Клем и Фридрих Нечипор парни простые, особых церемоний не требуют.

- Битте, майнे херрен, битте...

- Данке шен, Леон.

Тут уж и стол накрыт и горилка украинская из капитанских запасов на столе. Пора, уже. Ну, грех не выпить. Давно. Нечип може и не Нечипоренко зовсим. А Клем точно из русинов. По повадкам и масти видать. Берет Владо рюмку, в лучших традициях опрокинув трюм и крякнув, намазывает бутерброд горчицей. Все приумолкли. А запах! Горчица-то домашнего приготовления и никто не скажет фрицу, поаккуратней бы. Видать на запах повелся. За столом в тихом молчании наблюдают, как Владо кладет в рот бутерброд с толстым-толстым слоем горчицы. Ну, прямо масло шоколадное..... Глядя на фрица, захотелось сала с горчицей и сотку. Невмоготу, да не время. Судовая буфетчица растерянно улыбается. Ну, что ж, на-шару и уксус сладкий. Через секунду молчание стало гробовым, потому, что таможенник выкатил глаза и чуть погодя заревел как судовой тифон. Из глаз слезы. Таможенник слово выговорить не может, а второй от непонимания ситуации хватается за парабеллум. Опомнившийся Владо успокаивает Фридриха и признается, что такое русская горчица он знал, да позабыл. И бабушка у

него русинка была из Венгрии. А уж крепкую такую горчицу он отродясь не пробовал. Поэтому он реквизирует ее для использования в борьбе с врагами Австро-Советской дружбы. Ну, можно хоть чуть-чуть, совсем немного? Таможенники со смехом и изрядным запасом горчицы покидают судно. У Меланы горчицы этой, на каждый пункт перехода границы... Вообще-то Меланью и не Меланья вовсе. Да это история особыя, романтическая и Леню она не касается. Но рассказывают, что Мила с парохода на пароход преследует одного из выпускников мореходки. Да видеть он ее почему-то в упор не желает. Выше Вены Корнойбург, где строились для Советского Союза «рысаки», а потом и сухогрузы и танкера с правом выхода в море. Много их нынче в Северном море. Это на них справляются два судоводителя и два механика. Выше Корнойбурга на левом берегу Дуная одиночный памятник Кутузову, и говорят, монумент установлен на месте захоронения сердца великого полководца.

Течение чувствительно увеличивается. Грунт местами скалисто-гравийный. На таких участках якоря не держат. Это верхний Дунай, господа товарищи. На берегах в местах стоянок судов, установлены кнехты. За отсутвием кнехта приходится раскреплять состав за крупные деревья, которых на берегу хватает. Далее печальной памяти Маутхаузен. И, наконец, порт назначения Линц - крупнейший австрийский металлургический комбинат и родина душегуба Гитлера. Команда в выгрузке не участвует. Обычные сутки на отдых и вниз. Иногда с транзитным грузом на Ближний Восток. В Ливию к Каддафи или на Тунис. Перевалка на морские суда в Рени, это Паша откуда, или в Измаиле, который знают все.

Во время стоянки - экскурсия в Маутхаузен. У входа в лагерь гранитный памятник вмерзшему в лед Карбышеву. За оградой аккуратные ряды бараков, и каменоломни, где пленные разрабатывали гранит для оформления этих самых чужих берегов. Рядом с бараками - печи крематория, газовые каме-

ры и остальное, что по разумению гостеприимных хозяев, без чего подобным учреждениям никак. Похоже на бойню. Все чистенько, аккуратно. И от того жутко.

Баржи выгружены. Вирай якоря и на Вену. И стоит «Краснодон» вскорости у причала австрийской столицы. Шоппинг. Вот сейчас бы пару танков. Магазины, как водится, недалеко от порта. Продавцы разговаривают на всех европейских языках. Большинство выходцы - из Восточной Европы. Есть и из Союза. Наверно, диссиденты. В Маутхаузен, интересно, ходят? Много поляков. Ассортимент обычный - нейлоновые рубашки, мохер, гипюр и чего-то там еще. Удивил радиостанция Анисимов - купил магнитофон. Пополняются запасы провизии, воды и оформляются погранично-таможенные формальности и домой, пока зима не застала в Австрии. В Австрии зимовать неохота.

Капитан Невара Виктор Иванович, известный за отчаянность еще в курсантские годы как капитан Наварро, оставаться на зимовку в Австрии желал меньше чем кто - либо. Не рекомендовано зимовать на Верхнем Дунае. Есть тому причины. Капиталисты тоже не особо стремятся к зимовке в Союзе. И вообще капитан Наварро спешит. Кличку такую он заслужил еще в Рижском речном. Еще то было учебное заведение ...нет его нынче... расформировали. На военном отделении готовили офицеров на речные флотилии ВМФ и для погранотрядов КГБ. Остальные специалисты предназначались для объединенного Министерства морского и речного флота СССР. Виктор Иванович в память о былой юности и норовит управляться толкачем как бронекатером. Когда портовый буксир выводил попутную баржу на Комарно, капитан не дожидаясь, пока выставят ее на якорную стоянку, пристроился пятаком толкача к корме баржи, и под изумленные возгласы на буксире, приказал сбросить буксировочный трос. На верхнем Дунае этого больше никто не делал. Маневр удался. Но, как оказалось, для аплодисментов было не время. Потому, что маневру изумился

не только австрийский капитан, но и шкипер-моторист Федченко, которому изумляться по штату не положено было. Поэтому, что шкиперу в завершение маневра, следовало проверив работу рулевого устройства баржи заблокировать перо руля в среднем положении, как это и принято по-походному. Шкипер этого не сделал. Изумленный шкипер с выражениями восторга кинулся с баржи на толкача, где на ходу вообще-то ему и определено место. А между тем, как выяснилось наутро, на барже оказалась поврежденной тяга руля. В Комарно так и пришли с поврежденным рулевым устройством. На Дунае ходит много легенд про деревянный якорь. Наверно у сказок этих были реальные основания. Потому, что к чехам пришли в довершение всего и без кормового якоря толкача. Обстоятельства, как потеряли якорь, Леня так никогда и не узнает. Народ на судне не болтливый. С Леней вопрос никто не обсуждал. А спрашивать и неловко. Похоже на поиск виновного. Совет мудрейших пришел к выводам, что рулевое устройство было повреждено в результате недогляда со стороны Федченко. Однако тот же Совет постановил обратиться в местное отделение чехословацко-советской дружбы, во всем честно повинившись. Что и сделали. Напрасно диспетчерская служба Советского Дунайского пароходства двое суток вызывала на связь теплоход «Краснодон». «Краснодон» притаился и терпеливо ждал пока братья-славяне, за спасибо, поднимали в док и ремонтировали рулевое устройство баржи. Вот такие парни чехи. И якорь где-то добыли. А вы говорите. Дружил Наварро с чехами. Из Комарно в балласте - за груженными баржами на Будапешт. Границу чехи закрыли в Комарно, а венгры открыли тут же на противоположном берегу в Комароме. Без гешефта. И зря. Ох, зря, пожадничал капитан. И пожалеет он еще не раз. Но это позже. А так на Дунае населенных пунктов разделенных между государствами берегами Дунай хватает. Водки не напасешься. Отшли от Комарома в обед. Леня сменился с вахты, только пообедал и за книжку, как ружейные выстрелы на палубе. Это

Федченко уток стреляет. Вообще-то иметь на борту оружие дело немыслимое. Но Леня уже наслышан и знает, что промежуточной команде срочно в катер собирать трофеи. На судне ничего не делается без ведома и разрешения капитана. Судовой кот и тот не мяукнет. Катер на воду. Ленька с футштоком уже на носу катера. Теплоход дрейфует неподалеку от мадьярского берега, подрабатывая винтами и, по всему видать, все еще в пограничной зоне. Стрелять здесь категорически запрещено. Это и ежу понятно. Вот и дичь непуганая. Считай заповедник. Двух уток подобрали сразу, а третий- подранок выскочил на чешский берег. Умная птица. Охотникам граница на тот берег уже закрыта. Катер, чтобы не отсвечиваться перед чехами, пристал к пустынному венгерскому берегу. Никак решили, что у мадьяр как у румын, один пограничник на семь километров. Вот бы Федченко сейчас сюда. Однако Леня его и на палубе-то не видел, когда в катер запрыгивал. Высаживается Леня на мадьярский берег как при десантировании через Ламанш. И надо сказать, сразу по пояс в болото. Ему бы назад. Так ведь нет. Направив ствол автомата Лене в голову, бесшумно появившийся неведомо откуда венгерский пограничник знаками приказывает идти к нему и ручки.... выше:

- Ком цу мир, камерад!

Уж осень поздняя, а Леню в жар бросило. Вон оно как в плен попадают! Будет тебе и Маутхаузен, будут тебе и каменоломни! А потом закроют визу. Руки в гору надо бы, да как тут выкарабкаешься. Выбирается Леня из болота и к стражнику босиком. Остальные следом. Тем временем венгерские пограничники высаживаются к молодогвардейцам на «Краснодон». У мадьяр в секрете парень молодой и видать неопытный, потому, что от уток избавиться удалось незаметно. Привел он пленных на заставу, где дежурный офицер, чтобы не говорились, расселил задержанных по отдельным камерам, да поздно товарищи!!! После херсонской мореходки все ваши испытания курам на смех. Задержали вы промежуточную команду, а что до

того, что на берег высаживались, так граница у нас открыта. По нужде мы. Естественным надобностям. А что погранзона у вас здесь, так нам и знать не положено. Подумайте, лучше, как будете с посольством объясняться, союзники! В камере чисто, аккуратно. Стол да топчан деревянный. Параши только нет. Писать выводят в коридор. И воду дают. Не сразу, но дают. Оно и понятно, чего со шпионами церемониться, воды дашь, потом в туалет выводить надо. Выдержали краснодонцы мадьярский застенок. А сидеть пришлось долго. Пока у капитана водка не кончилась. С мадьярами Наварро тоже умел дружить. Водки видать было много, да лучше, когда больше ума. И Лене времени подумать хватило. И как это такое могло случиться, что на судне оружие, при том, что на судах загранплавания просвечивается каждый квадратный дюйм? Видать Федченко отчетливо понимал, что стукнуть на него будет некому. Да и капитан, похоже, в курсе «комсомольского прожектора», иначе не решился бы. Если, что визы вот лишат промежуточную команду и не за что-нибудь особенное, а за нарушение законов о государственной границе или еще чего придумают. Потому, что сдадут загранпаспорта молча. Так увольняли в пароходстве. С умом. А, чтобы не трепались, пообещают через год опять принять... визу открыть... Морген, морген, нур нихт хойте... Традиция. Келла промахнулся, Келла будет должен. Хорошо водки хватило. Уже при подходе к венгерскому городу Байя начался сильный ледоход, одновременно поступила команда из пароходства становиться в затон для зимовки. Большая часть команды отправили поездом в Измаил. Леню, в соответствии с его образованием, оставили на зимовку в должности четвертого механика, поручив, при этом дополнительно, выполнять обязанности начпрода. В мореходку Леня поступал на специальность «Судовождение на морских путях». Уже потом, выдержавшим испытание колхозом, объявили решение высоких инстанций о том, что Ленькин взвод будет специализироваться по Дунаю. Дунай река судоходная,

и судоводителей на Дунай готовили в речных учебных заведениях. А механиков все больше направляли из мореходок. Программа обучения в морских и речных учебных заведениях отличалась существенно. В том смысле, что судоводителей-речников обучаю эксплуатации судовых силовых установок. Морякам понять это непросто. Не умеют они так. Да не боги горшки обжигают. На внутренних водных путях люди справлялись вполне. У речников мощная береговая инфраструктура и в связи с длительным межнавигационным периодом достаточно возможностей для поддержания материальной части на должном уровне. На Дунае такая система не прижилась. Зима короткая, да и береговая инфраструктура, по большей части, принадлежала иностранным компаниям, а посему, в целях экономии валютных средств держали на судах полный штат механиков. Надо заметить высококвалифицированных специалистов. В машинных отделениях речных судов Советского Дунайского пароходства было чисто, как в церкви, а раскрашено ярче, чем в ином музее инженерной мысли. Моряки, попадая на эти суда, приходили в изумление. На вопрос, как удается поддерживать такой порядок, ответ всегда был один :

- У нас не сорят, потому и убирать не нужно!

И не удивительно, весь штат машинной команды состоял из четырех-пяти специалистов с образованием не ниже средней мореходки. Кому сорить, убирать-то некому! Учили эксплуатации судовых силовых установок и Леню... И на практике отработал целый месяц в машинном отделению. Правда, без особо большого рвения. Это когда погранцы снимали гагауз. Взвесив все обстоятельства по совокупности, и учитывая желания остальных членов экипажа, с которыми капитана связывали более тесные узы, Леню оставили в числе лиц, на которых возлагалась ответственность за обеспечение жизнедеятельности каравана в межнавигационный период. Леню это несколько озадачило, но будущему штурману задавать вопросы и много сомневаться не предусмотрено уставами. За него

все решено. Уж который раз....Проблемы возникли по всему кругу вопросов, но сначала столкнулся Леня с вопросами продовольственного обеспечения экипажа. Он не представлял интересы оккупационной армии, и потому продукты нужно было покупать в местных лавках, для чего кроме как иметь деньги следовало бы знать еще и местное наречие. А мадьяры с русским языком знакомы не намного больше, чем с его южно-китайским диалектом. Помогли знания немецкого и наличие всех десяти пальцев на руках. Да к тому же в Европе, слава богу, пользуются арабскими цифрами. Через месяц, при необходимости, Леня с мадьярскими красавицами мог поговорить и о любви. Но не до любви, однако. Потому, что подошло время и для технического обслуживания оборудования. А техническое обслуживание баржи на зимнем отстое сводится к периодическим пускам дизеля, основное назначение, которого приведение в действие механизма брашиля т.е. лебедки для поднятия якорей баржи. Работающий агрегат при этом производит подзарядку собственных пусковых аккумуляторов. В принципе, дорогой читатель, все также просто, как и на Вашем личном авто. Дизель с одной стороны разъемной муфтой соединяется с редуктором брашиля, а на другую оконечность коленчатого вала навешен генератор, дающий электроэнергию для подзарядки аккумуляторов. Своевременное и регулярное проворачивание и пуск дизеля обязательны иначе, если аккумуляторы разряжаются, дизель уже не запустить и соответственно не подзарядить аккумуляторы. Если только не перенести на толкач и не заряжать от судовой электростанции. Понятное дело, что речь идет о катерных кислотных аккумуляторах. Они тяжелые. Очень. Дубровин еще рассказывал о плотности и уровне электролита в банках. Лучше бы Леня не знал так много. Приедут специалисты – разберутся. За два месяца с аккумуляторами ничего не случилось бы, даже если бы он их вовсе не трогал. Неплохо бы запускать дизель для подзарядки да доливать дистиллированную воду. Регулярно. Но Лене никто толком ни-

чего не объяснил. Его поставили на должность и потребовали исполнения обязанностей. Давно замечено на формальные требования обычно отвечают формальной работой. Но не Леня. И потому, когда на одной из барж дизель упорно не пожелал заводиться, Леня решил реализовать полученные у Милочки знания в полной мере.

Полагая усилить пусковую мощность батареи, стал Леня, согласно разумению своему менять схему соединения аккумуляторов. Вроде бы все понятно, известно и логично. Однако, случилось, то чему и должно было случиться. Короткое замыкание кислотной аккумуляторной батареи. Картина страшная. Потому, что батарея взорвалась. Кислота, при взрыве, выплынула на Леня. В глаза, похоже, не попало. Казалось и время бег свой замедлило, а может наоборот ускорило... Такое вот искривление пространства и времени. Шок, как в детстве на двухколесном велосипеде. Все не иначе, а как должно быть по науке, и помимо воли. Джинсы, расползаются на глазах. Жалко джинсы. Это потому, что в глаза не попало. В противном случае джинсы жалко не было бы. А с рук и лица Леня остатки электролита смыл раствором пищевой соды из аптечки. Следующий раз придется надевать защитные очки. И комбинезон тоже. Несмотря ни на что и вопреки всему перезимовал Леня свою первую зимовку нормально. Даже понравилось. И с аккумуляторами обращаться научился и Лорелей на Дунае не хуже чем на Рейне. Помполита на отстое не было, но капитан на судно водить знакомых запретил прямо. Без намеков. Но все равно было хорошо, хоть и страшно. С Венгрией и ледоходом попрощались практически одновременно. Без особых слез, но с приятными воспоминаниями. Совсем в отстое и не скучно. Особенно если капитан не скряга, а начпрод не плут. Всем и всего хватило. По проторенному маршруту сбегал Леня еще дважды на Линц и пошел в свой первый благословенный богом трудовой отпуск. Это когда в ресторане не только ужин, но завтрак и обед.... Пока деньги не кончатся. Кончились деньги

раньше, чем отпуск. Работы, однако, нет. Время свободное, занимайся, чем хочешь. И предложил Лене инспектор отдела кадров направление на учебу. Заочно. На инженерно - экономический факультет Одесского института инженеров морского флота. Инженер - звучит. Все расходы кроме затрат на левые контрольные работы и чертежи якобы возмещаются. Чего отказываться. Экзамены Леня сдал в Измаиле в учебно-курсовом комбинате.

Идет все чередом, и отходил Леня третьим помощником вот уж третью навигации. Мореходка уж и забываться стала. Много ребят со флота поувольнялось, а вот Иванов Витька, Паша Петрушко и Вася Батяц попали под призыв в Вооруженные Силы. Витька уж отслужил, где-то на Севере и старшим лейтенантом вернулся в Херсон. В уголовном розыске. Петрушко и Батяц дослужатся до капитанов первого ранга. Большому кораблю и плавание...

Водить составы в тумане Невара уже почти научил. Видимость - впору уткнуться в берег и для уточнения с местонахождением, искать местных пастухов, ан нет... Не дождется... Стране нужны тонно - километры, а потому, экран локатора в морду рулевому, чтобы ориентироваться на фарватере по береговой линии и ... вперед. При таких обстоятельствах за рулевого вахтенный штурман, матрос - впередсмотрящим, а мастер на крыле. По рубке сквозняк - двери нараспашку. Капитан беспрестанно перемещается с крыла на крыло. В особо сложных случаях - за штурвалом собственной персоной. Нет, на нижнем Дунае - от Прорвы до Измаила, так могут даже и моряки. Некоторые. «Осетия», например, ходит по расписанию с точностью курьерского поезда. Но вот выше «Железных Ворот» таких отчаянных не много. Диплом дороже. Да и жизнь тоже чего-то стоит, а не так вам просто. Мама родила, растила. Да и страна учila - тоже чего-то стоит. Уж про пароход и груз и речи нет. Тюрьма. Но сегодня день видно особенный, или капитан имеет особые причины торопиться. С утра туман. С якоря начали

сниматься на вахте старпома, а туман, однако, состав из рубки едва просматривается. Когда Леня принял вахту, выяснилось, локатор не работает. Забыли включить, притом, что состав уже на фарватере. Судоходная обстановка устойчивая и изучена хорошо. В километре ниже излучина с крутым левым поворотом. Туман, однако.

- Всем судам в районе 1910 км, следующим вверх, я «Краснодон», иду встречным направлением с составом. Прошу связи. Всем судам, следующим снизу на Вену, кто слышит, прошу связи...

Шиш вам, потому, что в ответ тишина. Не отвечают. В такую погоду, разве, что Макар телят, да наш мастер «Краснодон»... Нет даже обычных радиопомех. Экран локатора и австрийский сухогруз, прижавшийся в тумане к левому берегу, открылись почти одновременно. Перевести телеграф на «полный назад» капитану было недостаточно. Капитан рвал на себя рукоятку телеграфа, как если бы это было весло шестивесельного яла. Телеграф уцелел, похоже, только потому, что маневр удался, и состав уtkнулся носом в берег. Не разминуться. Что произошло бы, если бы дизеля управлялись не с мостика, а передачей телеграфных команд механику, предположить несложно. Потому, что пиво с поздравлениями австрийки передавали, не замочив ног. С борта на борт. Стояла бы на месте сухогруза советская баржа. Вместо сухогруза. На барже экипажа нет. А самоходка австрийская с экипажем, и поэтому катер спустить все-таки пришлось. Визит вежливости называется. Капитан спешил, и это было очевидно. Причины тому неизвестны, потому, что Новый Год встречать, а может и зиму ночевать придется в Югославии. В Измаилеостояли трое суток и ... в путь.

«Краснодон» на отходе. С трудом удается сформировать бюджет и ресурсы в связи планируемым празднованием Нового года в Югославии. Караван танкеров уже на рейде. Леня параллельно с исполнением должностных обязанностей успе-

вает завести на судно портфель с водкой и шампанским. Уже к отходу выяснилось, что Валера Бобровский, судовой электромеханик и декламатор Эдуарда Багрицкого, частью спиртного распорядился по своему усмотрению. Заходили сокурсники. Еще любовь у него, видите ли. Примеру Валеры, недолго думая, последовали рулевой Виноградов, да и некоторые другие штатские, которым делать этого не следовало бы. К 30 декабря караван прибывает в Панчево. Новый Год на носу, спиртного нет. Любить таких ребят не за что. Им и самим себя любить не за что. Полное банкротство. Коллективным разумом группа младших офицеров в нарушение присяги приходит к мнению о допустимости правового деликта. Когда матросу горько на душе, его никто не пожалеет. Посему вопрос решается радикально. Складывающиеся обстоятельства решено рассматривать как условия крайней необходимости. Это когда во избежание большего зла допустимо причинение вреда иным менее важным государством интересам. В портфель, в котором на судно в Измаиле доставлялась водка, в Панчево загружается весь имеющийся на судне цветочный одеколон. Надо сказать, что в некоторых странах жидкий советский парфум котировался на уровне самой твердой и конвертируемой валюты. Поэтому Новый год удался на славу, с привкусом адреналина и стихами Багрицкого до утра. С Панчево в балласте на Комарно и домой с металлопрокатом. После Комарно приходит в каюту к Лене один из участников Новогодних чтений Багрицкого и

- Леонид Дмитриевич, тут такие дела, значится,- типа друзья мы,- я вот по слуху приобрел у лоцмана плащик такой чудный. Сомневаюсь, однако, держать у себя в каюте. Двухместная она у меня, а сосед сомнительный, такой. Проболтается Федченко где, быть у меня неприятностям и потерям невосполнимым. Повесь, пожалуйста, у себя в рундуке. Таможня и внимания не обратит. Личная вещь и все. И на отходе из Союза здесь висела, а если, что все ребята подтвердят.

Смолчал, Леня. Нет, не смолчал, молча согласился, хоть

и не по душе предложение младшего товарища. И не мог не согласиться. Корпоративная солидарность это называется. Думать раньше надо было. Говорил командир роты, не пей Леонид Дмитриевич с подчиненными, не пей, даже если обучался с ними в одном училище. Козленком станешь. Или козлом отпущения. Не послушался, однако.

К Вуковару подход на вахте второго штурмана. Караван из пяти барж порожнем в один ряд и по бортам по секции. Третьему помощнику высаживаться для разрешения пограничных и таможенных формальностей. Леня принимает официальный внешний вид. Новомодный френч со съемными погонами, безупречно белая льняная рубашка и фуражка итальянского покрова с квадратным козырьком и белым верхом. В Вене брал. Второй такой на всем Дунае нет. Вообще то фуражка больше подошла бы яхтенному капитану. Да кто там сильно разбирается, а кто разбирающийся тот и сам пижон хороший, иначе и не разбирался бы. А так идет Леня с портфелем в контору капитана порта и всем понятно - третий штурман это вам не труба на бане и не мешок с ветошью. Собирается Леня на берег и представлять перед местными властями флаг советский будет он достойно.

Вызов на катер по громкоговорящей связи прозвучал как гром среди неба. Это всегда неожиданно, но на этот раз что-то идет не так. Леня слышал, как караван стал на якорь, но как второй штурман собирается спускать катер, было неизвестно. По бортам толкача ведь секции. После постановки на якорь толкач следует вывести из каравана и поставить на якорь, а затем и катер на воду. А Леня, товарищи, с портфелем, к услугам вашим завсегда... Когда Леня вышел на палубу, картина представала глазам штурмана трудноописуемая. Секция, по правому борту, которая до этого мертвое крепилась к кнехтам, болталась в трех метрах от толкача и висела на тросах. Между корпусами секции и толкача - катер с Семенюком. Вова пытается багром оттолкнуться от корпуса надвигающей-

ся секции. Времени для раздумий нет, потому, что секцию неминуемо прижмет к борту толкача, что будет с людьми в катере, сразу и не скажешь. Законы гидравлики. Между корпусами рядом идущих судов на ходу действует сила притяжения. Каждый курсант знает, чем выше скорость, тем больше эта сила. Скорость течения Дуная колеблется от 80 до 120 километров в сутки. Из чего следует, что судьба катера вопрос времени. Леня портфель с документами закинул на дно катера и уже заводит подвесной мотор. Траектория фуражки с траекторией полета Лени совсем и не совпада. Где та фуражка, кто теперь скажет? А продавец так хвалил аэродинамику! Говорил, никаким ветром не сорвет. Гад. «Вихрь-20» - машина известная шумностью и капризами, на этот раз заводится с пол-чиха. Выскакивает катер из под носового подзора смыкающихся бортов толкача и секции. В самый раз, и обойдется Дунай на этот раз жертвами малыми. Багор боцман справит новый, а фуражка... бог с ней с фуражкой. В Одессе тоже шьют фасонные фуражки. К возвращению третьего помощника из конторы капитана порта стоял «Краснодон» как и положено - на якоре. В стороне от каравана. Авторство гениальной идеи по экономии времени при сообщении с берегом осталось неизвестным. Разбирательства не проводилось. И, слава богу. Не способствуют такие разбирательства успешному продвижению по карьерной лестнице. Могут и обвинять.

Накануне опять был Дубровин. Давно, однако, не появлялся. Был Миличка в черной рясе подпоясанной веревочкой, с непокрытой головой и борода длинная, седая борода. Стоит он перед Леней и говорит:

- Будет, Маркитан, знак тебе свыше. Из инстанций. - Миличка простер ввысь перст,

- Из мира тонкой материи знак, не просмотрят его, ибо потом уж и не поправить, не наверстать.

Хотел Леня поблагодарить хранителя своего, да разбудили на вахту. Самое интересное так за кадром и осталось. А так

у Леньки все тип-топ. Второй штурман Леня, и намекает капитан, идти второму штурману Круцких в следующий рейс старшим помощником. А на зимнем отстое, останется Леня за капитана. В отпуск капитану, а Леня потом. Как-нибудь образуется. Леня не сомневается, что образуется. А куда денешься с подводной лодки? Вообще-то Леня теперь опять «молодогвардеец», и вторым помощником он на теплоходе «Краснодон». Толкает «Краснодон» состав на Линц. Уже в городской черте Вены. Поднимается Леня на мостик, принимает вахту у старпома. На Дунае «собачью» вахту стоит старший помощник. Капитан тут же, но с мостика уходит вместе со сменившимся помощником. Чай пить. Будет наверно откуда-то из-за рубки высматривать, как Ленька справляется в отсутствии капитана. Оно и понятно, воспитывает себе старпома. Ведет Леня состав по главному судовому ходу уверенно, не впервые. Леня давно ведет караваны вполне самостоятельно. Так оно просторнее. Рулевой надежный, наверно, страшно подумать, и сам спрашивал бы. Только не решится. Когда, страшно боятся все. Вот в мореходке страх этот и изживали. Знаниями, нравоучениями и увещеваниями, а то и просто поркой. Это когда от строевых занятий штаны мокрые, а потом без отпуска. Замечено, после полного комплекса процедур только веселей и пофигу мороз. Если только совсем дураком не сделают. Случается ведь. Привел Леня состав уже ближе к концу вахты, процедура это не простая. Капитан тоже выдержал характер. Поднялся на мостик уже после прохождения моста. И говорит он Лене, что прошел он Леонид Дмитриевич Круцких самое сложное для себя испытание. Ну, может и не самое сложное. Но все же. И потому, предлагает капитан Леониду Дмитриевичу отметить этот знаменательное событие рюмкой французского коньяка. Но так, чтобы не болела голова. Ну, что же дело хорошее, можно и по рюмке, когда все своим чередом. И в этот же момент по судну прошлись толчок и легкая дрожь. Одновременно вроде как рябь по воде прошла, а следом послышался странный

треск. Нет, состав шел в прежнем режиме. Гидравлический удар ощущался по корме. Оглянувшись Леня замер в изумлении, рушился пролет моста, под которым он только что провел груженный для Линца состав барж

Все караваны оказавшиеся в непосредственной близости от рухнувшего моста выше по течению на период расследования были остановлены в пригородах Вены. Как оказалось румынский пассажир «Олтеница» получил в результате обрушения моста повреждения и у австрийских властей, в чьей юрисдикции было происшествие, появились опасения в части претензии румын к участникам водного трафика.

Неделю стояли под Веной в ожидании разбирательств. Австрийцы оказались совсем и ничего. Очень дружелюбны. Регулярно угощают фруктами. Заметьте бесплатно, а судов стоит немало. Чуть не полвыпуска дунайцев собралось под Веной. Где-то рядом стояли головные части Советской оккупационной армии. Видно оставили о себе добрые воспоминания. Всего то прошло четверть века. Если бы, что не так, не забыли бы австрийки.

Сашка Дряхлов, третий помощник с «Вильнюса», говорит, что когда по корме рухнул мост, у второго помощника от изумления защемило нижнюю челюсть. Потерял дар речи, пришлось обращаться за помощью к местному костоправу. Наверное, щутит Саша.

Расставили баржи по терминалам. И призадумались. Но не на долго. В пароходстве думали тоже. Караваны оказавшиеся выше разрушенного моста до срока были поставлены на отстой, а экипажи, частью, как оно и водится на отстое, отправили в Измаил поездом. Остальным членам экипажа в качестве отступного - гуляния по городу. Надо сказать любимое место венцев в городе парк Пратер, что на берегу Дуная. Здесь же гуляют и измаильчане. В Вене родственников нема даже у хохлов. А если у кого и есть-помалкивают. Вот гуляя по Пратеру, однажды встретили Валентину Терешкову раздающую авто-

графы. Подарила «Чайка» свою фотографию с дарственной надписью и Лене. Тут и вспомнился Милочка. Не это ли знак свыше. И надо сказать не первый. Мир тонкой материи, он такой. Учится Леня в одесском институте морского флота. Но Лене все это не очень и нр... В родном Воронеже в политехе есть специализация по летательным аппаратам. Призадумался Леня про знак свыше. Уж и осень надвигается. И гуляния приелись. Домой хочется всем, а при таких обстоятельства перспектива зимовки в Вене самая реальная и никого она не увлекает. Уж лучше в Сербии или в Венгрии, там вино дешевле. Стояли, однако, пока сокращение подвижного состава не стало сказываться на показателях работы пароходства и верстке планов грузоперевозок на следующий год. Вообще Вена известна системой своих каналов, но эти водные артерии не использовались измаильчанами, которые в Вену ходили в грузу и пользовались как автобаном основным судовым ходом. Шесть барж в составе общей грузовместимостью 8 тысяч тонн, не везде и пройдешь. Эксперименты при таких обстоятельствах на ум идут только сумасшедшему. Однако каждому овошу свое время. Эксперименту тоже. И пришел к решению совет капитанов выбираться из блокады на свой страх, риск и ответственность. Для эвакуации был выбран обводный DUNAUKANAL. Поворотов на нем достаточно, но изгибы приемлемы, ширина метров сорок. Если попытаться задними ходами, пяться как рак, то может получиться. В случае неудачи, ответственность на исполнителях. К исполнению обязательны только письменные приказы. Что, кто-нибудь не знал? Или видел кто приказы эти? DUNAUKANAL так DUNAUKANAL. На руль опытных и удачливых. Судоводителям сектора обзора и ответственности. Капитан на мостик и вперед! Точнее, малый назад, пяться и на ощупь, втягиваясь в устье канала. Капитан Наварро знает, как и если нужно высказаться. Глубины в канале сомнений не вызывают, но вот затейлив тот фарватер. Стены бетонные как в шлюзах, только повороты как на шоссе. Дунай известен своими

течениями. Ни одному проектировщику такой маневр и в голову не приходил. На задних ходах управляемость существенно ухудшается. Толкач не минный тральщик. Так, что задними ходами здесь идти едва не полдня. Да не боись, не война. И не обстреливают австрийки вовсе. На «Краснодоне» за рулевого второй штурман Круцких. При форсировании главных двигателей на задних ходах, ощущение, что, оторвет если не корму, то рулевые насадки. Говорил «Милочка» про знак. А посему, все будет, как предопределено. Все будет очень хорошо. Но, что-то говорит, что если хорошо будет не все, то тогда все будет очень плохо. Леня это вспомнит. Потом. Идет в этом караване «Краснодон» вторым. Прорываться решили группами, с тем, чтобы в случае чего можно было деблокировать канал. Скандалов только не хватало. Над узким каналом рев дизелей привлекает внимание случайных прохожих. Гул как от авианосца при производстве полетов. Идущий головным «Вильнюс» на очередном повороте навалило на невесть откуда появившуюся площадку парома, о чём «Вильнюс» уведомил по радио идущий следом «Краснодон». Навал был правым бортом. Исходя, что движение задними ходами, Леня прижался к бетонной стенке противоположного берега. Дело привычное, но когда по курсу нет препятствий. Австрийк после навала на него гиганта в две тысячи лошадей, полагаясь на собственный здравый смысл, решил переместить свое плавсредство к противоположному берегу. Когда площадка открылась обзору с «Краснодона» прямо по корме, було пиздно. Нет, прямого соударения избежать удалось, однако ограждения и привальный брус немцу помяли изрядно, Щепки поплыли по всему каналу. Вспомнился Дубровин и заныло сердце у штурмана. Обошлось, однако, без больших потерь, на том и, слава богу. Во избежание последующего навала, а потом и скандала, о паромщике предупредили судно идущее следом. Австрийк, однако, тоже оказался не дурак, и, после повторного столкновения с очередным речным Голиафом, решил, что восточный берег все-таки безопасней.

Первый раз досталось меньше. Это оказалось ошибкой и роковой, а потому предметом разбирательства межведомственной комиссии. Со всеми последующими нравоучениями. Потому, что приказа письменного на маневр не было! Однако нравоучения эти оказались без последствий, ибо знамение бывает не только Леньке. Выводу судов из капкана предшествовала так необходимая в таких случаях рекогносировка на местности и изучение маршрута движения судов. Неприятностей ничего не предвещало. А совсем даже наоборот. Потому, что немцы, даже если это австрийки, народ дисциплинированный, а трудно предсказуемых иностранцев в те времена в Вене было крайне мало. И роли в этой истории они никакой не играли. Однако, как говорится и на старуху... найдется. Нужно было случиться, что в самом узком месте канала администрация австрийской столицы решила поставить станцию местного метро. Работы велись открытым способом, что и не учли наши капитаны, да и учесть не могли. Ибо строители решили утилизировать высвободившийся грунт на другом берегу канала, для чего и привели паром, и притом сделали это, как оказалось, в нарушение каких-то собственных австрийских правил.

Ну, да через неделю с небольшим были блокадники уже дома. Никто карать героев и не собирался, но и наград при таких обстоятельствах ждать не приходится. Замену, однако, предоставили Лене по первому требованию. Для восстановления нервной системы и белково-алкогольного баланса молодого организма. Леня, между тем, не мудрствуя лукаво первым делом в Одессу за академической справкой для перевода в Воронежский политехнический, на тот самый факультет о котором намекал Дубровин. Все устроилось наилучшим образом и уже через каких-нибудь три недели числился Леня студентом-заочником политехнического в родном Воронеже.

Отпуск пролетел быстро и незаметно. Без осложнений. Но без осложнений только отпуск. Потому, что по прибытии в отдел кадров инспектор сразу же направил Леню к заместителю

начальника. Очень все это Лене не понравилось потому, что недолюбливали Курицына и мореходы и дунайцы. И делать у Курицына Лене совершенно нечего, уж очень мужик зловредный. И кличка у него под стать - «говно в шоколаде». И разговоров про темный кабинет ходит много разных. После его посещения случается визу закрывают. Народ там побывавший распространяться не любит. Если только после этого неувольняется. Навсегда и без надежды когда-нибудь пройти под семафор. Но делать нечего, является Леня перед ясные очи князя мелкопоместного, но с полномочиями. Посмотрел хозяин кабинета на Леню как-то не так, как Леня привык и велит прийти в понедельник к 11 часам для беседы. К чему бы это? Ну да видно будет. Дел и после отпуска хватает. В понедельник так в понедельник. Не попал Леня на прием к 11 часам в понедельник, потому, что в пятницу уже под вечер вызвали Леню к инспектору за назначением на «Краснодон» в знакомый экипаж и на прежнюю должность. Решил Леня, что вызов к Курицыну был вызван с планируемым перемещением по службе. Не состоялось и ладно. Срочно по малопонятным причинам на отходе заменили второго помощника. Случается и так иногда. Новый год на носу. Но не забыл Леня про Курицына. Слухи ходят всякие и все больше не очень лестные. Вон и помполит поинтересовался был ли у Курицына на беседе. К чему бы это?

Потому что уже в следующий рейс протаранил «Краснодон» идущий из Рени на Прорву к Черному морю рудовоз «Навашино». «Навашино» да «Хорол» два морских сарай пенсионного возраста в пароходстве, давно бы пора на иголки. У всех через них одни неприятности. Пробоина в борту «Навашино» длиной метров десять. Вина «Краснодона» очевидна. Большое Жюри начало большое разбирательство по установлению лиц повинных в причинении ущерба в особо крупных размерах, а попутно также о состоянии морально-политического облика лиц виновных и морально-психологической атмосфере в экипаже. Вахтенным помощником на «Краснодоне» при столкно-

вении был старший помощник капитана и Леня вроде бы и не причем. Но на беседы к Курицыну вызывают с малопонятной настойчивостью. Надо идти, но прежде чем стучаться в двери таинственного кабинета, Леня хорошо подумал. И приходит Леня к предварительным выводам, что не случайно не состоялось его назначение старшим помощником капитана, и совсем не случайно вызывал его к себе Курицын.

Потому, что пришел Леня к Курицыну, а кадровик, выставив его в коридор, с кем-то долго советовался по телефону, а потом велел Лене прибыть наутро. На следующий день, перед тем как принять, опять долго мариновал в коридоре, и уже ближе к обеду секретарша сказала, что Иван Иванович ждут- с. И начал кадровик выспрашивать про личную жизнь членов экипажа, про пороки человеческие. Леня решил сначала, что в связи со столкновением. Ан нет. Потому, что Иван Иванович продемонстрировал крайнюю осведомленность и про судовую жизнь молодогардейцев и личные наклонности его - Леонида Дмитриевича Круцких. И про Лорелею с берегов Среднего Дуная и парфум, и что-то типа плаща, да как-то невнятно. А самое главное - про застенок на венгерской границе. И очень все как-то неконкретно. Без источников, как бы все известно, вот только хотелось бы вашу интерпретацию Леонид Дмитриевич. Про капитана Наварро. И понял Леня, что не напрасно продумал он свое поведение на ковре у начальника. Проверка на вшивость в народе это называется. Но выхода как обычно – два. Либо принимать предложение, либо – нет.

- Иван Иванович, я не знаю точно, о чем Вы говорите. Возможно, кто-то и напел Вам эти песни, но пришел я с тем, чтобы зарегистрировать свое заявление об увольнении.-

Не было в мире крепостей..., как оказалось, это тоже не крепость, потому, что сольное выступление Лени для инженера человеческих душ оказалось полной неожиданностью.

Не будет Леня бороздить моря и океаны, как друзья его товарищи, не станет Леня ни старпомом, ни капитаном потому,

что будет Леонид Дмитриевич конструировать для Родины корабли космические. А, что с Курицыным Нет такого человека и все. Кто его вспомнит. Ему казалось только, что князь он. Если только успел украсть чего, при приватизации, а так чего с него взять.

Последний маневр штурмана оказался полной неожиданностью для всех, в том числе и для капитана Наварро. И последствия будут тоже не менее неожиданными. Только капитану Наварро это поможет мало. Потому что погибнет он вместе с судном, но это уже другая история. А конструктор космических кораблей Леонид Дмитриевич Круцких будет на сорокалетие выпуска в Херсоне вместе с оставшимися в живых друзьями искать первое творение рук своих - галлюн типа сортир на левом берегу Днепра. Вот только не найдет... И юности прошедшей ...тоже.

Адмирал черпачного флота или про Коля Выдригана

Коля подвох чувствовал загодя. Так ведь всего и не упрещиши. А ведь пытался. Иногда помогало. Вспомнился колхозный балбес - киномеханик в «Городнем Велетне» который приезжал показывать курсантам и местной молодежи киношку. Вообще-то кино катили на улице, в клубе жили курсанты. Осень была теплая и сухая, но напротив клуба в таком сушняке почему-то все время стояла лужа по колено. Весь «Городний Велетень» в ирригационных каналах и похоже когда-то проложили в деревеньку трубу-водовод, да кто теперь упомнит. Забыли. А кому оно надо. Стоит лужа и стоит. Курсантам фильм бесплатно, а детворе из соседних деревенек - в зависимости от настроения киномеханика. Завоевать благосклонность благодетеля особого труда не составляло. Имелся у него третьего, и надо думать самого большого, размера разводной ключ , который балбес для собственной забавы и на радость детишкам бросал в эту самую лужу. Кто принесет ключ, тому сегодня халыва. И так раз пять. Пять месть на лавках резервировалась для представителей местных аборигенов. Тех, кто право на это заслужит. Остальным кино смотреть тоже не возбраняется, но за десять копеек или с ветвей окружающих импровизированный кинозал деревьев. Картина эта Коле вспоминается часто. Чаще чем хотелось бы. Уж очень напоминает повседневную жизнь, в которую окунули обстоятельства. В кино не желаете? Нет уж, благодарствуйте.

И ведь чуть не поступил с братом в Киевское суворовское, да вовремя одумался. Не думал Коля, что доведется носить форму, да пришлось. Когда не стало отца выбора больше не оставалось. Мореходное училище имени приснопамятного лейтенанта Шмидта за забором отцовского забора или мореходка имени Крузо и Гулливера, но это подальше, на другом

конце цивилизации. Если бы знать разницу, может, и выбор был бы другим. А так отдал Коля предпочтение «централке». Хотел Коля учиться на радиотехнической специальности. Уж очень подружкам сестры нравились транзисторные приемники, что мастерил Коля. А может и не приемники вовсе нравились, кто девчонок этих разберет. Попал Коля на мандатную комиссию, это где облаченные доверием товарищи должны принять решение о пригодности кандидата представлять интересы Родины за ее рубежами, и в этом самом месте впервые понял какова зияющая пропасть между его представлениями о жизни и действительностью воспеваемой в произведениях социалистического реализма. А ведь в обоих случаях было что-то неуловимо общее.

- Мы поздравляем Вас, Николай Захарович, с успешной сдачей вступительных экзаменов и всякое такое. Позвольте заверить Вас в глубочайшем и искреннем.... Однако, Николай Захарович, накладочка вышла, вот-с... У вас проблема с судовой радиосвязью, а в училище ко второму курсу нужно принимать 120 знаков в минуту. Это, Николай Захарович, 120 буквовок или цифирек. По две штучки в секунду. И долго так принимать надо.. А потом, с большей, видите ли, скоростью...

Закончилась эта просветительская беседа тем, что присутствовавший по воле обстоятельств на заседании комиссии капитан-лейтенант Грибков прекратил Колину мучения заявлением, что берет он Колю к себе в восьмую роту электромехаников. И понял Коля ,что будет заниматься не любимым радиоделом а будет учиться вкручивать лампочки и ремонтировать утюги. Но ключ из лужи он, кажется, достал. Поэтому, что выдали Коле форму и стали от него якобы уполномоченные на то лица требовать, чтобы стал он похож на курсанта. Примерно, на такого как изображен на плакатах с образцами форменной одежды во дворе первого учебного корпуса – морда топором и по жопу деревянного... Были и такие счастливчики. Это сейчас на шестом десятке Коля похож на

папу - генерала. А тогда Коля был похож больше всего на себя самого, и прозвали его- товарищ Дзержинский. За внешнюю схожесть, воспитание, манеру речи и длину шинели. По тем же основаниям, а еще за кажущуюся внешнюю важность, товарищи называли - Бонифатием. А чтобы не зазнавался, слегка изменив фамилию - Тыдрой, это чтобы не обращаться на Вы, обзывают Выдрой. А вот командиры всякие разные, начиная от старшины группы, к вящей Колиной печали хотели, чтобы Коля был похож на того самого курсанта, что с плаката и тогда Коля понял, чтобы все удовлетворились имеющимся, будет достаточно быть похожим на своих сотоварищев. И обрезал Коля себе шинель. Да ни как-нибудь по колено, как допускает того устав, и совсем не так как все кто не попался, а как казалось старшине роты - по самый копчик. А шинель между тем у Коли была совсем и ничего. Может быть и не такая, какта,что выманил у меня один из местных придурков курсом кажется младше. Ну да ладно с шинелью этой. Не помогла шинель рябому, о чем жалеть, не помогла бы и мне. Так вот, оценив приобретенный модернизацией шинели опыт, Николашка порешил, что остальные предметы вещевого аттестата носить он будет в таком виде, в каком их выдало государство. Государству так нравится, государство пусть радуется. И надо сказать, что в этом состояла высшая мудрость. Потому, что если Коля Выдриган был не единственным, то одним из первых, которому представители государства стали намекать о необходимости подгонки этого самого обмундирования под фигуру владельца. Надо сказать, что спустя годы я сильно сомневаюсь в мудрости такого совета. Во-первых, это был стиль супер ретро, который в нынешнем столетии нашел своих верных поклонников, во-вторых, видать и с государством нашим было чего-то не так, коль скоро исчезнет оно с лица земли. После полугода намеков по поводу перешивки формы от Коли отступились. Отступились вообще. Победило Колино ледяное спокойствие. А форму Коля перешьет. Когда для этого наступят более подходящие времена.

на. У Коли вообще все будет в порядке. Вопреки всему. Без пробежки наперегонки в колхозную лужу за гаечным ключом для киномеханика. Пусть не сразу. На первых порах допекали нарядами, форменной одеждой и прочими прибамбасами службы. А со второго года обучения, когда Коля наверстает упущенное, и придет время учиться вворачивать лампочки, ремонтировать утюги а также торпедные аппараты, Коля будет весьма справным курсантом с вполне заслуженным авторитетом человека, не отмеченного издевательствами над младшими и подхалимничанием перед старшими. Первый год обучения Коле достался также как и всем. Голодно, холодно, сплошные строевые занятия. И запомнился тщетными попытками родного начальства сделать Колю похожим на представления этого самого начальства, о том каким должен быть курсант. Коля не возражал и следовал этим требованиям с маленьими поправками, которые на его взгляд и не нарушили вовсе однажды кем-то заведенного порядка. Начальству поправки были не очень заметны, либо начальство делало вид, что поправок этих не замечает. Потому, что и начальство в повседневной жизни руководствуется не теми самыми однажды провозглашенными общими для всех правилами , а собственными к ним маленьими поправками.А иногда и неочень маленькими. Коля рано усвоил, что всеобщее следование уставам и к тому же «в ногу» - это всего лишь миф. Ибо порядки заводятся для всех, а следуют им те, кто не может правилам этим противостоять. И если капитан третьего ранга Матвиенко рвет курсантам штаны, то Коле рвать он не будет. Коля ему радости такой не доставит. Вот с шинелью, правда, неловкость вышла. Эффекта ожидаемого не получилось, и на вахте холодно. Потому, что если Коля и обрезал шинельку не совсем под самый кобчик, но все равно коротковато. Потому никто и замечаний не делает, предполагают, наверно, что сам догадается. Да, что делать, другой шинели то вовсе и нет. Ходит Коля в наряды, получает оценки не всегда радостные, да что тут уж поделаешь. Вот и сегодня, надо бы

нести чертежи , да банный день в роте. А ведь в шинели на голое тело в трусах из второго экипажа в первый совсем не жарко. Интересно, кто бы сказал, трусы из под шинели не выглядывают? Снежок на улице. Поземка по плацу, во вьетнамских тапочках без привычки уж и совсем не южный берег Крыма летом. Да и душевая в мореходке похоже проектировалась для аборигенов центральной Африки. Когда в одной кабинке открывается кран горячей воды, в соседней льется ледяная. Помывшись, насколько позволяют обстоятельства, Коля бегом назад в роту. Правда без тапочек . Тапочки он потерял впопыхах на плацу и искать их будет завтра, а сегодня Коле, чертежи готовить Сергею Павловичу Жиртуеву, который считает, что Коле к девушкам рано, и не потому вовсе, что женилка не выросла, а потому, что не сдал Коля детали машин и со-промат. Вот так вот. Дожидается Коля своей очереди к машине «профессора Светозарова», известного также под названием как стеклофон, под который приспособлена оконная рама. До полуночи за стеклофоном колдовал Толик Головченко, как разбилось стекло. Ладно, не сломали настольную лампу для подсветки. Хорошо на этаже размещалась еще и механики. Кажется, рота Матвиенко. Пустуют помещения, курсанты где-то на практике. А Колины сокамерники , наверное, с самые отчаянные головы на курсе. Решили вскрыть баталерку соседей. Ценностей там никаких, да ценности и не нужны, но можно снять оконную раму для стеклофона. Рамы двойные, до лета никто не кинется. Рота на стажировке не то на военных кораблях, не то в загранке. Вернутся, снимут раму у нас. Нам тоже в моря уже скоро... Нехорошие дела решаются споро. Баталерку вскрыли и раму сняли. Коля с божьей помощью и помощью более опытных сотоварищей до утра и чертежи изготовил. Да закрывая баталерку, оказалось контрольную ленту с подписью капитана третьего ранга Матвиенко приклеили совсем и неровно. Сказывается отсутствие опыта и свойственная разгильдяям небрежность. Матвиенко уже на следующий день поутру под-

нял шум. Большой, вселенский. И ушла у Коли душа в пятки, потому, что чужая рама оказалась совсем другого цвета, чем в кубрике, куда вставили ее взамен поврежденной. Хоть и не Коля ходил за рамой, но при разбирательствах избежать раздачи не удастся. Потому, что не принято у нас так. У нас закон стаи. Закон этот существование свое скоро прекратит и не без Колиного участия. А пока он формулируется так. За сильного и вождя отвечают все, а остальные сами за себя. Если Келла промахнется, Келле пощада одна – Келле в армию. Потому, что Келла аппаратом пользовался последним. Что неправильно? Докажи обратное . Я бы раму на место поставил, если, что. А вот если бы раму снимал Келла, то опять виноват был бы Келла. И в этом высшая справедливость. Потому, что в ней правда жизни. К нашему общему облегчению и к счастью Коли, розыск учинили начиная с других рот. Что подвигло на это капитана третьего ранга Матвиенко, теперь уже никто и не скажет. Если только наверняка и точно не знал, что кара для Коли будет неизбежна. Коля тем временем решает раму срочно перекрасить. Сбежал он после обеда с ведома старшины домой, благо рядом, через дорогу и вернулся с краской. Краска на ацетоне сохнет быстро. Не считая легкого обморожения пальцев, рота проверку на вшивость выдержала успешно. Попробуйте сказать, что не судьба. Коля потом рассказывал, что чуть не описался от боли и страха. А может, слегка преувеличил. Правда, дорогой читатель, когда страшно, боялись мы все, могу подтвердить. Потому, что пощада для курсанта одна и она известная. Кто помнит злополучную зиму с 1968 на 1969 годы, тот помнит, что была она холодная и с пыльными бурями. Грелись, как могли. Юра Ермоленко устроился на платяном шкафу, однако проспал в тепле Юра всего одну ночь, страшно свалиться. В эту зиму способов согреться испробовано было много. Самый доступный и безопасный известен как «слоеный пирог». Это когда простыня, бумажное одеяло и шинель сверху и еще бушлат на ноги. Можно еще матрас. Но это если кто-то не но-

чует в кубрике. Чтобы «наполеон» не разъезжался, Коля пробовал сверху стул. Не помогает. Холодно. Щели в рамках никто не заделывал вот и замерзает вода на подоконнике... . Придумали окно бумазейным одеялом занавешивать. Едва ли стало теплей, однако гулявший по кубрику ветер поутих.

Но наиболее радикальный, но наказуемый способ, заключался в применении профессиональных знаний. Кому неизвестно изречение О Генри

- Что проку в твоих знаниях, если от этих знаний нет проку в твоей жизни?-

В лаборатории электрических приводов позаимствовали пусковое сопротивление, приспособили под него два кирпича в тазике, через «жулика» подключились к электросети освещения. Следует пояснить, что во времена расцвета социализма, розетки в казармах, общежитиях и тюрьмах не предусматривались. Как сейчас, не знаю. В мире меняется многое. Права человека, и всякое такое. Поскольку в мореходке кроме других специальностей обучались и электромеханики, использовать изобретение Эдисона, запатентованного к лампе накаливания, труда особого не составило. Всего делов то припасть к цоколю разбитой лампочки два проводника и ввернуть в патрон. Это нехитрое приспособление в народе и называли «жуликом».

Однако при первом включении электроГрелки отключился свет. Возмущений было много, ведь свет потух не только у любителей тепла, но и во всем коридоре. Закономерно, ибо всякая идея должна пройти путь от ее зарождения до технического воплощения. Сначала последовательно с грелкой включили дополнительную спираль из обычновенной проволоки, и опять все хорошо. А когда в соседних кубриках появились конкуренты на бесплатные килокалории, и выключатель стал срабатывать ежеминутно, Миша Масенков загнал в автомат логарифмическую линейку и отключения прекратились. Соотношение цены и качества принятого решения почти гениальное, ведь отключения прекратились, а логарифмических линеек хватало.

Со временем из-за перегрузки по току спеклась проводка в стене, и в кубрике перестал работать настенный выключатель света, но ведь выключить свет можно и выворачивая лампу из патрона. Тоже приемлемое решение. Народу хватает, кому вывернуть лампочку найдется. Не очень и высоко. А для маскировки козла в нерабочем состоянии приспособили шахматную доску. Помещался в самый аккурат. Так бы в жизнь воплотить марксизм-ленинизм. При коммунизме и ныне жили бы.

Ночь, «козел» в 40-ом кубрике выбрасывает живительное тепло. Кайф. К 07-00, когда по роте проносится испуганный шепот «Матвей идет», а вахтенная служба докладывается, инсургенты по отработанному в «мирное» время алгоритму, убирают шахматную доску с грелкой в рундук, тазик кирпичами под кровать. Однако капитан 3-го ранга Матвиенко А.С. не прост и уже в дверях. Матвей не может не заметить, что воздух накален как в Сахаре. У населения рожи красные, как у капитана третьего ранга с похмелья. После немой сцены, угрозы с требованием правдивого доклада и выдачи нештатного оборудования, у Коли нервы не выдержали. Но это в последний раз. Коля, несмотря на несомненный и нездоровий интерес к противоположному полу, хранил девственную невинность долго. Достает он горячий, шахматный пенал из рундука и молча передает капитану третьего ранга. Оригинальность теплопроизводящего устройства и его укупорка вызвала у ОРСО немое изумление и некоторое снисхождение. Следует от Матвея приказ - дежурному по роте отнести «козел» в помещение дежурного офицера. Матвиенко нашел извинительные причины расправы не чинить. О которых можно было догадаться, все, однако, все равно благодарны, потому, что досталось бы всем.

Приближаются зачеты и экзамены, на носу первая плавательская практика. Старался Коля, как мог сдать хвосты все, однако не вышло. Тормознули Колю на период зимнего отпуска в училище. И не одного Колю. Вон Миша Масенков вообще за все годы учебы ни разу официально в отпуске так и не

побывает. Не смертельно. И бригада набралась численностью до десяти человек. Поселили всех в одном кубрике, назначили старшиной Мишу и задачу поставили побелить ротные помещения. Вдесятером вроде бы должны и успеть. Но приступать к работе не хочется. Тем более, что ящики с новогодними подарками тут же рядом. Отпускники решили, на два часа в отпуск раньше - это сладче апельсин и шоколада. Камбузная служба реквизировать не успела. Ну, да и стипендия была перед самыми каникулами. Кто-то стипендию получил, а кто у родителей денежку выманил. Не казарма училищная, а курорт. Если сидеть тихо, то ни один офицер не догадается, что где-то рядом курсанты живые. К концу первой недели из отпуска объявился командир роты, который выглядел очень озабоченным. Командиру показалось, что с такими темпами побелку до конца отпуска завершить не удастся, а поэтому косметический ремонт помещений переносится на летние каникулы. Вот только действующие лица будут те же. После ухода командира, Миша, собрав бригаду, сказал:

- Не боись, ребяты, к следующему приходу командира будет у нас все тип- топ. Нас может даже наградят.

Последнее предположение у Коли вызвало некоторые сомнения. Даже не сомнения, а скорее опасения. Именно опасения. Коля уже где-то слышал, что награждают все чаще посмертно...Братьев награждали. На войне. Однако во второй половине дня в помещении роты появилась известь и кра скопульп. Это насос такой, используется специалистами для побелки. Так ведь специалистами. В общем, к следующему приходу командира, все помещения роты, кроме баталерки, были побелены на три раза. По утверждению Мишки, у профессионалов это так и называется. Только вот цвет потолка стен, окон и полов был примерно одинаков. Типа белого. Через два дня, когда в роту прибыл командир, помещения ему были представлены побеленными, только как понял Коля по лицу командира, награды оно не сулило. Потому, что остаток отпу-

ска был посвящен не сдаче хвостов, не поездке домой и даже не девушкам, а помывке полов и окон ротных помещений. Заканчиваются зимние каникулы, а сними и плановые работы по косметическому ремонту ротных помещений.

Ходит Коля в наряды, иногда в очередь, иногда, как придется. А остальное время посвящает учебе. Потому, что скоро плавательская практика. К радости мамы и сестренки, как же Коля джинсы привезет. Открыли Коле и визу. Сомневался, однако, Коля и не без причин. Однако, шумное празднование дня рождения Толика Головченко, ротного забияки, приведшее, в конце концов, именинника к отчислению из училища, для остальных участников праздника ротного масштаба, особо негативных последствий не имело. Не считая внеочередных нарядов. Стоять их во втором корпусе, правда, было страшновато, да и холодно, шинель-то, кажется, и в самом деле обрезана под самый кобчик. Да приоровился Коля, рассказал ему кто-то про бойлерную. Так Коля притащил туда ведро и в ведре костер разводил из газет и ничего... Даже сны приятные случалось видеть...Правда, бока болят, скамейка все же не панцирная кровать в экипаже. Перед рассветом с входных дверей швабру долой, пепел в урну, в лицо - холодной водой и жизнь продолжается. Открыть ворота потому, что приведут строй курсантов за знаниями и оценками. Коле с завтрака принесут хлеба с маслом. Два кусочка с сахарным песком. Коля курсант правильный. Коля спать не пойдет. Коля пойдет на уроки.

На перерыве ребята обратили внимание на Колины закопченные ногти. Диагноз был поставлен мгновенно – курил, а ведь всем говорит, что не курит. Точно курит, а еще клянется. Ребята, не курит Коля! Коля - потенциальный поджигатель. Но об этом, к счастью, никто не догадывается. А Коля молчит. КуриТЬ, ребята, Коля, по его собственному признанию, научится гораздо позже. Когда на землечерпалке «Кубань-3» девчонки- практикантки из ОИИМФА лишат Колю невинности. Но произойдет это много позже и рассказ об этом дальше. При

встрече на 175-летии училища, или к 40-летию выпуска 35-ой роты капитана третьего ранга Грибкова.. У каждого каравана путь свой, у нашей маленькой компании своя история. И она пишется день за днем, чтобы привести каждого из нас, в конце концов, к финалу. Но до развязки еще далеко. Мы и сейчас отстоим вахты круче молодых, а в те времена и подавно...

Морская практика, в широком смысле этого слова, у Коли случится обширная и даже героическая, а началась она и вовсе распекрасно.

Попал Коля на теплоход «Лабинск» Черноморского морского пароходства, что обслуживал кубинскую линию. Это в том смысле, что была в пароходстве группа судов обслуживавшая остров Свободы и были у экипажей этих свои традиции, которые брали начало со времен военной блокады Кубы американцами. Экипажи эти были крутые и старались попусту их не тревожить, потому, что линия эта была неденежная. Больших благ она не сулила, но в память о прошлых страхах, было очень весело. Сходил «Лабинск» сначала к другим несчастным. Это в Египет в Александрию, вернулся в Новороссийск за зерном на Кубу, тут и практиканты подоспели. Самый раз проводить моточистку главного дизеля. Ибо давненько практикантов не было, и потом переход через океан, да и на Кубе для такого мероприятия жарковато будет. Все одно к одному. И достается Коле цилиндр №2. И запомнился он Коле потому, что обошлось без летального исхода. Потому, что Коля и поныне считает, что преисподняя должна выглядеть именно так. Нет случалось в жизни много чего ,что и вспоминать не хочется. Но на первый случай, цилиндр №2 главного двигателя теплохода «Лабинск» в самый раз. Жара, загазованность. Чтобы практиканту не задохнуться и как то провентилировать камеру сгорания, где скрючился Коля, валоповоротным механизмом проворачиваю гребной вал. Помогает это мало, но все же иллюзия притока свежего воздуха существует. Это был первый случай, когда Коля мысленно поблагодарил капитана третьего ранга

Грибкова, что взял он Колю в свою роту. Иначе учился бы Коля на судомеханическом, и остаток дней своих заниматься моточистками. Закончил Коля свою миссию, как обычно, достойно. Отмывался Коля, почти до самого Гибралтара. За то потом выглядел как младенец. Жаль, некому показаться было. Куба Коле показалась интересной, но познаний особых, по главному интересующему Колю вопросу, не принесла. А интересовал Колю по-прежнему вопрос взаимоотношения полов. На этот раз в зоне тропического климата. Вроде бы, чем ближе к экватору, тем доступней радости жизни. На Кубе советских времен, однако, в этом вопросе пополнить свои познания было сложно. По телевидению все больше выступает команданте да старые советские фильмы. Оно и понятно. Как никак родина первой социалистической революции на континенте. Нет, представительницы слабого пола, прогуливающиеся по причалу очень даже ничего и соседских девчонок даже привлекательней, но только не светит ничего советскому маринаре. Глаз много, да и неизвестно еще насколько в этой весьма деликатной сфере укоренились товарно-денежные отношения. Американцев то прогнали совсем и не так давно. Разговоров много, однако, Коля больше доверяет практическим знаниям, которые из разговоров не почерпнешь. Случай довольно редкий, но на судне нет помполита, обязанности его исполняет старший электрик Сурилов, он же секретарь парторганизации. Как сказал Сурилов «Лабинск» с Кубы пойдет за грузом маиса в Веракрус, там вроде как телевидение капиталистическое да и на стоянке можно обменяться фильмами с капиталистами.

В первую же ночь, решил Коля изучить репертуар ночных кинозала местного телевидения, да заснул. Так Колю в салоне команды электромеханик и застал спящим. Наверно шеф о чем-то догадывался или сам посмотреть шоу хотел, но Коле ничего не сказал. Известное дело, развлечения на судне стандартные. Партилитучеба, партийные и комсомольские собрания, профучеба, да учебные тревоги. Фильмы на судне

смотрены- пересмотрены. Смотрел парень телевизор да заснул. Между тем решили мужики поменяться кинопленками с экипажами других судов. В экипаже такие инициаторы найдутся всегда. Трудно предположить, что кто-то из иностранцев досмотрел до конца «Броненосец Потемкин» или другие шедевры советского кинопроката, но пленки всегда и охотно меняли. Просили только не вырезать самые пикантные места. Была такая болезнь, тайком от помполита составить дайджест из клубнички. Рыбаки славились этим, да и одесситы тоже.

Кто был в Веракрузе в начале семидесятых прошлого столетия, помнит, что грузовые операции в этом мексиканском порту при погрузке зерна проводились собственными грузовыми устройствами А это означает, что десять тысяч тон маиса местные докеры будут грузить недели две. Уж десять дней точно... Тоска...

Вдоль причальной линии выстроились суда под разными флагами. А в те времена сходить в гости на соседнее судно было также привычно как нынче к соседям по лестничной площадке. Если быть точнее при наличии соответствующих ресурсов, гостей принимали охотней, чем ходили сами.

Все-таки эксцессы с комиссаром исключить было сложно. Иностранцы тоже их побаивались. Пропаганда. Но если помполит не особый радикал, можно было и гостей принять, а потом и самим с ответным визитом ...

Обнаружив неподалеку восточногерманский сухогруз, решили развивать культурные связи, прежде всего с союзниками. На ржавую палубу немца поднялись второй помощник капитана Пантелейевич и практиканты. Испуганный вахтенный матрос, рыжий немец, появился с невероятным для советских судов запозданием. Вызвал вахтенного помощника. Фриц был гостеприимен и даже умел немного по-русски. Дали немцы фильмы и пивом согласно международному своду неписанных законов угостили. Холодным, немецким и по три банки на брата. Больше не вместилось. Писаться проситься было не-

ловко. Возвращались на «Лабинск» налегке, потому, что пока пили пиво, был на судне шипшандлер, это агент-снабженец, которому немцы и поручили свезти коробки с фильмами на «Лабинск». Пока шли вдоль причалов, в животе приятно булькало и наверно это Пантелейевича и раззадорило потому, что предложил он навестить стоящий у причала датчанин. Кто был сильней в английском, сказать сложно, но стоящий у трапа полицейский, в конце концов, вызвал вахтенного штурмана, который не преминул гостей пригласить к себе в каюту. Тут у Коли внезапно появился реальный шанс познакомиться конституцией мексиканок, но Коля очередной раз шанс свой упустил. Потому, что датчанин, сунув в руки своей посетительнице десять долларов за беспокойство, с судна ее выпроводил. Датчанин был щедр и в результате кроме советских гостей за столом оказался и выставленный у трапа мексиканский полицейский. Пили виски. Когда у Коли начало смеркаться в сознании, вся компания двинулась по направлению к «Лабинску», где стол был накрыт в каюте 4-го штурмана. Дальнейшие события в полном объеме Коля рассказать не берется, потому, что к тому времени, когда старшие товарищи углубились в поглощение судовых запасов спирта, он тихо сопел на диванчике. Но, полицейского нигде не было. Это он помнил, потому, что было страшно. Коля представителям иностранных служб не доверял. И правильно делал. Это потом Коля освоится с начальами промышленного шпионажа, международных юридических визу, интриг и другими полезными для жизни вещами. А тогда, ни-ни... Закроют визу, прощай, Атлантика.

Утро было не совсем хорошим, а точнее плохим. Впервые попробовав в убийственных дозах жидкости расширяющие сознание и искривляющие координаты пространства-времени, а часто и жизни, Коля понял, что это кара божья. Утро определенно было ужасным. На работу Коля вышел с большой головой, а тут по судну еще поползли слухи, что агент, который привозил банки с фильмами, нашел в коридоре судна пустую

бутылку из-под технического спирта. И началось. По трансляции гремит объявление «Всему экипажу собраться в столовой команды». Исполняющий обязанности помполита старший электрик Сурилов тревожно объявляет, что со слов агента употребление технического спирта может привести к слепоте, поэтому кто пил, пусть после собрания отправляются к доктору. Что делать? Народ на собрании призадумался, стоянка шестые сутки, а за это время всякое было. Так как слабонервных на собрании выявить не представилось возможным, Сурилов поспешил закрыть собрание. Народ расходился хмуро и молча. К четвертому штурману Коля пробирался тайком. У дверей каюты столпились все участники мероприятия, кроме датчанина. Про мексиканца и не вспомнили. Видать спирт он все-таки не пил. Владелец каюты спокойно разъяснил, что якобы найденная агентом бутылка не наша, спирт пили ректификат из бидонов склада ЧМП. Все это, похоже, антиреклама в пользу местной текилы или другого шмурдяка. Шипшандлер рассчитывал увеличить собственные обороты товарно-денежной массы, датчанин жив, а по возможности и здоров. После 24-00, сняв с вахты матросов, его под белые ручки доставили на палубу его парохода, самостоятельно викинг ходить уже не мог.

Уже после выхода из порта еще долго разговаривали по радиотелефону с лучшим другом Майклом. Вот такие методы изучения иностранных языков. А от погрузки в Мексике из экипажа никто не пострадал, интересы государства также остались в сохранности.

На одиннадцатые сутки «Лабинск» тихо и уверенно взял курс на Гавану. На остров Свободы. А там и домой. Потому, что наши главные дела всегда дома!

И дела эти продолжились тем, что Колю, который обучался по индивидуальной программе, направили на судоремонтную практику на «Палладу».

Слабонервным просьба не торопиться с выводами. «Паллада» в Херсоне это подразделение судостроительного завода

им.50-летия Комсомола. И стал Коля добросовестно набивать сальники соединительных коробок сетей освещения, с тоской вспоминая Веракрус и остров Свободы. Видя невыразимую тоску на бесхитростном лице практиканта, мастер решил изменить студенту фронт работ, направив Колю на производство электромонтажных работ на строящемся доке. Потому, что там девчонки. Мастер так Коле и сказал

- Иди Коля, там весело.

Коля и пошел. Утром сначала в электроцех, а потом взвалить на себя светильники и на палубу дока, после чего Коля старался по возможности распоряжался рабочим временем по собственному усмотрению. Кто бывал на «Палладе» тот помнит неподалеку от дока огромную гору намытого речного песка. За этот холм и мы сбегали купаться. Местные мужики на работе себе этого не позволяли или может, знали чего такого, что за песчаный холм не заглядывали. Потому, что бегали туда и девчонки пока мы их оттуда не выжили. Мы выживали девчонок не очень, потому, что купались они голышом, а при курсантах купаться вроде и неприлично. Так вот за эту гору стал ходить и Коля. Он что-то слышал. Да и мастер обещал, что будет весело. Заглядывалась тут одна на доке. Коля с грустными мыслями так и заснул на тепленьком песочке и не заметил, что девчонки приходили, но потревожить его не решилась. Днепр большой места всем хватает. На следующий день Коля снова поймал не себе незаинтересованный взгляд девчонки из бригады отделочников. Стояла она и смотрела как то сквозь Колю и на пространство за Колей одновременно. И стояла она долго, а когда Коля отвернулся, исчезла куда то. Коля ходил за песчаную гору, но никого там не обнаружил. Тогда Коля решил быть внимательней. На следующий день незнакомка с отсутствующим видом опять появилась на прежнем месте. Подождав, когда девчонка отойдет за угол надстройки, Коля пошел следом, но зацепился штаниной комбинезона за штуцер воздушной системы низкого давления. В том самом месте, где

стояла незнакомка. И тут у Коли появились первые сомнения в светлом будущем. Зато Коля понял, как можно вентилироваться не снимая комбинезона, за что он долго был благодарен незнакомке. Много лет спустя, когда в одном африканском порту ползком выбирался из машинного отделения лежащего на борту сухогруза зацепился штаниной за патрубок системы углекислотного пожаротушения, Коля вспомнит девчонку на плавдоке и улыбнется своим не к месту мыслям...

Продолжение следует

Эпилог

Херсон радовал погодой. Особенно невероятно изумительной она казалась гостям из регионов прилегающих к морям Северного Ледовитого океана. Это было лето. Город за последние пять лет очень похорошел и не заметить это невозможно. Кругом царит праздничное настроение, по городу опять ходят троллейбусы - любимый транспорт нашей курсантской поры- с курсантов билетов не спрашивали... И что немаловажно, умопомрачительных девчонок в городском транспорте не убавилось . Вот только, наверно, уже не для нас. Потому, что это дочери внучки наших сокурсников. Нет, мы пристегиваемся к ним не с меньшим азартом, чем сорок лет назад, нам со смехом даже вручают визитные карточки. Ну, да сорок лет разницы в возрасте нам совсем не помеха.

Ребята мы крутые.

Однако все с грустью понимают, что даже самые беззаботные из нас по номерам этим звонить не будут. Наше время ушло. Окончательно поймем мы это несколько позже, но предчувствие это в душе уже неистребимо. И наверно смиримся.

По проспекту и прилегающим паркам группами и по одиночке в направлении второго учебного корпуса движутся респектабельные мужчины возраста элегантности, если точнее, приближающиеся к границам утраты репродуктивной способности. Самостоятельные, с повидавшими виды лицами и в чем-то неуловимо похожие друг на друга.

Ну да, ведь завтра в нашей мореходке посвящение в курсанты нашей мореходки или как говорит местное население,

-У морячков будет присяга, и движение по городу опять перекроют.

К этому неудобству жители города относятся терпимо и даже присоединяются к этому действу, благо по заведенной традиции происходит оно во вторую субботу октября. Мы разделяем эту благосклонность с нынешними курсантами. Поэтому, что традиционно день встречи выпускников училища.

Под смех окружающих, церемонно подавая руку молодым девчонкам, компания наша

вываливается из троллейбуса. Мы - это остатки восьмой роты ЭМС выпуска 1970 года.

А трофеи - визитная карточка с телефоном, достался мне. Так-то, джентльмены.

Еще на подходе ко второму учебному корпусу узнаю Сашку Муратова. Представьте себе, за сорок лет даже не поседел. Не узнать невозможно. И то сказать, о его приезде не знал только ленивый, из числа тех, кто пользуется компьютером в качестве подставки для стаканов. С другой стороны, Сакраменто - тоже, не ближний свет.

К 11.00 становится людно. Электрики 7-ой роты 1969 года выпуска концентрируются на противоположной стороне главного проспекта нашей жизни. Это напротив второго учебного корпуса, у входа в «комсомольский» парк. Слушают инструкцию старшины роты Загалевича.

Вижу знакомую физиономию из числа некогда знакомых. Интуитивно и наугад обращаюсь на одном из местных диалектов:

- Домнуле, Лупану! Кум сэ трэим?

Видно подвела интуиция, потому, что метнулся от меня «домнуле» как от вражеского агитатора. Может, нужно было обратиться на другом языке? Можно было, простите братцы, чрезмерен был, видать, я в эмоциях. Так ведь и день был особенный. Вот когда обозвал Витьку Иванова гагаузом, он на этот раз возражать не стал. Только тут тоже не очень ладно получилось, на вокзале мы с ним разминулись, а у второго учебного корпуса друг друга потеряли. События проистекали таким образом, что потерять друг друга было немудрено.

Справедливости ради следует отметить, среди присутствующих были замечены лица с видом VIP-персон, которые надо полагать друг-друга из виду не теряли. Так ведь они с нами у флага училища не фотографировались, в затон на водную стан-

цию не ездили, рейд на катере не объезжали, песен не орали на Суворовской и не совершали многих других действий, за которые могла бы осудить общественность. Так ведь и с тротуаров им не кричали:

- Спасибо, хлопцы!!!

Но все это будет позже, потому что сначала было первое шампанское. Это в кафе напротив второго учебного корпуса, в парке. А потом и «первая кровь». Это в том смысле, что предупреждал Ленька Круцких – из первого выпуска дунайцев. Да кто слушал? Нет пророков в Отечестве своем. Произошло то, что происходило ежегодно. Публика стала интенсивно кучковаться, как грозовые облака. По специальностям, по курсам, портно и еще Бог весть по каким признакам. Первым в неизвестном направлении своих увел Загалевич. А ведь на 170-летие был главным застрельщиком совместного посещения «Лакомки», где при нас, выпускники любили дать прощальный бал. Тут же с мест описываемых событий деловито и в неизвестном направлении удалились Муратов с Грегом. Мне кажется, что это был Грег, и, мне кажется, я его узнал. Или мне так только кажется? Очень грустно, что не удалось пообщаться, потому, что я его больше не видел Да, вряд ли когда уже увижу. Где та Америка? От России далека. Однако, на сцене появились Леша Приходько и Володя Суслов, после чего Коля Выдриган повел публику для дружеской беседы на берег Днепра. Предлагал Кондраев выйти на Суворовскую, но что-то нам помешало. Ведь само собой предполагалось, что 9 октября главные события будут происходить на Суворовской. Фиг Вам. Человек предполагает, а Бог располагает. Суслов порекомендовал тем, кто хочет рассмешить Бога, рассказать ему о своих планах на завтра спел, однако, я поговорить с сокурсником с радиостанции Прокопьевым и передать живущим в Херсоне Коле Климу, Сашке Савичу и Сереже Гинкулу приветы. Привет ребята!!!

Чуден Днепр в ясную погоду. И катеров у причала неме-

ряно. Идея витала в воздухе и погрузились мы в очередной баркас для приветствия стоящих на рейде судов. Но сначала в Затон на водную станцию. Наше появление до минуты совпало с демонстрацией работы тренажера «Свободно падающая шлюпка». То есть сначала были мы, а потом бросали шлюпку. Бросали ее дважды и оба раза удачно. Не задерживаясь на водной станции и помятуя, что главные события ожидаются на Суворовской, обойдя рейд мы высадились на набережной. Нужно было случиться такому, что сразу после первой кружки пива, следом за нами высадился духовой оркестр училища. И все пошло наперекосяк. Мы ребят уговаривали недолго. «Прощание славянки» оркестра сопровождалось хоровым сопровождением остатков восьмой роты и аплодисментами благодарных горожан. Вот только дальнейшие события требуют уточнений. Потому, что помню не очень и уточнить никто не взялся.

Потом как-то незаметно ,а может, даже совсем и наоборот, резко стало смеркаться и оказалось, что кому-то пора клизму ставить внуку, кому-то, непонятно зачем, нужно где-то быть, а у кого-то печальные обстоятельства, просто ни к чему и спрашивать. И это совсем без иронии, Господа. Годы, возраст. И оказались тогда мы с Колей Выдриганом в том самом месте, где Загалевич с утра собирал седьмую роту ЭМС-69. Электриков давно и след давно простыл, но за столом на воздухе сидели два в высшей степени интеллигентных джентльмена. Водители. Одного из них я хорошо помню в лицо по случаю празднования 170- летия училища. Остановить свой порыв я не мог, и на стол было подано шампанское. Однако оказалось, что наш коллега, импозантная внешность которого мне так запомнилась, вот уж как пять лет как из лужи этой больше ни- ни. А второй джентльмен, не менее приятной наружности, тоже «за рулем». Пока мы судили и рядили, как это приличествует людям нашего возраста, ни о чем, подошла весьма интересная и видная пара. Было очевидно, что мужчина мореходчик. И еще

оказалось, что они мои земляки из Молдавии. И еще стало понятным, что присутствие наше будет лишним, поскольку люди назначали друг-другу встречу, все «за рулем», а мы просто с Луны свалились. В связи с изложенным, мы, желая оставить о себе не самые худшие воспоминания, не сговариваясь, откланялись. Поскольку шампанского было только два, салюта Наций не получилось.

А мы с Николаем Захаровичем, поехали к Саше Кондраеву, где и нас ждал обильный и чрезмерный ужин, со всеми излишествами, не очень приличествующими «юношам преклонного возраста». Вот так случилось, что в этот день побывали везде, кроме главной улицы нашей жизни. Прошу не путать с главным проспектом. Ничего, нас еще запомнят!

Наутро шел дождь. И никакой это не дождь. Это слезы по нашей юности, сказал я. Моя сентиментальность была встречена весьма неодобрительно, и тогда я сказал, что дождь в дорогу-это к добру. Особенно в такой день, когда в курсанты посвящают новое поколение моряков. Так утверждают болгары и гагаузы, да и молдаване, кажется, тоже. Тут со мной согласились все. Словоохотливый таксист, которого мы попросил подвести до Парка Славы, пояснил, что у морячков сегодня присяга, и могут быть проблемы. Однако, когда услышал, что сегодня город принадлежит и нам, следов сомнений на его лице не оставалось. Высадил он нас где-то у танка. Когда мы спустились к памятнику Неньке Украине (прошу простить и поправить если называю неправильно - это не нарочно), училище стояло в парадном расчете и шло театрализованное представление, посвященное открытию училища. Весь ритуал будет описан позднее, во избежание искажений неизбежных при описании подобных событий, без консультаций. В завершение торжественной части было посвящение в почетные курсанты руководителя судоходной компании «Мэрлоу Нэвигэйшн». Титул и нэйм знающих людей прошу уточнить. В ходе церемонии у меня вдруг возникло ощущение, что тельник и гюйс одному

из руководителей компании вручались пять лет назад. Но могу ошибаться, потому, что тогда в Херсоне я был впервые после выпуска и находился в состоянии близком к шоковому. Учитывая, что при слабом знании языка моих украинских предков я узнал о компании, и, что компания делает для училища и курсантов, думаю, что в почетные курсанты можно было бы принять весь ее штат. Может быть, тогда сохранили бы и «Товарищ». Между тем, богохульники СМС 71-74 годов выпуска у подножия памятника к этому времени уже распивали водку. К нам подошел Володя Калашников ЭМС-71 из нашей роты. У нас в роте было два курса. Володю мы все если узнали не сразу, то вспомнили мигом, что вызвало бурю эмоций. От Володи мы узнали что среди буйствующих находится и Коля Козубенко. Отвел его Володя поближе к танку, где мы, сомневаясь в своих физических способностях, его и дожидались. Реакция Коли была сродни картине «Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану». Роль султана досталась мне, внучатому племяннику запорожцев. Чтобы описать картину, нужен талант. За неимением онного, попытаюсь, как получится.

- Дрон!!? Е... Б... М... Туда-сюда!!! Да ты мне рубль должен!!!

Нужно отметить, что это святая правда. Ездили мы с Колей в одно место, дела решать холостяцкие. В Херсон. Рубль отдали цыганке, что мне счастье нагадала. Я и впрямь Коле задолжал, только солгала цыганка тогда. И предложил я Коле долг вернуть в твердой валюте или жидкой. И все бы ничего, только Коля был не один. Не один был и я, и опять жизнь нас разлучила. Коля!!! В неоплатном я перед тобой долгу.

Коля приехал в Херсон в ллойдовской фуражке с огромным козырьком со всеми знаками различия и отличия. В полной форме, по его словам, в расчете заработать на фотографировании с сокурсниками, у которых формы нет. Да вот, не случилось Коля нам с тобой сфотографироваться. Кто знает, может, еще свидимся, Коля?

Уехал Коля к месту встречи измаильчан, а совет нашей стаи порешил определить местом нашего временного базирования какой-то шайн-бокс под тентом в парке. Когда стало понятным, что костюмы наши испытания дождем не выдержат, убрались мы из-под шатра в бильярдную. В помещении два бильярдных стола, барная стойка и длинноногие красавицы, которые предпринимают всевозможные, не выходящие за рамки приличия, усилия скрасить досуг курсантов предпенсионного возраста. Ну, да бабушки, мамы бегали на танцы в мореходку, где учился папа, в мореходке учился дедушка или старший брат. И, вообще, они знают о празднике. Вот только присутствовать не смогли. Работа. Они рады приезду гостей в город. Вина хватит, никого мы не объедим и никому неудобств мы не причиняем.

Время летит невероятно быстро. Первым опомнились Коля Выдриган и Володя Калашников, которые напомнили, что следовало бы посетить и первый корпус училища.

Память человеческая способна вытворять невероятные вещи. Иногда можно до минут вспомнить события сорока летней давности и при этом пройти мимо собственного дома. Не увидать. Это к воспоминаниям, представленным на суд посетителей сайта, под названием «Этот миг неповторимый...». Я помню синагогу.

Не знаю, в какой момент жизни произошло запечатление, но многие годы я был уверен, что у КПП 2 первого корпуса училища стоит синагога. Мне и в голову не приходило спросить себя, почему окна храма выполнены в форме православного креста. Не удержался, спросил. Товарищи мои посмотрели на меня, как будто узрели в глазах моих угрожающий диагноз. И вспомнил я свой застарелый грех. Давал я слово, после государственных экзаменов поставить с Таней Штуриной свечку Николаю Угоднику. Не случилось. Через что наверно все и получил сполна. Вспомнил цыганку, которой Коля заплатил последний рубль за предсказание мне счастья.

Вошел я церковь, просил всевышнего простить меня и за-
жег свечку. Уже без Тани.

На специальности остатки 8-ой роты были встречены со всеми приличествующими времени и обстоятельствам почестями. В соответствии с этикетом было воздано должное всем морским традициям. Здесь, мне кажется, салют Наций удался. Мы приветствуем Вас, товарищ капитан второго ранга, и от всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья и, может быть, прежде всего, семь футов под килем.

Попрощавшись с официальными лицами, воздав должное собственным воспоминаниям, с разрешения дежурного по училищу с дежурным нарядом мы сфотографировались в вестибюле КПП 1 у государственного флага. За что я в избытке чувств, в знак признания и благодарности, дежурного на прощание расцеловал.

А потом все и началось, потому, что мы пошли на Суворовскую.

Суворовская, почти так же хороша, как при нас. То есть совсем не такая, как пять лет тому назад. Не ходят авто, кругом кафешки и бары. Не хватает только курсантов. Нет ни наших, ни «тюльки». С остальным не только все в порядке, с остальным все просто замечательно. Может и курсанты гуляют, да только не в форме. Не в моде нынче форма. Может, и при нас она была не очень презентабельна, да выбора большого у нас не было. Во всяком случае, до первой плав практики. Несмотря, на то, что мы разогреты до вполне подходящей для нашего возраста кондиции, ныряем в ближайшее заведение. Именно так начинались наши прогулки по главной улице нашей жизни. Только теперь, ввиду изменения социального статуса, возможности и вкусы наши существенно изменились. Ну да, раньше в нашей оперативной зоне было всего два интересующих нас объекта. Подвалчик на углу Ушакова и Суворовской, и еще магазинчик на самой Суворовской.

И наливали нам, как помнится, «Биле мицне». Сейчас мы

пьем на выбор - кто что пожелает. Кто-то высказывает крамольную мысль поискать «Солнцедар». Идея вызывает оживление в зале, однако до реализации дело не доходит, поскольку несмотря, что уже смеркается, очевидно, что в гуляющих по улице джентльменах есть что-то неуловимо знакомое. По природной невоздержанности задираем дам вопросом, не ходили ли они в мореходку на танцы. Нам со смехом отвечают утвердительно. Однако несколько позже, чем мы выпускались. - Некоторые уже в другом десятилетии, а то и в другом тысячелетии. А эти неуловимо чем-то знакомые джентльмены - наши сотоварищи более поздних выпусков. Знакомимся.

Кому приходит в голову идея закрепить знакомство песней, теперь никто не признается. Лично я признать вину не решусь только потому, что с талантами у меня того... Слон при рождении голову расплющил. Мама очень любила песни, вот и мне в память о ней, любовь эта передалась. Да в мореходке учились и талантливые ребята. И в нашей компании такие оказались. Сначала «Прощай любимый город...», потом по моей просьбе и с согласия исполнителя три раза к ряду гагаузскую народную песню «Ридна маты моя...». Слушать ее без слез трудно, но в этот день я не плакал.

Поскольку с украинским языком, по вполне понятным причинам, у меня сложности, а потом в память о предках и собственной юности я орал:

- Прощай, отчий край, ты нас вспоминай, Прощай навсегда! Прости, прости, прости прощай!

И мне подпевали наши ребята и кажется девчонки. Что-то подобное, на мотив «Славянки», я слышал еще в детстве. В другое время, да не дай Бог, в другом месте, нас уж, по крайней мере, попытались бы урезонить. За меньшие шалости бывали неприятности не малые. Но только не в Херсоне, только не сегодня и только не с нами. Сегодня город принадлежит нам, и никто даже не спорит. В каком городе за такие выкрутасы можно было бы услышать слова благодарности. А в ночном

Херсоне можно было услышать вслед:

- Спасибо, хлопцы!

Это наш триумф. Для этого мы и жили.

Клянусь, памятью о прошлом, это правда. А Киевского Со-
ловья и джентльмена из Николаева, имен не помню, выпуск,
кажется, 1974 года, прошу выйти на связь.

Было еще вино и были еще песни, но опять пришло время
для теплых клизм, других процедур. Возраст, господа. И увел
Вовка Суслов остатки нашей роты с Суворовской под хоровое
исполнение «Катюши». «Славянка» гремела еще на вокзале,
но праздник развеялся как туман на солнце. И едва ли он по-
вторится, потому, что жизнь не повторяется.

А вам, господа, желаю. От всей души. И еще, огромное
спасибо жителям Херсона, административно-преподаватель-
скому составу училища, за этот краткий праздник на Земле!

